

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»

На правах рукописи

Гиниятуллина Лилия Миннулловна

**СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРА,
ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор
Гарифуллин Васил Загитович

Казань – 2022

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Сложное синтаксическое целое: история изучения, вопросы терминологии и подходы к исследованию структуры ССЦ.....	18
1.1. История изучения сложного синтаксического целого	18
1.2. Вопросы терминологии.....	34
1.3. Внутренняя и внешняя структура сложного синтаксического целого .	44
1.3.1. Внутренние связи, образующие ССЦ	44
1.3.2. Внешняя структура ССЦ.....	56
Выводы по первой главе.....	63
Глава 2. Особенности композиции сложного синтаксического целого в татарском языке.....	65
2.1. Структурные типы ССЦ.....	65
2.1.1. Цепная связь	66
2.1.1.1. Организация цепной связи посредством лексического повтора.....	67
2.1.1.2. Роль синонимов при организации цепной связи	78
2.1.1.3. Особенности образования цепной связи антонимами	81
2.1.1.4. О роли местоимения при цепной связи	82
2.1.2. Параллельная связь	86
2.1.2.1. Повествовательные ССЦ.....	87
2.1.2.2. Описательные ССЦ.....	92
2.1.2.3. Анафорические ССЦ.....	104
2.1.3. Кольцевые ССЦ.....	115
2.2. О роли средств связи в сложном синтаксическом целом	119
2.2.1. Функциональное описание союзов и союзных слов в ССЦ.....	123
2.2.2. О функции относительных слов в ССЦ.....	139
2.2.3. Функциональное назначение вводных слов в ССЦ.....	144

2.2.4. Роль интонационной связи в ССЦ.....	149
2.3. Синтаксические модели соединения предложений в ССЦ	151
2.3.1. Виды ССЦ по их внешней форме.....	151
2.3.2. Сложное синтаксическое целое простой модели	153
2.3.3. Сложное синтаксическое целое смешанной модели.....	166
Выводы по второй главе.....	191
Глава 3. Специфика сложных синтаксических целых в зависимости от функционального стиля языка.....	197
3.1. Структурно-семантические особенности сложного синтаксического целого в художественной литературе	197
3.2. Структурно-семантические особенности сложного синтаксического целого в медиатекстах	237
3.3. Структурно-семантические особенности сложного синтаксического целого в официально-деловом и научном стилях.....	288
3.3.1. Особенности ССЦ в текстах официально-делового стиля	288
3.3.2. Особенности ССЦ в текстах научного стиля	299
Выводы по третьей главе.....	314
Заключение	317
Список литературы	327
Условные сокращения	368

Введение

Синтаксический строй современного татарского языка – синтаксические единицы, виды связей и типы отношений между ними – всегда находится в эпицентре внимания ученых-лингвистов. Наиболее изученными на данный момент являются типичные языковые явления, составляющие основу синтаксической структуры языка. Однако в синтаксисе есть немало конструкций, отличающихся синкретизмом. Структурный и функциональный анализ синтаксической системы с учетом не только типичных, но и синкретичных конструкций наиболее объективен, поскольку способен показать их взаимодействие и взаимовлияние.

К числу синкретичных конструкций следует, на наш взгляд, отнести и сложное синтаксическое целое (ССЦ), которое объединяет в себе структурно-семантические компоненты разных языковых уровней: синтаксического, морфологического, лексического, морфемного, фонетического.

Предложение в языкознании рассматривается как основная минимальная составляющая единица текста, которая реализуется в форме письменной и устной речи. Лингвисты признают, что между предложением и текстом есть промежуточное звено, что текст расчленяется на группы связанных между собой предложений. Таким образом, при изучении текста большое значение приобретают тесно взаимосвязанные предложения, образующие новую синтаксическую единицу, которую необходимо рассматривать и как составляющую текста, и как отдельную его структурную единицу. Изучение средств и способов связи самостоятельных предложений таких единиц позволяет углубить синтаксические представления. Единица, состоящая из нескольких предложений, тесно связанных между собой тематически, по смыслу, синтаксически, обеспечивает более полное развитие

мысли по сравнению с отдельными предложениями. Группу таких предложений, объединенных различными средствами и способами, лингвисты называют «сложным синтаксическим целым».

Определению ССЦ в русском языкознании уделено большое внимание. Применяется несколько терминов для его обозначения: «сложное синтаксическое целое», «микротекст», «сверхфразовое единство», «микрофразовое единство», «суперфраза», «прозаическая строфа», «абзац», «цепь предложений» и др. Наиболее часто используется термин «сложное синтаксическое целое».

Изучение сложных синтаксических целых, т.е. взаимосвязи самостоятельных предложений, в тюркских языках в целом и в татарском языке в частности является актуальной областью современной лингвистической науки. В татарской лингвистике также наблюдается наличие нескольких терминов для обозначения исследуемого элемента текста: «микротекст», «синтаксическое целое», «абзац», «цепь предложений», «период» и др.

Текст для исследователя является реальным заменителем связной речи. Изучение текста невозможно без всестороннего анализа составляющих его элементов. Сложное синтаксическое целое является компонентом текста. Текст, структура текста, взаимосвязь его компонентов находятся в фокусе внимания как лингвистов, так и литературоведов, писателей, составителей научных и деловых текстов, журналистов, так как грамотно составленное сложное синтаксическое целое выступает основой адекватного восприятия текста.

Сложное синтаксическое целое имеет как прямое отношение к структуре текста, к композиции, так и синтаксические черты. Многими лингвистами ССЦ, наряду с основными единицами синтаксиса (словосочетанием, простым предложением, сложным предложением,

многочленным сложным предложением), признается синтаксической единицей. Характеризуя ССЦ как синтаксическую единицу, лингвисты отмечают такие его признаки: оно состоит из группы предложений, связанных смысловым содержанием и при помощи лексических, грамматических средств, интонацией. Также как синтаксическая единица ССЦ демонстрирует неразрывное единство между планом содержания и планом выражения, закономерности которых требуют детального исследования.

История изучения сложного синтаксического целого связана с именами таких ученых, как В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, В.З. Гарифуллин, М.З. Закиев, Л.М. Лосева, И.М. Низамов, И.С. Папуша, А.М. Пешковский, Н.С. Поспелов, А.А. Потеня, Ф.С. Сафиуллина, Г.Я. Солганик, И.А. Фигуровский и др. Несмотря на то, что предшествующие исследования позволили выявить особенности ССЦ, остаются неизученными вопросы терминологии, статуса сложного синтаксического целого, структурно-семантические и функциональные особенности, делимитации границ в аспекте единства содержания и формы данной единицы в татарском языке.

Немаловажно и то, что развитие современных технологий остро ставит проблемы роботизации процессов составления текста, редактирования и перевода. Цифровизация и роботизация процессов создания и обработки текстов требует научной классификации алгоритмов создания не только отдельных предложений, но и более сложных единиц текста, прежде всего сложного синтаксического целого. Соответственно, ставит перед лингвистами необходимость решения таких задач, как описание синтаксических моделей соединения предложений в сложное синтаксическое целое, выделение структурных типов ССЦ в зависимости от сферы их функционирования в различных сферах коммуникации, определение структурно-семантических особенностей данных единиц.

Таким образом, **актуальность исследования** определяется:

- отсутствием в татарском языкознании комплексного научного исследования ССЦ;
- необходимостью разработки в татарском языке синтаксической терминологии, связанной с ССЦ;
- отсутствием в татарском языкознании методики анализа сложного синтаксического целого в аспекте единства планов его содержания и выражения;
- назревшей задачей – изучить ССЦ как специфическую синтаксическую единицу с целью установления принципов организации и особенностей его функционирования в тексте;
- потребностью более полного научного исследования структурно-семантических особенностей сложного синтаксического целого в зависимости от их использования в том или ином функциональном стиле татарского языка;
- потребностью формирования алгоритмов создания ССЦ в татароязычных текстах для внедрения в сферу цифровых технологий.

Степень разработанности темы исследования.

Как в русском, так и в татарском языкознании текст в целом и сложное синтаксическое целое в частности оказались в фокусе внимания лингвистов в середине XX в.

К настоящему времени в русском языкознании доказано, что сложное синтаксическое целое обладает собственной внутренней и внешней структурой, определены средства связи между предложениями и компонентами в составе ССЦ, выявлены виды сложного синтаксического целого по их внешней форме, описаны структурно-семантические особенности данных единиц в текстах различных функциональных стилей языка. В татарском языкознании исследованы компоненты сложного

синтаксического целого, средства связи, указаны виды связи между предложениями. Вместе с тем в татарской лингвистике к числу нерешенных относится проблема определения границ ССЦ с точки зрения неразрывности планов его содержания и выражения, не установлены синтаксические модели соединения предложений в сложном синтаксическом целом, не описаны типы ССЦ, нет специальных работ, посвященных комплексному исследованию ССЦ в аспекте единства его структуры и содержания, специфики функционирования. Заметим, что и в русском языкознании таких работ не так много.

Научная новизна работы определяется тем, что в диссертации:

- 1) на основании определения особенностей внешней и внутренней структур сложного синтаксического целого доказано, что ССЦ представляет собой самостоятельную синтаксическую единицу татарского языка;
- 2) представлен новый подход к анализу ССЦ, учитывающий особенности и взаимообусловленность внешней и внутренней структур ССЦ и тем самым доказывающий наличие у сложного синтаксического целого татарского языка своей особой структуры;
- 3) внедрена методика анализа ССЦ, отражающая комплексный подход к ССЦ;
- 4) установлены виды внешней формы ССЦ (синтаксические модели соединения предложений в сложное синтаксическое целое) и предложена их классификация;
- 5) выявлены и описаны языковые единицы, представляющие основную тему ССЦ, которую мы назвали «смысловым ядром» (*магънави үзәк*);
- 6) даны анализ и систематизация структурно-семантических типов и функциональных особенностей сложного синтаксического целого в текстах различных стилей татарского языка.

Объектом исследования является ССЦ как самостоятельная синтаксическая и текстовая единица.

Предметом исследования являются структурно-семантические и функциональные особенности ССЦ.

Цель работы заключается в определении (на базе комплекса показателей разных уровней языка) внешней и внутренней структуры, семантической организации, структурных и семантических особенностей ССЦ в татарском языке, в установлении проявления взаимодействия в разных функциональных стилях татарского языка.

Основные исследовательские задачи:

- разработать методику анализа ССЦ в аспекте единства планов его структуры и содержания;
- изучить роль средств связи в ССЦ;
- рассмотреть внешнюю и внутреннюю структуры ССЦ и определить синтаксические модели соединения предложений в ССЦ;
- описать структурно-семантические, функциональные особенности ССЦ в художественной литературе, научных, деловых и медийных текстах;
- выявить структурно-семантические особенности ССЦ в функциональных стилях татарского языка.

Материал исследования извлечен из текстов художественной литературы XX и XXI вв. В картотеке автора представлены ССЦ из произведений таких писателей и поэтов, как: М. Гафури, Г. Тукай, Ф. Амирхан, Г. Ибрагимов, А. Тангатаров, Г. Исхаки, А. Еники, Г. Абсалямов, Г. Кутуй, Ш. Камал, К. Наджми, Г. Такташ, Н. Фаттах, А. Шамов, Т. Миннуллин, И. Юзеев, Р. Миннуллин, Н. Ахмадиев, Г. Гыйльманов, З. Дарзаманов, Г. Сабитов, Р. Мингалим, М. Галиев, Г. Рахим, Р. Файзуллин, М. Рафиков, Ф. Замалетдинова, И. Набиуллина,

А. Хамзин, Р. Низами, Г. Галимова, Л. Ибрагимова, А. Тиникова. Используются примеры ССЦ из фольклорных текстов, текстов научного стиля, официальных документов, а также современных журналистских и публицистических текстов. Выбор того или иного текста не случаен, а основан на том, что он максимально подкрепляет конкретный теоретический постулат исследователя.

Общий корпус примеров, полученных методом сплошной выборки, составил более 3000 единиц ССЦ. В выбранных примерах сложного синтаксического целого сохраняется орфография и пунктуация авторов.

Научная гипотеза работы заключается в следующем: в татарском языке организация ССЦ осуществляется на базе синтаксических моделей, которые определяют внешнюю структуру ССЦ и являются средством его специфической воспроизводимости.

Теоретическая значимость диссертации объясняется тем, что в результате многоаспектного функционально-лингвистического анализа эмпирического материала создана классификация ССЦ татарского языка, разработан понятийно-терминологический аппарат исследования. В диссертации с позиций современного татарского языкознания определяются особенности ССЦ как синтаксической единицы, языковые единицы рассматриваются принципиально по-новому: с позиции средств связи, определяющих семантические, структурные особенности ССЦ, в аспекте их текстовой функции. Представленное в диссертации исследование выполнено в русле функционально-коммуникативного направления современной лингвистики. Наблюдения, выводы и полученные в ходе исследования результаты могут быть спроецированы на изучение ССЦ текстов различных функциональных стилей татарского языка.

Практическая значимость исследования определяется востребованностью научных данных о структуре и функционировании ССЦ

в современном татарском языке. Решение проблемы устройства текста и формирующих его единиц, в том числе и ССЦ, способствует совершенствованию теории и практики продуцирования и восприятия письменных текстов.

Основные выводы и материалы диссертации могут быть применены в учебном процессе в вузе при построении учебных курсов «Современный татарский язык», «Стилистика», «Лингвистический анализ текста», могут стать частью содержания спецкурсов и спецсеминаров по проблемам текста. Выявленные в ходе исследования особенности ССЦ могут оказаться полезными для журналистов, редакторов, специалистов по рекламе и других представителей коммуникационных видов деятельности и смогут найти применение при обучении и подготовке названных специалистов. Исследование послужит фундаментом для формирования алгоритмов создания ССЦ для дальнейшего использования в сфере цифровых технологий.

Теоретической базой исследования послужили научные работы, посвященные изучению структурной организации текста, систематическому изложению теоретических основ лингвистики текста, исследованию синтаксических моделей соединения предложений внутри текста (А.А. Акишиной, Л.Г. Бабенко, К.И. Белоусова, И.М. Богуславского, В.В. Виноградова, И.Р. Гальперина, В.З. Гарифуллина, Е.Н. Дибровой, М.З. Закиева, Л.М. Лосевой, Г.А. Набиуллиной, А.И. Новикова, В.В. Одинцова, И.С. Папуши, А.М. Пешковского, Н.С. Пospelова, А.А. Потebни, Р.К. Сагдиевой, Ф.С. Сафиуллиной, Л.С. Селендили, Г.Я. Солганика, И.А. Фигуровского и других ученых).

При выявлении специфики сложного синтаксического целого в зависимости от функционального стиля языка, анализе языковых особенностей в ССЦ мы опирались на труды О.Т. Бархатовой,

И.Б. Башировой, В.И. Борковского, Г.О. Винокура, Г.Р. Галиуллиной, Ф.А. Ганиева, В.З. Гарифуллина, М.З. Закиева, С.М. Ибрагимова, А.Г. Ишмуратова, В.Г. Костомарова, Х.Р. Курбатова, И.М. Низамова, Ф.Ш. Нуриевой, Ш.А. Рамазанова, Е.А. Реферовской, М.Р. Сайхунова, Ф.С. Сафиуллиной, Г.Я. Солганика, А.А. Тимерханова, Г.К. Хадиевой, В.Х. Хакова, Ш.С. Ханбиковой, Ф.М. Хисамовой, В.Е. Чернявской, А.Ф. Юсупова и других исследователей.

Методы и приемы исследования обусловлены спецификой объекта исследования, особенностью эмпирического материала и соотносятся с целью и задачами исследования.

При сборе и анализе материала для исследования были использованы такие методы, как изучение разнообразных источников информации, анализ полученных сведений, комплексный анализ, компонентный анализ, синтез. Сбор фактического материала осуществлен методом сплошной выборки.

Изучение синтаксических моделей, которые определяют внешнюю структуру ССЦ, велось с применением методов моделирования, классификации, аналогии.

Структурные типы сложного синтаксического целого и средства связи в ССЦ изучались методами доминантного анализа, лингвистического наблюдения и описания конкретных языковых фактов с целью получения и обобщения данных.

Для выявления специфики сложных синтаксических целых в зависимости от функционального стиля языка были применены дистрибутивный метод и метод контекстуального анализа.

Анализ исследовательского материала проводился комплексно, с привлечением на каждом этапе работы тех приемов и методов, которые, на наш взгляд, способствовали успешному решению поставленной цели и заявленным задачам исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В татарском языке ССЦ является самостоятельной синтаксической единицей, которой свойственны дифференциальные структурные и функциональные признаки. Они выходят за пределы набора признаков, присущих сложносочиненному, сложноподчиненному предложениям минимальной структуры и многочленному сложному предложению.

2. ССЦ организуется на базе синтаксических моделей, которые оказывают влияние на структуру всех компонентов ССЦ и являются средством его специфической воспроизводимости. Для обозначения моделей необходимо ввести в научный оборот ряд новых категорий и терминов, отражающих комплексный подход к изучению сложного синтаксического целого.

3. В ССЦ простой модели могут содержаться либо лишь простые предложения (модель, построенная на основании сочетания простых предложений), либо только сложные предложения (модель, построенная на основании сочетания сложных предложений).

4. В расширяющейся языковой модели ССЦ каждое последующее предложение имеет более сложную структуру, по сравнению с предыдущей. В сужающейся языковой модели, напротив, каждое последующее предложение имеет более простую структуру, по сравнению с предыдущей.

5. В комбинированной модели «ромб» зачин и концовка выражаются простыми предложениями, а в модели «песочные часы» – сложными предложениями любой структуры. Медиальные части всех смешанных моделей сложного синтаксического целого могут содержать как простые, так и сложные предложения.

6. Синтаксическая связь между предложениями ССЦ выражается в их структурной соотнесенности. Наиболее распространенным способом синтаксической связи между предложениями является цепная связь.

7. Для объединения предложений в сложное синтаксическое целое применяются все аналитические виды средств подчинительной связи, сочинительные союзы, союзные слова и вводные слова. Синтетические и парные аналитические средства связи не участвуют в организации грамматических связей между предложениями ССЦ. Все средства связи, помимо смысловой функции, выполняют композиционно-синтаксическую функцию.

Степень достоверности и апробации результатов.

Достоверность научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, обеспечена применением комплекса взаимодополняющих методов и приемов, адекватных целям и задачам исследования, привлечением обширного фактического материала и его анализом.

Основные положения диссертации изложены в 3 монографиях и 54 научных статьях (в том числе 18 статей в научных рецензируемых журналах, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 8 статей в журналах, реферируемых в базах данных Scopus, Web of Science; 3 статьи в зарубежных изданиях).

Достоверность полученных результатов обусловлена также их обсуждениями на научных конференциях и семинарах. Основные положения и результаты исследования были представлены в 2015–2022 годах на международных и всероссийских научно-практических конференциях, среди которых: «МАГИЯ ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания» (Москва, 24–25 апреля 2015 г.); Международная конференция «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань, 12–15 октября

2015 г.); «Модернизация педагогического образования» (Казань, 03–05 июня 2015 г.); Международная научно-практическая конференция «Татарское языкознание в контексте евразийской гуманитарной науки» (Казань, 01–04 ноября 2016 г.; Казань, 21–24 ноября 2019 г.); «VI Бодуэновские чтения» (Казань, 18–21 октября 2017 г.); Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Мажит Гафури – первый народный поэт Башкортостана. Деятельность музеев в увековечивании имен знаменитых личностей» (Уфа, 21–22 марта 2018 г.); IX Международная тюркологическая конференция «Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии» (Елабуга, 13–14 апреля 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Мировая тюркология и Казанский университет» (Казань, 26–28 апреля 2018 г.); V Всероссийская дистанционная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной татарской филологии» (Уфа, 18 мая 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Тюркская ономастика: от истоков до современности» (Казань, 11–14 октября 2018 г.); Международная конференция «Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы» (Казань, 14–17 октября 2018 г.); Международная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения Г. Исхаки «Гаяз Исхаки и национальное возрождение татар в начале XX века» (Казань, 06–07 сентября 2018 г.); Международная научная конференция, посвященная 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан «Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография» (Казань, 10–11 сентября 2019 г.); Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Хаковские чтения–2019», посвященная памяти заслуженного профессора Казанского государственного университета Вахита Хозятовича Хакова (Казань, 21–23 ноября 2019 г.);

Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса. Родной язык, фольклор, культура и литература коренных народов России в системе образования: проблемы и перспективы сохранения и развития» (Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2019 г.); Международная научно-практическая конференция «Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия (мировой опыт реализации языковой политики в федеративных государствах)» (Казань, 11 декабря 2019 г.; Казань, 13 декабря 2021 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Башкирская идентичность в тюркоязычной культурной парадигме России» (Уфа, 30 сентября 2020 г.); Международная научно-практическая онлайн-конференция «Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток Запад» (Казань, 22–25 октября 2020 г.); Казанский международный лингвистический саммит «Вызовы и тренды мировой лингвистики» (Казань, 16–20 ноября 2020 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Преподавание родных языков в современных условиях: эффективные методики и технологии» (Улан-Удэ, 17–18 декабря 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Лингвометодическая школа в Республике Татарстан: история и современность (к 100-летию со дня рождения выдающегося ученого-методиста, основателя Казанской лингвометодической школы Шакировой Лии Закировны)» (Казань, 16–17 февраля 2021 г.); Международная конференция «Габдулла Тукай в культурном пространстве XX–XXI вв.» (Казань, 23 апреля 2021 г.); Межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная юбилейным датам ученых-языковедов А.С. Кривошековой-Гантман и Р.М. Баталовой (Кудымкар, 21 октября 2021 г.); Международная научно-

практическая конференция «Проблемы функционирования языков в полиэтническом пространстве» (Улан-Удэ, 20-21 апреля 2022 г.) и др.

Структура диссертационной работы определяется поставленными и решаемыми в исследовании задачами и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и научной литературы, перечня условных сокращений.

Глава 1. Сложное синтаксическое целое: история изучения, вопросы терминологии и подходы к исследованию структуры ССЦ

1.1. История изучения сложного синтаксического целого

Текст – словесное речевое произведение, в котором реализуются все языковые единицы. Начиная с середины XX столетия большое внимание уделяется теории и практике словесности. Л.Г. Бабенко выделяет литературоведческий и лингвистический аспекты анализа художественного текста. Литературоведческий направлен от анализа идейно-тематического содержания текста к воплощающим это содержание языковым средствам и приемам. Лингвистический нацелен на подробный тщательный анализ языковых средств «под лингвистическим микроскопом» (выражение Н.М. Шанского) с целью выявления их роли и функции в идейно-тематическом содержании текста (путь от слова к содержанию) [Бабенко, 2004, с. 4].

Если раньше в лингвистике текст рассматривался материалом для анализа, средой, в которой функционируют различные языковые единицы, то с середины XX в. текст был признан особой речевой единицей. Сформировалась научная дисциплина – лингвистика текста, в качестве объекта которой, как утверждает Т.М. Николаева, выступают «правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» [Николаева, 1978, с. 267].

В функциональной стилистике основное внимание уделяется изучению функционально-стилистических параметров текста (В.В. Виноградов, М.Н. Кожина, В.В. Одинцов, Э.Г. Ризель, Д.Н. Шмелев и др). «Коммуникативная реализация текста как цельной единицы речевого общения определяется его стилистико-типологическими параметрами, а организация текста целиком зависит от функционально-стилистических

норм. Именно в сфере функциональной стилистики более полно осуществлена типология текстов, учитывающая их функциональное назначение» [Бабенко, 2004, с. 9].

Научные труды по изучению текста как в зарубежной, так и в русской лингвистике появились с середины XX в. Среди зарубежных работ следует отметить научный труд «Введение в лингвистику текста» Р.А. де Бегранда и В. Дресслера, который оставался основополагающим трудом по теории текста в течение многих лет.

Начиная с 1980-х гг. возникли два различных подхода к изучению художественного текста (лингвистический и структурно-стилистический). Б.А. Абрамов [Абрамов, 1974], Л.Г. Бабенко [Бабенко, 2003, 2004], Р. Барт [Барт, 1978], Н.С. Болотнова [Болотнова, 2009], Н.С. Валгина [Валгина, 2004], Ю.В. Ванников [Ванников, 1984], И.Р. Гальперин [Гальперин, 1974, 2007], Е.Ю. Геймбух [Геймбух, 2003], Е.А. Гончарова [Гончарова, 1989], М.И. Гореликова [Гореликова, 1989, 2002], Ю.В. Казарин [Казарин, 2004], О.И. Москальская [Москальская, 1981] и другие ученые внесли большой вклад в исследование языковой стороны текста.

А.А. Акишина [Акишина, 1979], К.И. Белоусов [Белоусов, 2008], И.М. Богуславский [Богуславский, 1985], Е.Н. Диброва [Диброва, 2008], В.В. Одинцов [Одинцов, 2006] и другие исследователи обратили внимание на структуру текста и используемые в произведении художественные приемы. В трудах Л.Г. Бабенко [Бабенко, 2003], А.Г. Баранова [Баранова, 1993], Н.С. Болотновой [Болотновой, 1989], А.В. Бондарко [Бондарко, 1984], А.М. Кузнецова [Кузнецова, 1990] и других ученых поднимаются вопросы коммуникативного и функционального анализа текста.

Как отмечает М.Р. Шаехов (2012), в 1990-е гг. на первый план выходит проблема исследования языковой личности, проявляющейся в текстовой деятельности. Если ранее антропологические и когнитивные методы

применялись лишь к отдельным элементам текста, то в период усиления «коммуникативно-прагматической волны» они становятся определяющим фактором многих лингвистических изысканий.

А.И. Новиков считает, что вследствие многослойности и многоуровневости текста «в нем могут быть выделены различные элементы, используемые в качестве его структурных единиц, могут быть выделены и различные системы отношений между этими единицами. Это означает, что одному и тому же тексту может быть поставлено в соответствие несколько различных структур» [Новиков, 1983, с. 117].

Сложное синтаксическое целое учеными признается основной синтаксической единицей, организующей текст, «строительным материалом» для более крупных единиц. «Статус ССЦ как синтаксической единицы подтверждается структурно-грамматическим единством входящих в него частей, связь между которыми осуществляется с помощью лексических и грамматических средств. В результате этого многокомпонентная единица формируется как единое целое из тесно спаянных между собой составляющих и с формальной точки зрения представляет собой замкнутую структуру» [Щербань, 2004, с. 7].

Одни лингвисты рассматривают сложное синтаксическое целое как речевую единицу, объединяющую несколько предложений, другие – как фрагмент текста. Исследуются вопросы взаимоотношения сложного синтаксического целого и текста, макротекста, микротекста, сложного синтаксического целого и высказывания, ССЦ и абзаца.

Сложное синтаксическое целое в русской лингвистике изучено такими учеными, как Ф.И. Буслаев, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.Х. Востоков, И.Р. Гальперин, Т.Ф. Глебская, М.В. Ломоносов, Л.М. Лосева, И.С. Папуша, А.М. Пешковский, Н.С. Поспелов, А.А. Потенция, Г.Я. Солганик, И.А. Фигуровский, Н.Ф. Яковлев и другими исследователями.

История изучения сложного синтаксического целого в русской лингвистике начинается с трудов М.В. Ломоносова, который впервые ставит проблему сочетания предложений – «союза периодов».

Более подробно раскрыл проблему сложного синтаксического целого А.А. Потебня, назвав его вслед за Ф.И. Буслаевым «речью». Ученый утверждает, что речь вовсе не тождественна простому или сложному предложению, однако речь как сложное синтаксическое построение не анализирует. С другой стороны, она, по мнению А.А. Потебни, не есть непременно ряд соединенных предложений, как формулировал Ф.И. Буслаев в «Грамматике русского языка», потому что речь может быть и одним предложением. Данное утверждение в настоящее время опровергнуто.

А.М. Пешковский впервые дал определение сложному синтаксическому целому, а термин сложное синтаксическое целое был употреблен впервые Н.С. Поспеловым. Ученый также дал характеристику ССЦ, выделил внешние и внутренние средства объединения самостоятельных предложений в сложное синтаксическое целое. Н.С. Поспелов еще в 50-е гг. XX в. обращает внимание на синтаксическую единицу, большую, чем предложение: «При изучении синтаксического строя связной монологической речи следует исходить не из предложения, а из понятия сложного синтаксического целого как синтаксической единицы, служащей для выражения сложной законченной мысли, имеющей в составе окружающего ее контекста относительную независимость, которой обычно лишено отдельное предложение в контексте связной речи» [Поспелов, 1948, с. 32].

Связи между предложениями рассматриваются далее И.А. Фигуровским. Ученый рассматривает смысловые отношения между самостоятельными предложениями и грамматические средства их выражения.

Л.М. Лосева в своих трудах исследовала структуру абзаца. Более подробный анализ ССЦ наблюдаем у Г.Я. Солганика, который выделяет три основных способа связи между предложениями (цепная, параллельная и смешанная) прозаической строфы и дает их подробное описание.

Во многочисленных исследованиях рассматривались принципы вычленения и типы сложного синтаксического целого, его свойства как языковой универсалии, имеющей устойчивую структуру (И.Р. Гальперин, Н.Д. Зарубина, Г.А. Золотова, В.А. Кухаренко, О.И. Москальская, О.А. Нечаева, И.С. Папуша, З.И. Тураева и другие ученые).

Поиск особой единицы текста заключался в том числе и в поиске обозначающего ее термина, в качестве которого предлагалось множество терминообозначений: компонент текста, складень, прозаическая строфа, смысловой кусок, абзац, суперфраза, коммуникант, цепь предложений, сложное синтаксическое единство, сверхфразовое единство и др. Многими учеными в большинстве научных трудов более подходящим для обозначения данной единицы был признан термин сложное синтаксическое целое.

В современном языкознании имеется ряд работ, представляющих анализ системных связей и взаимодействия сложного предложения, сложного синтаксического целого и текста [Малычева, 2003], посвященные структуре, семантике, функционированию ССЦ [Папуша, 2011] и исследованиям функционально-смысловых типов ССЦ в современной публицистике [Глебская, 2016] и др.

В начале XXI века текст в целом, сложное синтаксическое целое в частности неоднократно становились объектом научного исследования, что является вполне оправданным. Именно в это время были защищены кандидатские диссертации, в которых исследуются структура, средства связи между компонентами, смысловые отношения между предложениями сложного синтаксического целого и т.д.

О.А. Щербань в кандидатской диссертации «Содержание изъяснительных отношений и средства их выражения в системе сложного синтаксического целого» (2004) дает подробный анализ лексико-грамматических средств выражения содержания изъяснительных отношений в системе ССЦ. Автор выделила три вида изъяснительных отношений: собственно-изъяснительные, изъяснительно-пояснительные и синкретичные отношения между компонентами. Также автор рассматривает не маловажную проблему – особенно привлекающий внимание исследователей вопрос определения границ ССЦ.

В диссертационном исследовании А.В. Макарова «Содержание определительных отношений и средства их выражения в системе сложного синтаксического целого» (2007) изучается ССЦ как структурно-семантическое единство с определительными отношениями. Исследователь выделил такие виды определительных отношений, как собственно-определительные, пояснительно-определительные и синкретичные (определительно-изъяснительные и определительно-обстоятельственные). В работе выделено 16 лексико-семантических групп существительных, употребляющихся в позиции опорного слова в сложном синтаксическом целом с собственно-определительными отношениями.

А.В. Короткова в диссертации на тему «Категория посессивности и ее реализация в сложном синтаксическом целом» (2011) изучила структурные и содержательные аспекты реализации исследуемой категории в масштабах сложного синтаксического целого. Автор анализирует посессивные значения, которые реализуются на различных уровнях языковой системы: морфемно-морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом. «Каждый из них располагает специфическим набором репрезентантов. Система иерархична, поэтому элементы низших уровней неизменно

взаимодействуют между собой и, объединяясь, реализуются в конструкциях высшего (синтаксического)» [Короткова, 2011, с. 9].

Ученый утверждает, что композиционная структура посессивных ССЦ часто является неполной: при отсутствии зачина или концовки (или обоих) характерной является параллельная связь между предложениями.

В кандидатской диссертации «Содержание идентифицирующих отношений и средства его выражения в системе сложного синтаксического целого и текста» (2011) Н.М. Устинова исследует сложные синтаксические целые и фрагменты текста с идентифицирующими отношениями между составляющими их компонентами. По мнению автора, идентификация формируется на основе отождествления объекта и его признаков. В научном труде выделяются единства, реализующие два основных вида указанных отношений: собственно-идентифицирующие и идентифицирующе-определятельные. Отмечается, что идентифицирующие отношения, складывающиеся между синтаксически равноправными компонентами, являются сочинительными.

Имеются работы и сопоставительного плана. Л.Е. Согомонова в диссертации на соискание ученой степени кандидата наук «Сложное синтаксическое целое с цитацией (на материале русского и английского языков)» (2011) рассмотрела ССЦ с цитацией в русскоязычных и англоязычных художественных текстах XX и XXI вв., выявила характерные особенности и функции цитации в текстах в русском и английском языках, ее роль в формировании ССЦ, специфику ССЦ с цитацией в художественном тексте, представила системную структурно-семантическую классификацию моделей ССЦ с цитацией, определила роль сочинительных союзов и их лексико-семантических конкретизаторов в формировании типов ССЦ с цитацией.

По мнению Л.Е. Согомоновой, ССЦ с цитацией формируют большую группу синтаксических конструкций, в которых сочинительные союзы сохраняют свое исконное лексико-грамматическое значение, свойственное им в сложносочиненном предложении, и передают в основном те же, что и в сложносочиненном предложении, семантико-синтаксические отношения. Обычно в тексте цитируемое высказывание и цитирующее высказывание составляют последовательность, на основе которой образуется коммуникативное (ССЦ), а не структурно-семантическое единство.

Автор выделяет пять основных типов сложного синтаксического целого с цитацией: типы ССЦ, включающие в себя прямую, косвенную, несобственно-прямую, тематическую и свободную прямую речь. Каждый из этих типов имеет свои разновидности, подтипы. В исследовании отмечено, что в ССЦ с цитацией между компонентами возникают более разнообразные семантические отношения, передаваемые сочинительными союзами и конкретизаторами, чем между компонентами ССЦ других типов; выявлено отличие сочинительного ССЦ с цитацией от других типов ССЦ, которое состоит в том, что в ССЦ с цитацией у союза появляется дополнительная функция – выражать, кроме семантики отношений, их определенную направленность, что в немалой степени осуществляется за счет союзных конкретизаторов.

В начале XXI века защищены и докторские диссертации по проблемам сложного синтаксического целого.

Исследование Н.В. Малычевой «Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ» (2003) посвящено изучению системных связей и взаимодействия сложного предложения, сложного синтаксического целого и текста как синтаксических единиц разных уровней на основе непротиворечивой модели их описания. В нем представлена классификация структурно-семантических типов ССЦ, выявлены признаки

единиц, свойственные предикативной части ССП и самостоятельным предложениям в составе сложного синтаксического целого и текста.

Автором отмечено, что ССЦ является не только особой коммуникативной единицей, но, как свидетельствует анализ сложного предложения, единицей, обладающей своими собственными структурно-семантическими и прагматическими признаками, выходящими за пределы набора признаков, присущих сложному предложению.

Одним из базовых научных трудов для нас стала диссертация И.С. Папуши «Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование» (2011), в которой выявлены взаимообусловленности и взаимодействия плана содержания и плана выражения сложного синтаксического целого на базе комплекса показателей разных уровней языка и в установлении особенностей проявления этого взаимодействия в разных стилях русского языка. Ученым впервые описаны инвариантные языковые матрицы сложного синтаксического целого, обоснованы принципы классификации инвариантных языковых матриц сложного синтаксического целого, установлены условия членения структуры сложного синтаксического целого на гермы, выявлены признаки образуемого системой гермов поля языкового напряжения; особенности поля языкового напряжения сложного синтаксического целого функциональных стилей.

Из татарских лингвистов на изучение текста, его элементов обратили внимание Г.Х. Алпаров, Х.Г. Бадиги, И.Б. Баширова, Дж. Валиди, В.З. Гарифуллин, Т.М. Гильманова, Г.Ф. Губайдуллина, М.З. Закиев, Г.Г. Ибрагимов, С.М. Ибрагимов, Х.Р. Курбатов, А.Н. Максуди, Г.А. Набиуллина, И.М. Низамов, М.Г. Мухамадиев, Р.К. Сагдиева, З.Ф. Салахутдинова, Ф.С. Сафиуллина, В.Х. Хаков, Ш.С. Ханбикова, М.Р. Шаехов, Д.Ф. Шакиров, Г.М. Шакирова, М.М. Шакурова, А.Ф. Юсупов и другие ученые.

Проблемы теории текста подробно рассмотрены в трудах М.З. Закиева. В учебном пособии «Современный татарский литературный язык (синтаксис)» (1974) впервые в татарском языкознании уделено пристальное внимание сложному синтаксическому целому. М.З. Закиев описывает связь самостоятельных предложений по структуре и семантике, выделяет смысловые отношения, возникающие между компонентами синтаксического целого. Автор рассматривает параллельные и цепные связи между предложениями, а также кольцевые ССЦ, ССЦ с обобщающим зачином либо обобщающей концовкой, средства связи, которые могут связать предложения синтаксического целого.

Большой вклад в развитие теории текста в татарском языке внесла Ф.С. Сафиуллина. Ученым рассмотрены особенности формирования татарских художественных текстов, синтаксическая целостность текста, внутритекстовые связи, признаки завершенности текста и т.д. Ф.С. Сафиуллина подробно изучила и сложное синтаксическое целое [Сафиуллина, 1993], дала определение ССЦ, рассмотрела структурные компоненты, описала роль вводных слов, союзов, виды связей между предложениями.

В начале XX столетия ряд ученых обратил внимание на язык произведений татарских классиков. Кандидатская диссертация Г.Ф. Губайдуллиной «Языковые и стилистические особенности ранней прозы Гаяза Исхаки» (2001) посвящена изучению фонетических, морфологических, лексико-семантических и стилистических особенностей языка ранней художественной прозы Г. Исхаки.

Морфологические особенности языка произведений суфийского поэта первой половины XIX века Шамсетдина Заки стали объектом исследования у А.Ф. Юсупова (2004).

Т.М. Гильманова в кандидатской диссертации (2006) исследовала лексико-семантические и стилистические особенности драматургии М. Файзи. Лексика романов Г. Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай» подробно рассмотрены в диссертации Г.К. Исмагиловой (2008).

Опираясь на труды Ф.С. Сафиуллиной, Г.М. Шакирова в диссертации «Синтаксическая организация текста художественной прозы Г. Исхаки» (2009) исследует особенности деления текстов прозаических произведений Г. Исхаки методом объемно-прагматического и контекстно-вариативного членения. Автор анализирует роль межфразового единства и абзаца в формировании художественного текста, особенности зачина и концовки произведений, их значение в повествовании, названия произведений.

В диссертации на соискание ученой степени кандидата наук З.Ф. Салахутдинова (2010) комплексно исследует лексико-стилистических особенностей языка прозы В. Имамова, освещает особенности функционирования этих средств как идиостилевых черт.

М.Р. Шаехов в кандидатской диссертации «Структура текста современных татарских рассказов» (2012) подробно изучил виды параллельной связи между компонентами сложного синтаксического целого (назвав их сложно-синтаксическими целыми): повествовательные, описательные, номинативные, анафорические, употребляемые в прошедшем времени и с единым объектом описания; средства связи между высказываниями в сложных синтаксических целых, которые употребляются авторами в разной степени [Шаехов, 2012].

В ряде научных статей Р.К. Сагдиева (2015, 2016, 2017, 2021), Г.А. Набиуллина (2012) анализируют синтаксические особенности произведений татарских авторов.

В татарском языкознании первые упоминания о синтаксических единицах, состоящих из нескольких предложений, можно отнести к началу

XX столетия. Г.Г. Ибрагимов в книге «Татар нэхүе» («Синтаксис татарского языка»), М.Х. Курбангалиев и Х.Г. Бадиги в учебнике «Ана теле нэхүе» («Синтаксис родного языка») дали анализ периода (*тезем*), выделив семь видов синтаксических отношений. Дж. Валиди в учебнике «Татар теленең грамматикасы» («Грамматика татарского языка») при анализе сложносочиненных предложений также обратил внимание на такие синтаксические единицы, которые связываются между собой сочинительными союзами, привел несколько примеров, хотя еще не дал им определения. По мнению ученого, нельзя определить сложное предложение лишь по средству связи. Свои утверждения Дж. Валиди подтвердил примерами:

Ничә еллар карчыгым белән торган бүлмәдән ашханә ягына бер почмакка күчү, әлбәттә, миңа күңелле түгел иде, ләкин алай да угълымның хәтерә калмасын дидем дә карышмадым. Һәм дә шул вакытта игътибарга үземнең дөнъяда артык вә кирәксез икәнлегемне ачык кына хис итә башладым [Ш. Камал]. / ‘Конечно, мне было неприятно перейти из комнаты, где мы с женой прожили много лет, в уголок на кухне, но все же, не захотев обидеть сына, согласился. И тогда начал ясно чувствовать себя лишним и ненужным в этом мире.’

Дж. Валиди выделил три компонента: 1) *Ничә еллар карчыгым белән торган бүлмәдән ашханә ягына бер почмакка күчү, әлбәттә, миңа күңелле түгел иде*, ‘Конечно, мне было неприятно перейти из комнаты, где мы с женой прожили много лет, в уголок на кухне,’ 2) *ләкин алай да угълымның хәтерә калмасын дидем дә карышмадым*. ‘но все же, не захотев обидеть сына, согласился.’ 3) *Һәм дә шул вакытта игътибарга үземнең дөнъяда артык вә кирәксез икәнлегемне ачык кына хис итә башладым*. ‘И тогда начал ясно чувствовать себя лишним и ненужным в этом мире.’

Первые два компонента ученый считает компонентами сложного предложения. А третий, по мнению автора, нельзя рассматривать компонентом того же сложного предложения. Несмотря на то, что между ними употреблен союз *һәм* 'и', у них отсутствует внутренняя связь [Вэлиди, 1919, с. 156]. Таким образом, в начале XX столетия авторы в составе сложных предложений рассматривали и компоненты сложного синтаксического целого, не называя их другим термином.

М.З. Закиевым в книге «Хэзерге татар әдәби теле (синтаксис)» («Современный татарский литературный язык (синтаксис)») (1974) такие единицы языка были наименованы синтаксическим целым (*синтаксик бөтен*). Автор дает анализ смысловым, структурным и грамматическим особенностям связи между предложениями, входящими в состав синтаксического целого. В разделе «Синтаксическое целое» ученый описывает связь самостоятельных предложений по структуре и смыслу, грамматические связи между самостоятельными предложениями, выделяет смысловые отношения, возникающие между компонентами в составе синтаксического целого. Не обозначая специальными терминами, автор выделил параллельные и цепные связи между предложениями, кольцевые типы ССЦ, ССЦ с обобщающим зачином и обобщающей концовкой. В данном труде довольно подробно описываются средства связи, которые могут выступить скрепом между предложениями синтаксического целого.

В трудах «Татарская грамматика» (1995) и «Татар грамматикасы» (2017) М.З. Закиев отдельным блоком рассмотрел синтаксис текста. В данном труде ученый для обозначения единиц, состоящих из нескольких самостоятельных предложений, т.е. ССЦ, употребил термин «микротекст».

«Микротекст – это отрезок связной речи, который больше не разбивается на микротексты, но состоит непременно из нескольких

самостоятельных предложений, объединенных в смысловую, коммуникативную, структурную, композиционную и грамматическую целостность (в этом отношении период, состоящий из одного предложения, является исключением). Микротекстом выступают абзацы, параграфы, небольшие разделы коротких рассказов, статей, заявления, доверенности, стихотворения, белые стихи, небольшие репортажи, зарисовки, басни, анекдоты и т.д.» [Закиев, 1995, с. 534].

И.М. Низамов впервые поднял вопрос о специфике газетного и журнального текста. Диссертационное исследование на тему «Функционирование и развитие татарской речевой системы в массовой коммуникации» (1996) посвящено разработке научно-методических концепций системного выявления и употребления оптимальных языковых средств, соответствующих мотивам речи, формированию научно-методических рекомендаций для использования познаний по функциональной лингвистике в процессе непосредственного речеобразования. Здесь ставятся конкретные вопросы организации нового направления в татарской лингвистической науке – речеведения (*сөйләмият*), анализируются первоначальные параметры и единицы.

В докторской диссертации «Лингвостилистическая система татарского газетного текста» (1998) В.З. Гарифуллин впервые в татарском языкознании изучил язык газеты с точки зрения лингвистики текста. Ученый ставит своей целью выявление структурно-семантических и лингвистических механизмов порождения основных типов текста в татарской газете и проводит языковой анализ текстообразующих категорий. В научном труде подробно анализируются описательные и повествовательные синтаксические целые, цепная и параллельная связи.

Как уже было отмечено, в татарской лингвистике также наблюдается наличие нескольких терминов для обозначения сложного синтаксического целого: «микротекст», «синтаксическое целое», «абзац», «цепь предложений», «период». Часто термины «синтаксическое целое» и «микротекст» рассматриваются как идентичные понятия.

Естественно, что ССЦ является объектом исследования не только русской и татарской лингвистики.

Абдулла Камал в докторской диссертации «Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка» (1984) рассматривает вопросы теории текста. Автором подробно анализируется вопрос семантико-грамматических взаимоотношений компонентов текста.

В докторской диссертации на тему «Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке» (2001) Л.П. Водясова ставит своей целью дать квалификационную характеристику основной структурной единице текста – сложному синтаксическому целому (ССЦ); установить и описать способы и средства связи его компонентов в эрзянском языке, а также способы объединения отдельных самостоятельных ССЦ между собой в макротексте.

Ф.С. Искужина в диссертационном исследовании «Текст и средства его организации в современном башкирском языке: на материале произведений художественной литературы» (2000) подробно анализирует средства связи между самостоятельными предложениями, характерные особенности сложного синтаксического целого в современном башкирском языке.

В диссертации на соискание ученой степени кандидата наук «Способы и средства связи компонентов сложного синтаксического целого в кумыкском языке» (2008) З.А. Алдаева рассматривает многообразие лексико-грамматических средств связи компонентов сложного синтаксического целого в современном кумыкском языке.

С.Д. Алламуродова в кандидатской диссертации «Структурно-семантические особенности лексических средств межфразовой связи в русском и таджикском языках: на материале ССЦ научного и публицистического стилей» (2011) исследует лексико-семантические и структурные особенности ССЦ в русском и таджикском языках.

Мы не ставим перед собой цели дать исчерпывающий обзор научной литературы по проблемам текста в целом и вопросам сложного синтаксического целого в частности. Очевидно, что уже по характеру выборочно названных здесь работ можно судить о все нарастающем интересе к рассматриваемой проблематике во многих языках.

Таким образом, изучение текста в целом и сложного синтаксического целого в частности началось в языкознании с середины XX в. В прошлом столетии были предложены способы анализа текста, научно исследованы вопросы взаимоотношения сложного синтаксического целого и других речевых, синтаксических единиц.

В настоящее время дано определение ССЦ (А.М. Пешковский, И.С. Папуша), выделены внешние и внутренние средства объединения самостоятельных предложений в сложное синтаксическое целое, рассмотрены смысловые отношения между предложениями сложного синтаксического целого, выделены три основных способа связи между предложениями.

Вопрос терминологии также в течение многих лет оставался спорным. В итоге многими учеными более подходящим был признан термин «сложное синтаксическое целое» (в татарском языке – «*синтаксик бөтен*»).

В начале XXI века ССЦ было многократно исследовано учеными. Были написаны кандидатские и докторские диссертации, монографии, в которых внимание обращается на взаимосвязи сложных предложений, ССЦ и текста, структура, семантика, функциональные особенности и др.

В татарском языкознании ССЦ исследовано меньше, по сравнению с русским языком. Хотя в отдельных главах диссертационных исследований, монографий сложное синтаксическое целое было изучено, но до настоящего времени данная грамматическая единица не становилась объектом пристального монографического исследования.

1.2. Вопросы терминологии

Проблема определения текста тесно связана с проблемой выделения его единиц. Определению синтаксической единицы, состоящей из нескольких предложений, связанных между собой, уделено большое внимание. Как уже отметили, применялось несколько терминов для его обозначения: «прозаическая строфа» (А.Н. Гвоздев, Д.Э. Розенталь, Г.Я. Солганик и др.), «компонент целого текста» (И.А. Фигуровский), «связный текст» (В.В. Бабайцева), «сложное предложение», «абзац» (А.М. Пешковский, Л.Г. Фридман), «сверхфразовое единство» (СФЕ) (И.Р. Гальперин, Н.А. Турмачева, Е.А. Реферовская, Н.И. Серкова, О.И. Москальская и др.), «сложное синтаксическое целое» (ССЦ) (Н.С. Поспелов, Н.В. Малычева, И.С. Папуша, Л.Е. Согомонова и др.), «сложное речевое единство», «речевое высказывание» (В.В. Виноградов), «сложность цельного предложения», «большое синтаксическое целое» (В.Г. Адмони), «микротекст» (М.З. Закиев, И.М. Низамов и др.), «синтаксическое целое» (М.З. Закиев, Ф.С. Сафиуллина, В.З. Гарифуллин и др.), «период» (Л.И. Байкова) и др.

Наибольшее распространение получили два варианта наименования: «сверхфразовое единство» и «сложное синтаксическое целое». Первый обусловлен логико-грамматическим подходом, второй ориентирован на представление о единстве смысла и его синтаксического оформления. Некоторые лингвисты считают, что термины «сверхфразовое единство» и

«сложное синтаксическое целое» можно считать синонимами (В.В. Виноградов, Д.Э. Розенталь, И.Н. Дымарская, Н.С. Валгина и др.) В нашем исследовании предпочтение отдается термину «сложное синтаксическое целое».

В начале XX столетия наблюдается рассмотрение и синтаксических конструкций, состоящих из нескольких самостоятельных предложений, как сложное предложение. А.М. Пешковский в первых двух изданиях книги «Русский синтаксис в научном освещении» (1914, 1920), например, «синтаксическую единицу, которая получается с соединения предложений», еще называет сложным предложением. В последующих, переработанных, изданиях названного выше научного труда А.М. Пешковский (1928, 1935) отвергает термин «сложное предложение» и предлагает пользоваться термином «сложное целое».

Таким образом, ученые, понимая, что две разные единицы не могут называться одним термином, постепенно вводят новые обозначения для группы взаимосвязанных предложений.

Т.Н. Мревлишвили подчеркивает, что сложное синтаксическое целое – это и синтаксически, и по смыслу независимое целое в контексте связной речи. «Это по своей конструкции более сложное синтаксическое сочетание, состоящее из цепи предложений, связанных в одно целое единством темы. Предложение выражает отдельную мысль говорящего, а сложное синтаксическое целое является законченным выражением сочетания мыслей с единым смысловым содержанием. При этом такое высказывание всегда модально окрашено, в отличие от предложения здесь всегда выражено отношение говорящего к содержанию речи» [Мревлишвили, 1972, с. 184–185].

В конце XX столетия сложные предложения стали объектом пристального систематического внимания, которое стимулировалось

возникновением новых, перспективных направлений в синтаксисе, в частности семантического, коммуникативного синтаксиса, а также вовлечением в орбиту научных исследований новых, ранее недостаточно изученных языков, например таких, как урало-алтайские, к которым относятся и тюркские. На рубеже XX–XXI вв. проблема сложных предложений рассматривается в трудах Ф.Г. Галлямова, М.З. Закиева, К.З. Зиннатуллиной, С.М. Ибрагимова, Б.М. Мифтахова, Г.А. Набиуллиной, Л.М. Рахимовой, Р.К. Сагдиевой, Ф.С. Сафиуллиной и других ученых. В их трудах дается полное определение сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

По утверждению М.З. Закиева, компоненты сложного предложения должны состоять в семантической, структурной и грамматической связи между собой. Ученый указал несколько признаков сложного предложения:

- 1) оно должно выступать как цельная синтаксическая единица, то есть не должно распадаться на самостоятельные простые предложения;
- 2) в составе сложного предложения в качестве его неотделимых частей выступает несколько предложений, взаимосвязанных друг с другом, поэтому и его содержание значительно отличается от содержания простого предложения;
- 3) с семиологической точки зрения в сложном предложении всегда присутствует несколько ситуаций (пропозиций), но обязательно выраженных не членами предложения, а предложениями;
- 4) в составе сложного предложения его части как по содержанию, так и по форме приспособляются друг к другу, находятся во взаимосвязи друг с другом, поэтому они никогда не обладают такой самостоятельностью, которой характеризуются простые самостоятельные предложения [Закиев, 1995, с. 406].

ССЦ по многим качествам сходно со сложным предложением: реализация высказывания, одинаковые средства связи, полипредикативность, замкнутость структуры и др.

С.Г. Ильенко утверждает, что набор средств организации сложного синтаксического целого почти полностью повторяет набор средств организации сложного предложения [Ильенко, 2003, с. 37]. М.З. Закиев также подчеркнул, что компонентами текста выступают отдельные самостоятельные предложения, которые связываются между собой одинарными союзами, одинарными соотносительными словами, интонацией [Закиев, 1995, с. 546].

В некоторых случаях можно предложения ССЦ объединить в одно сложное предложение. Например, следующие два предложения сложного синтаксического целого можем объединить в одно сложное:

Әйттик, ярыш башланыр алдыннан узган репетициядә Нигерия әләмен дә күтәреп йөрделәр. Ә көрәшчеләре турнирда чыгыш ясамады [Ватаным Татарстан, 2014, 17 дек.]. / ‘Так, на репетиции перед началом соревнований несли и флаг Нигерии. А борцы на турнире не выступили.’ (здесь и далее перевод автора – Л.Г.)

В результате слияния двух самостоятельных предложений получим следующее одно сложносочиненное предложение:

Әйттик, ярыш башланыр алдыннан узган репетициядә Нигерия әләмен дә күтәреп йөрделәр, ә көрәшчеләре турнирда чыгыш ясамады. / ‘Так, на репетиции перед началом соревнований несли и флаг Нигерии, а борцы на турнире не выступили.’

Такое возможно особенно тогда, когда средством связи выступают союзы. Но не все предложения ССЦ поддаются такой трансформации. Н.В. Малычева подчеркнула следующее отличие ССЦ от союзных сложносочиненных предложений: в сложносочиненном предложении

«сочинительный союз не выражает определенной направленности синтаксических отношений, которая формируется соотношением лексического содержания частей. В то время как в ССЦ у союза появляется дополнительная функция – выразить, кроме семантики отношений, их определенную направленность. В силу этого построение поликоммуникативного (ССЦ), а не монокоммуникативного (ССП) единства служит в ряде случаев деомонимизации конструкций с сочинительным союзом» [Малычева, 2003, с. 23].

Согласимся с мнением автора о том, что «постановка точки перед предикативной частью с сочинительным союзом выводит компонент ССЦ из сферы зависимости главной предикативной части сложноподчиненного предложения. Двойственность понимания синтаксической структуры утрачивается и уточняется замысел автора» [Малычева, 2003, с. 24].

Хотя эти две единицы (предложение и ССЦ) между собой очень похожи, имеются принципиальные различия.

Назовем следующие характеристики, свойственные ССЦ, но не наблюдающиеся у сложного предложения, которые актуальны и для татарского языка:

- 1) раздельнооформленность;
- 2) обязательность микротемы;
- 3) многозначность средств межфразовой связи;
- 4) многозначность (полифункция) предикативной части;
- 5) наличие микроидеи (особого смысла);
- 6) наличие поля языкового напряжения (в татарском языке не изучено);
- 7) соответствие инвариантной матрице сложного синтаксического целого [Папуша, 2011, с. 26] (в нашей работе рассматривается как модель).

Несмотря на наличие большого количества одинаковых характеристик, сложное предложение и ССЦ – две разные синтаксические единицы.

Одно сложное предложение не может составить сложное синтаксическое целое, а также не все предложения текста объединяются в ССЦ.

Некоторые ученые предлагают формальным признаком ССЦ признать абзац либо красную строку (А.М. Пешковский, Н.И. Серкова, Т.И. Сильман, Т.Н. Мревлишвили и др.).

А.М. Пешковский считал, что более крупная синтаксическая единица, чем сложное предложение («сложное целое», по его терминологии) – «это сочетание сложного целого от одной красной строки до другой» [Пешковский, 1938]. За неимением синтаксического термина для этой единицы ученый предлагает пользоваться типографическим термином «абзац». Границами между абзацами, по определению А.М. Пешковского, является «сверхмерно удлиненные паузы».

М.З. Закиев рассматривает абзац и ССЦ отдельными друг от друга единицами. Ученый отмечает, что границы абзаца и микротекста иногда могут совпадать. «Исходя из практики выделения абзацев, параграфов, лингвисты пришли к выводу, что они не могут считаться особыми лингвистическими единицами, их относят к композиционным формам соответствующего жанра. <...> Если абзац составлен по всем правилам семантико-структурной целостности (а он должен быть таковым), то они – и настоящий микротекст, и стилистико-композиционная единица целого речевого произведения» [Закиев, 1995, с. 534].

Таким образом, абзац не является единицей языка и не выступает понятием синтаксиса. «Одна абзацная фраза может комментироваться сочетанием сложных синтаксических целых, и, наоборот, одно сложное синтаксическое целое может выделить из своего состава несколько абзацных фраз или заключать в своем составе несколько абзацев» [Лосева, 1980, с. 88].

Часто термины «сложное синтаксическое целое» и «текст», «микротекст» рассматриваются как синонимы, либо термин «микротекст» используется для обозначения сложного синтаксического целого (Р. Барт, Л.Н. Виноградова, М.З. Закиев, О.И. Москальская, И.М. Низамов и др.).

Данный вопрос подробно изучен и проанализирован в русской лингвистике. Мы перечислим лишь основные отличительные характеристики этих двух единиц.

1. Текст может состоять из автосемантических предложений в сочетании с ССЦ, нескольких связанных ССЦ, одного ССЦ, одного предложения, сочетания автосемантических предложений. В состав сложного синтаксического целого обязательно входит несколько предложений. Оно не может состоять из одного предложения, и автосемантические предложения не входят в его состав.

2. Текст включает в себя различные функционально-семантические типы речи: повествование, описание, рассуждение. В одном тексте могут быть все типы речи. ССЦ включает только один из функционально-семантических типов речи.

3. В каждом тексте определяется его тема, которая может состоять из совокупности микротем. В ССЦ обязательно наличие монотемы – микротемы.

4. У каждого текста своя тема – совокупность событий, описываемых в нем и служащих для постановки социальных, философских, этических и других проблем. В ССЦ отражается лишь микроидея.

Текст – особая языковая конструкция, которая состоит из ряда сложных синтаксических целых, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи и одиночных автосемантических предложений, которые, находясь в состоянии синтаксического покоя, не входят в ССЦ.

Н.В. Малычева подчеркивает, что «текст реализует свои свойства и признаки через ССЦ. Даже в художественном тексте, в котором повествование ведется от 1-го лица, закономерно обнаруживается полифоничность персональности. Переключение повествования от лица автора на повествование от лица персонажа происходит за счет контаминации субъектно-речевых планов на уровне ССЦ» [Малычева, 2003, с. 9–10]. Ученым перечислены дифференциальные признаки ССЦ, отличающие его от других единиц: поликоммуникативность, монотематичность, полифоничность [там же, с. 11].

Таким образом, ученые обращают внимание, во-первых, на средства связи, во-вторых, помимо грамматических, еще на лексические, логические и стилистические связи.

На данном этапе мы предлагаем следующее определение сложному синтаксическому целому:

Синтаксик бөтен – бер тема кысаларында берләшкән, тышкы форма модельларенең берсе нигезендә төзелгән мөстәкыйль синтаксик берәмлек. / ‘Сложное синтаксическое целое – самостоятельная синтаксическая единица, представляющая собой объединение связанных общей темой предложений, построенное по одной из существующих моделей.’

В ходе исследования нами разработан терминологический аппарат, отражающий комплексный подход к сложному синтаксическому целому. Предлагаем ввести в научный оборот следующие термины:

Гади модельле синтаксик бөтен – бер типтагы жәмләрдән генә (гади яки кушма) торган синтаксик бөтен. / ‘Сложное синтаксическое целое простой модели – ССЦ, которое состоит только из одного типа предложений (простых либо сложных).’

Тулысынча гади жәмләрдән генә торган синтаксик бөтен – гади жәмләрдән төзелгән модель. / ‘Модель, построенная на основании

сочетания простых предложений – ССЦ, которое полностью состоит из простых предложений.’

Кушма жәмләләрдән төзелгән модель – тулысынча кушма жәмләләрдән генә торган синтаксик бөтен. / ‘Модель, построенная на основании сочетания сложных предложений – ССЦ, которое полностью состоит из сложных предложений.’

Катнаш модельле синтаксик бөтен – гади һәм кушма жәмләләрдән төзелгән синтаксик бөтен. / ‘Сложное синтаксическое целое смешанной модели – ССЦ, которое образуется путем сочетания простых и сложных предложений.’

Киңәю моделле – алдагы һәр жәмләнең төзелеше, аңа кадәргесе белән чагыштырганда катлаулырак булган синтаксик бөтен. / ‘Расширяющаяся модель – ССЦ, где каждое последующее предложение имеет более сложную структуру, по сравнению с предыдущей.’

Периодлап киңәю моделле – киңәю моделле ике яки берничә тапкыр кабатланган синтаксик бөтен. / ‘Периодически расширяющаяся модель – ССЦ, где расширяющаяся модель периодически повторяется.’

Тараю моделле – алдагы һәр жәмләнең төзелеше, аңа кадәргесе белән чагыштырганда гадирәк булган синтаксик бөтен. / ‘Сужающаяся модель – ССЦ, где каждое последующее предложение имеет более простую структуру, по сравнению с предыдущей.’

Периодлап тараю моделле – тараю моделле ике яки берничә тапкыр кабатланган синтаксик бөтен. / ‘Периодически сужающаяся модель – ССЦ, где сужающаяся модель периодически повторяется.’

«Ромб» катнаш моделле – составында төрле төзелешле гади жәмләләр дә (башлам һәм бетем өлешендә), кушма жәмләләр дә (төп өлештә) булган синтаксик бөтен. / ‘Комбинированная модель «ромб» – ССЦ, которое

содержит в своем составе и простые (в зачине и концовке), и сложные предложения (в медиальной части) различных видов.’

«Ком сәгатә» катнаш модели – составында төрле төзелешле гади жәмләләр дә (төп өлештә), кушма жәмләләр дә (башлам һәм бетем өлешендә) булган синтаксик бөтен. / ‘Комбинированная модель «песочные часы» – ССЦ, которое содержит в своем составе и простые (в медиальной части), и сложные предложения (в зачине и концовке) различных видов.’

Мәгънәви үзәк – синтаксик бөтеннең төп темасын тәшкил итә торган тел берәмлекләре җыелмасы. / ‘Смысловое ядро – совокупность языковых единиц, представляющих основную тему ССЦ.’

Предлагаем в татарском языке использовать термин «*янәшә бәйләнеш*» для обозначения контактной (линейной) связи и термин «*ерактан бәйләнеш*» для определения дистантной связи.

Также предлагаем воспользоваться в татарском языке термином «герм» для обозначения компонента линейной структуры сложного синтаксического целого, в котором степень концентрации языковых значений единиц нескольких языковых уровней становится сигналом ее особой значимости для выявления микроидеи.

Таким образом, в настоящее время вопрос о выборе термина для определения синтаксической единицы, состоящей из нескольких связанных между собой предложений, можно считать решенным, так как в большинстве научных работ последних лет учеными-лингвистами выбран термин «сложное синтаксическое целое». Сокращенный вариант – ССЦ. В татарском языкознании предлагаем остановиться на термине «*синтаксик бөтен*». Сокращенный вариант – СБ.

1.3. Внутренняя и внешняя структура сложного синтаксического целого

1.3.1. Внутренние связи, образующие ССЦ

Между предложениями ССЦ существуют отношения, определяемые задачами коммуникации, т.е. смысловая связь. Обнаруживается эта связь благодаря лексико-грамматическим средствам. «Как все языковые явления, связь слов состоит из содержания и формы. Содержанием выступают различные смысловые отношения между словами, а формами являются средства связи» [Сагдиева, 2000, с. 5].

Как не всякие слова можно объединить в одно предложение, так и не всякие предложения можно соединить в одно сложное синтаксическое целое.

В ССЦ «соединяются между собой не только соседние предложения, но и предложения, отделенные другими предложениями. Связь первого вида называется контактной, второго – дистантной» [Лосева, 1980, с. 9]. Контактные (*яндшэ бэйлэнеш*) и дистантные (*ерактан бэйлэнеш*) связи играют важную роль в организации ССЦ, они объединяют все его компоненты в одно смысловое и структурное целое. Все эти средства Л.М. Лосева обозначила средствами межфразовой связи. Межфразовая связь – это «связь между предложениями, ССЦ, абзацами, главами и другими частями текста, организующая его смысловое и структурное единство» [Там же].

Ученым выделено две группы средств межфразовой связи:

1) средства связи общие как для соединения частей сложных предложений, так и для соединения самостоятельных предложений;

2) средства связи, используемые только для соединения самостоятельных предложений и называемые собственно межфразовыми средствами связи [Там же, с. 15].

При таком делении наблюдаем, что в одну группу средств связи объединяются и морфологические, и лексические и синтаксические средства связи, что, на наш взгляд, является не совсем правильным.

Другие ученые (Л.Г. Бабенко, Х.Р. Курбатов и др.) распределяет виды связи по другим критериям, объединив их так же в две группы: текстообразующие логико-семантические и текстообразующие грамматические связи.

Логико-семантические связи. В основу выделения ССЦ положены разнообразные критерии: лексико-синтаксические средства связи, типы синтаксических конструкций, актуальное членение, коммуникативная задача и т.д. Но главное, что объединяет предложения в одно сложное синтаксическое целое, это общность микротемы. Во всех исследованиях ССЦ выделяются на основе семантического единства.

Совокупность языковых средств, включая их содержательную сторону, реализующая замысел автора, называется внутренней формой ССЦ. «Это то, что дано непосредственному восприятию и что должно быть осмыслено и понято. То, что понимается, составляет внутреннюю форму, или содержание. Это мыслительное содержание, которое формируется в интеллекте человека и соотносится с внешней формой» [Новиков, 1983, с. 5].

Выделяются следующие виды логико-семантической межфразовой связи, которые наблюдаем и в ССЦ:

1. Полный тождественный повтор. «Простое повторение – многократное употребление одного и того же слова или фразы в одном и том же предложении или в нескольких предложениях одно за другим или в разных местах» [Курбатов, 1971, с. 141].

*Зур шәһәрләрең шау-шуыннан, тормышның цивилизация
мөмкинлекләреннән ваз кичеп, бер авылга килеп, чиста һавасын сулап, мичтә
пешкән ипи белән үзең сауған сыер сөтен татып карау, кара мунчада каен*

себеркесе белән чабыну, албәттә, онытылмаслык тәэсир ясый торган гамәл. Ул авыл әле кечкенә дә булып, урман, күл янында да утырса... Ә бездә табигатьнең иң матур җирендә урнашып та, бетәм-бетәм дип утырган авыллар җитәрлек, алар арасында керәшен авыллары да байтак [Туганайлар, 2014, 30 сент.]. / ‘Отказавшись от шума и суеты больших городов, от цивилизации, приехать в какую-нибудь деревню, подышать свежим воздухом, отведать испеченного хлеба и свежего молока, попариться в черной бане с березовым веником, конечно же, все это производит незабываемое впечатление. Даже если эта деревня маленькая и находится рядом с лесом и озером... А у нас много деревень, которые расположены в самых живописных местах, однако им грозит исчезновение, среди них много и кряшенских деревень.’

В данном сложном синтаксическом целом слово *авыл* ‘деревня’ употреблено в разных грамматических формах, и эти слова (*авылга, авыл, авыллар* ‘в деревню, деревня, деревни’) выступают средством связи между предложениями ССЦ.

2. Частичный лексико-семантический повтор.

Мин сәхнәдән төшеп китмәкче булам. Әмма артист абый төшерми, үзе халыкның тынычлануын үтенә [Дәрзаман, 2015, с. 67]. / ‘Я хочу сойти со сцены. Однако дядя артист не дает спуститься, а сам просит народ успокоиться.’

Тут деепричастие в первом предложении, являясь частью составного глагольного сказуемого (*төшеп китмәкче булам* ‘хочу сойти’), повторяется во втором предложении в форме глагола изъявительного наклонения (*төшерми* ‘не дает спуститься’). Обе формы образованы от основы *төш* ‘спускайся’.

3. Тематический повтор. Л.Г. Бабенко объясняет такой вид повтора следующим образом: «сочетающиеся слова должны соответствовать друг

другу, должны иметь (реально или потенциально) общие семы. Слова, относящиеся к одной тематической группе, сближаются в тексте, образуя единую функционально-текстовую парадигму слов, выполняющих общую текстовую функцию» [Бабенко, 2004, с. 288].

Урамнарда рэтлэп кеше йөргәне күренми. Тик дворниклар гына, бөтен тирә-якны тузанга батырып, капка алларын себерэләр [Нәжми, 2001, с. 131]. / ‘На улицах не видно, чтобы ходили люди. Только дворники подметают перед воротами, осыпая все вокруг пылью.’

В данном ССЦ слова *урамнарда* ‘на улицах’, *дворниклар* ‘дворники’, *тузанга* ‘пылью’, *капка алларын* ‘перед воротами’, *себерэләр* ‘подметают’ связаны с семантическим развертыванием микротемы в составе ССЦ.

Әүвәлге танышу Шиһаб Әхмәровлар өендә булды, билгеле. Өйнең түренә өч көзгеле трельяж урнашкан. Урам якка караган өч тәрәзәле уртача зал. Ян-якта йомшак кәнәфи һәм урындыклар. Кечкенә көзгеле комод. Урта бер жирдә матур эскәтер жәелгән өстәл. Дәү шкаф. Түр почмакта пианино [Низами, 2011, с. 18]. / ‘Первое знакомство состоялось в доме Шигаба Ахмерова, конечно. В глубине дома расположен трельяж с тремя зеркалами. Средний зал с тремя окнами, выходящими на улицу. По бокам мягкое кресло и стулья. Комод с небольшим зеркалом. Посередине покрытый красивой скатертью стол. Большой шкаф. В углу пианино.’

В сложном синтаксическом целом слова *трельяж*, *зал*, *кәнәфи* ‘кресло’, *урындыклар* ‘стулья’, *комод*, *өстәл* ‘стол’, *шкаф*, *пианино* употреблены для описания дома, где эти предметы расположены.

4. Синонимический повтор. Авторы в своих произведениях широко обращаются к синонимам «как одному из важных средств словесно-художественного изображения, исключая однообразие и повторы» [Гильманова, 2006, с. 7].

Тик илдә яшәүчеләр балага исем кушуны кызыкка әйләндергән этни-ларне өнәп бетерми. Бөтенроссия халык фикерен өйрәнү үзәге үткәргән сораштыруда катнашучыларның 47 проценты сабийга гадәти булмаган, сәер исем кушуга каршы икәнлеген әйткән [Ватаным Татарстан, 2014, 17 дек.]. / ‘Но жители страны не одобряют родителей, которые выбор имени ребенку превратили в интересное занятие. 47 процентов участников опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения высказались против присвоения малышу необычного, странного имени.’

Синонимы *балага* ‘ребенку’ и *сабийга* ‘малышу’ служат для связи двух смежных предложений.

5. Антонимический повтор. «Благодатным материалом для воссоздания действительности во всей противоречивой сложности становятся антонимы. Они помогают фиксировать противоречия между разными предметами, событиями» [Гильманова, 2006, с. 8].

Шамил хатынын үпкәләтергә уйламады да бугай. Марьям дә ирен тынычландырырга гына теләде [Рәфыйков, 2006, с. 38]. / ‘Шамиль и не думал обижать жену. А Марьям лишь хотела успокоить мужа.’

Антонимы *хатынын* ‘жену’ и *ирен* ‘мужа’ выступают средством связи между двумя предложениями.

В некоторых типах сложного синтаксического целого несколько видов повтора может употребляться одновременно.

Хәсимә бик матур кыз була үзе. Күп кенә күрше падиша малайлары Хәсимәгә өйләнергә дип киләләр. Ләкин Хәсимәнең акылын белгәч, өйләнмичә китәләр [Татар халык ижаты, 1981, с. 253]. / ‘Хасима была очень красивой девушкой. Сыновья многих соседних царей приходили к Хасиме, чтобы посвататься. Но узнав о характере Хасимы, уходили.’

В ССЦ наблюдаем полный тождественный повтор, выраженный словами *Хәсимә* ‘Хасима’, *Хәсимәгә* ‘к Хасиме’, *Хәсимәнең* ‘Хасимы’,

которые связывают все три предложения друг с другом. Между вторым и третьим предложениями ССЦ связь устанавливается еще и антонимами *килалар* ‘приходят’, *киталар* ‘уходят’.

6. Дейктический повтор. По утверждению Л.Г. Бобенко, основа такого повтора – проформы, т.е. слова дейктические, бедные содержанием, использующиеся для обозначения в тексте повторяемых смыслов. Ученый указал на лексическое множество дейктических слов, формирующих местоименными словами: местоименными существительными (он, кто, что, тот и др.), прилагательными (такой), глаголами (делать), наречиями (так, это), числительными.

Эти слова имеют текстовую природу, т.е. они могут функционировать только в тексте, и главная их функция – текстообразующая, заместительная. Она представляет собой замещение в постпозиции (катафора) или препозиции (анафора) какого-либо конкретного обозначения, смысла. Любой текст насыщен местоименными словами, хотя и в разной степени, вследствие чего можно утверждать, что дейктический повтор – универсальное средство текстовой связи, без которого обходится редкий текст [Бабенко, 2004, с. 291].

Табигать, күк, ай, йолдыз – болар һәр жырда бар түгелме. Юкса, мин боларны гомеремдә беренче күрәмме [Ибрагимов. URL: <http://www.antat.ru/ru/iyli/Ibragimov%20-%20130/Dingezde.pdf>]? / ‘Природа, небо, луна, звезды – они разве не везде имеются? Или я их вижу впервые в своей жизни?’

Местоимение *боларны* ‘их’, употребленное во втором предложении, целиком замещает слова *күк* ‘небо’, *ай* ‘луна’, *йолдыз* ‘звезда’, которые находятся в первом предложении.

Гомумән, төбәкләрдә барлыкка килгән инициативалар еш кына федераль үзәк тарафыннан хупланмый. Югыйсә, күпчелек очракларда аларның уңай нәтижә бирәчәген гади күз белән дә чамаларга була [Мәдәни

жомга, 2021, 30 дек.]. / ‘Вообще, инициативы, возникающие в регионах, зачастую не поддерживаются федеральным центром. Хотя в большинстве случаев можно предположить, что они дадут положительный результат.’

В данном сложном синтаксическом целом местоимение *аларның* ‘их’ заменяет слово *инициативалар* ‘инициативы’ в первом предложении.

7. Союзы, выполняющие функцию соотнесения компонентов и предложений ССЦ (а не предикативных частей в составе сложного предложения). Ф.С. Сафиуллина, подчеркивая значение союзов в ССЦ, утверждает, что союзы не играют основной роли при организации сложных предложений, но в составе ССЦ союзы участвуют в разделении синтаксического целого на композиционные части, в синтаксической организации зачина и концовки, выражают синтаксические отношения [Сафиуллина, 1993, с. 41].

Мин шаулап аккан елгалардан, тирэн коелардан алып сап-салкын су эчәм. Эмма күпме эчәм дә, сусавымны баса алмам [Кутуй, 1965, с. 127]. / ‘Я из чистых ключей, из глубоких колодцев пью ледяную воду. Я пью, но не могу утолить жажду’.

Здесь противительный союз *эмма* ‘но’ противопоставляет два рядом стоящих предложения сложного синтаксического целого.

Грамматические связи, образующие ССЦ. «Основа данного типа текстообразующих связей – повтор грамматической семантики, грамматическое согласование словоформ и синтаксических конструкций, которые эксплицируются в тексте по-разному, что и объясняет наличие разновидностей грамматических текстообразующих связей» [Бабенко, 2004, с. 294–295].

1. Согласование грамматической формы глаголов, прежде всего временных форм изъявительного наклонения.

14 декабрьдә парламентта ТР Президенты каршындагы Ватандашлар эшләре буенча Координация Советы утырышы узды. Аны Дәүләт Советы Рәисе Ф. Мөхәммәтшин алып барды [Ватаным Татарстан, 2015, 16 дек.]. / ‘14 декабря в парламенте состоялось заседание Координационного совета при Президенте РТ по делам соотечественников. Вел его председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин.’

Сказуемые предложений выражены глаголами изъявительного наклонения прошедшего категорического времени.

2. Обособленные члены предложений, на которые мы обратили особое внимание при анализе ССЦ (см. подробнее: в главе 2).

Яр буенда Зөһрә, бер аккан суга, бер күктәге айга, бер тирә-ягына карап, тирән уйга чумган. Туган әнисенең ягымлы сүзләре, жңылы куены исенә төшкән. Шунда кайнар яшьләре битләре буйлап жңиргә тәгәрәгәннәр. Ул ялгызы үксеп-үксеп жңылаган да, «уф»... дип авыр сулап, чиләкләре белән су алган [Татар халык ижаты, 2004, с. 25]. / ‘Зухра на берегу, наблюдая то за текущей водой, то за луной на небе, то за окружением, погрузилась в свои глубокие мысли. Вспомнились ласковые слова, теплое объятие родной матери. Тогда горячие слезы покатались на землю по ее щекам. Она зарыдала и, тяжело вздохнув, набрала воды в ведра.’

В первом и четвертом предложениях сложного синтаксического целого имеются обособленные обстоятельства образа действия, которые выступают дистантными средствами связи.

3. Синтаксический параллелизм. «Употребление рядом двух или нескольких предложений, имеющих аналогичную структуру, называется синтаксическим параллелизмом» [Курбатов, 1971, с. 148]. Г.Я. Солганик выделил параллельную связь в особую разновидность межфразовой связи. Параллельные синтаксические конструкции, помимо текстообразующей функции, выполняют стилистические задачи усиления выражаемого ими в

тексте смысла. «Синтаксический параллелизм находится внутри общей системы повторов, лишь усиливая впечатление цикличности в рассуждении-выборе. То есть экспрессивное ядро реплики заключается в развиваемой, анализируемой двойной оппозиции» [Гильманова, 2006, с. 22].

Синтаксический параллелизм в тексте часто сочетается с лексико-семантической рекурренцией (повтором на разных языковых уровнях).

Кубалак гөлләргә кунса,

Гөлләр тибрәнә микән?

Ул да мине сагынганда,

Кубаләгем, түгәрәгем,

Асыл кошым, сандугачым,

Жырлап жибәрә микән [Татар халык ижаты, 2004, с. 462]? /

‘Когда бабочки садятся на цветы,

Качаются ли цветы?

Когда она тоже по мне скучает,

Моя бабочка, моя кругленькая,

Благородная птица моя, мой соловей,

Начинает ли тоже петь песни?’

В ССЦ два предложения. По цели высказывания они являются вопросительными. По структуре эти предложения имеют одинаковое строение. Также синтаксический параллелизм усиливается сказуемыми *тибрәнә микән* ‘качаются ли’ и *жырлап жибәрә микән* ‘начинает ли петь’.

4. Неполнота синтаксических конструкций. К данной синтаксической связи можно отнести эллипсис (опущение из предложения одного или нескольких слов, которые понимаются в контексте), парцелляцию (намеренное расчленение связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков), усечение, сегментацию (линейное членение речевого потока на составляющие отрезки). Контекстуальная

неполнота проявляется только в тексте. Такие конструкции тесно связаны с лексико-синтаксической стороной текста, содержанием и выражением.

Илленче-алтмышынчы елларда монда Магафур абыйның гаиләсе торган. Гади яшъ гаилә. Ике кызлары булган [Ибраһимова, 2020. URL: <http://kazanutlary.ru/news/hikaya/kkkk-balasy-khikya>]. / ‘В пятидесяти-шестидесятые годы здесь жила семья Магафура. Простая молодая семья. У них было две дочери.’

Первое предложение ССЦ является полным, двусоставным, распространенным. Второе предложение – полное, распространенное, номинативное. Третье – полное, двусоставное, распространенное предложение. Второе предложение является частью первого предложения.

Л.М. Лосевой предлагается анализировать текст в двух плоскостях – по «горизонтали» и по «вертикали».

Под горизонтальным автор подразумевает анализ структуры текста предложения за предложением в порядке их следования в тексте без единого пропуска и установление лексических, грамматических и смысловых связей между смежными предложениями. «Такой анализ ряда текстов произведений любого жанра и назначения дает относительно точное представление о языковых средствах межфразовой связи в литературном и национальном языке вообще» [Лосева, 1964, с. 14–15].

В Главе 3 нашего исследования мы частично опираемся на горизонтальный анализ ССЦ.

Анализ по вертикали означает изучение текста с точки зрения соответствия смысла и структуры, установление дистантных связей между фразами, находящимися на значительном расстоянии, объединенных как по смыслу, так и по форме [Там же, с. 15–16]. Данный подход подразумевает анализ целого текста, а не его единиц, поэтому данный вид анализа мы не можем использовать в своем исследовании.

Перечисленные выше средства связи подробно исследованы во 2 главе нашей диссертации. При анализе видов связи мы придерживаемся взглядов Г.Я. Солганика, Ф.С. Сафиуллиной, которые выделяют такие виды связи между предложениями в тексте, как цепная и параллельная. При таком подходе, во-первых, в поле зрения попадают все средства связи, которые могут встречаться в ССЦ, во-вторых, грамматические средства рассматриваются отдельно.

При цепной связи каждое следующее предложение по содержанию зависит от предыдущего: мысль, высказанная в предыдущем предложении, развивается, конкретизируется, расширяется в следующем. Средством связи между предложениями выступает повтор ключевого слова. Они могут быть заменены синонимом, антонимом, местоимением.

Белгечларнең берсе бүген ютубтан видеороликлар карап та, күп эшнәң нигезен үзләштереп була, диде. Аның фикеренчә, һәр кеше 1–2 ел үткән саен үзенә, үзгәрергә кирәкме, дигән сорауны бирергә тиеш. Үзгәрергә бервакытта да соң түгел [Ватаным Татарстан, 2019, 22 май]. / ‘Один из специалистов отметил, что сегодня, просматривая видеоролики с ютуба, можно освоить основы многих профессий. По его мнению, каждый человек должен по прошествии 1–2 лет задавать себе вопрос, нужно ли ему измениться. Никогда не поздно измениться.’

Первое и второе предложения связывает местоимение *аның* ‘его’, которое заменяет словосочетание *белгечларнең берсе* ‘один из специалистов’. Третье предложение со вторым соединяет слово *үзгәрергә* ‘измениться’, которое повторяется в этих двух предложениях.

Параллельная связь. При такой связи предложения не сцепляются одно с другим, а сопоставляются (или противопоставляются). Ключевая информация содержится в первом предложении, а несколько последующих уточняют и дополняют ее.

Особенности этого вида связи – одинаковый порядок слов в предложениях, соотнесенность форм сказуемых.

Бер ел эчендә сулыкларны әйләндереп алучы, яр буйларына койма тотучы, инеш-күлләрне пычратучыларның саны 7 меңнән артып киткән. Быел закон бозучыларга 141 миллион сумнан артык штраф салынган [Ватаным Татарстан, 2016, 21 дек.]. / ‘За год привысило 7 тысяч количество тех, кто огораживает водоемы, ставит береговые ограждения, загрязняет ручьи и озера. В этом году на нарушителей наложено штрафов на сумму более 141 миллиона рублей.’

Предложения имеют прямой порядок слов, каждое из них начинается с обстоятельства времени. Глагольные сказуемые употреблены в одинаковой форме – форме прошедшего результативного времени изъявительного наклонения.

Параллельная связь между частями текста, которые в таких случаях не являются основными, может сочетаться с элементами цепной связи. И наоборот, при цепной связи иногда используются элементы связи параллельной, что в этом случае тоже носит частный характер (см. подробнее: в главе 2).

Таким образом, все средства связи между предложениями, ССЦ, абзацами и другими частями текста общепринято называть межфразовой связью (*фразаара бәйләнеш*).

Выделяются средства связи, общие для соединения частей сложных предложений и для соединения самостоятельных предложений; средства связи, которые употребляются лишь для связи самостоятельных предложений (собственно межфразовые).

По другим критериям средства связи объединяются в логико-семантические и грамматические.

1.3.2. Внешняя структура ССЦ

Композиция ССЦ – это его строение, соотношение и взаимное расположение его частей. Как правило, композиция включает три части:

- 1) зачин – начало мысли, формулируется микротема ССЦ;
- 2) медиальная часть – развивается микротема, микроидея;
- 3) концовка – композиционная точка, подводится итог микротемы

сложного синтаксического целого.

Зачин дает определенную установку на содержание последующих предложений. Структура зачина также влияет на формирование модели ССЦ, определяет функционально-семантический тип ССЦ (повествование, описание, рассуждение), функциональный стиль.

Некоторые ученые утверждают, что зачином сложного синтаксического целого может быть только автосемантическое предложение (А.М. Пешковский, Е.А. Реферовская, О.Ю. Лысова, А.Ф. Папина и др.). Но мы согласны с мнением И.С. Папуши (2011) о том, что зачин сложного синтаксического целого тесно связан с последующими предложениями в плане содержания, фонетического, лексического, грамматического оформления. Таким образом, зачин, входя в ССЦ, тоже является синсемантическим предложением.

Медиальная часть ССЦ может состоять как из одного предложения, так и из ряда предложений. Модель ССЦ также влияет на синтаксическую структуру медиальной части. В зависимости от внешней модели сложного синтаксического целого, она может состоять только из простых предложений, только из сложных предложений либо иметь смешанную структуру.

Концовка – это нижняя граница сложного синтаксического целого. Она вместе с зачином определяет модель ССЦ.

Концовка часто оформляется с помощью синтаксических средств. Частыми показателями концовки сложного синтаксического целого являются обобщающие слова; вводные слова, указывающие на законченность, завершенность мысли; сочинительные союзы в начале последнего предложения; изменение временного плана; изменение модального плана; изменение структуры последнего предложения относительно предыдущих; односоставное предложение; восклицательное предложение; вопросительное предложение; инверсия и др. (см. подробнее: в главах 2, 3).

Предлагаем пример анализа ССЦ:

(1) *Кем ничек, ә менә акчасын банкта саклаучылар узып баручы елны тиз генә оныта алмаячак.* (2) *«Татфондбанк» тирәсендәге хәлләр күпләрнең төн йокысын качырды.* (3) *Яңа ел алдыннан мондый «бүләк» көтмәгәннәр, билгеле.* (4) *Татарстан Президенты Рөстәм Миңнеханов «Татфондбанк» эшен үз контроленә алды.* (5) *Ике көн элек Россия Банкы рәисе Эльвира Набиуллина да әлеге мәсьәлә уңаеннан үз фикерен белдерде* [Ватаным Татарстан, 2016, 30 дек.]. / ‘Кто как, а вот те, кто хранит деньги в банке, не смогут быстро забыть уходящий год. Многие из-за ситуации вокруг «Татфондбанка» потеряли свой сон. Такого «подарка» в канун Нового года, разумеется, никто не ожидал. Президент Татарстана Рустам Минниханов дело «Татфондбанка» взял под свой контроль. Два дня назад свое мнение по этому вопросу высказала и председатель Банка России Эльвира Набиуллина.’

ССЦ состоит из пяти предложений. Смысловое ядро выражено словом *банк*, которое повторяется в данном ССЦ четыре раза.

Первое предложение – зачин ССЦ. Зачин отличается от других предложений формой глагольного сказуемого. В зачине сказуемое выражено глаголом изъявительного наклонения в форме будущего категорического

времени (*оныта алмаячак* 'не сможет забыть'). Сказуемые второго, четвертого и пятого предложений выражены глаголами изъявительного наклонения в форме прошедшего категорического времени, что устанавливает между ними параллельную связь. В зачине определяется микротема ССЦ – *акчасын банкта саклаучылар оныта алмаячак* 'те, кто хранит свои деньги в банке, не смогут забыть'. В медиальной части данная тема развивается, конкретизируется. Между первым и вторым предложением установлена цепная связь посредством частичного лексического повтора (*банк* – «*Татфондбанк*»). Между вторым и третьим предложением наблюдаем цепную местоименную связь. Между вторым и четвертым предложением – дистантную параллельную связь. Между первым и вторым, вторым и третьим, четвертым и пятым установлена контактная связь. Между вторым и четвертым предложением слово «*Татфондбанк*» формирует цепную дистантную связь.

Вводное слово *билгеле* 'разумеется' выражает уверенность, что сообщение соответствует действительности, что говорящий не сомневается в его достоверности.

Концовку формируют четвертое и пятое предложения. Они связаны параллельной связью. В них выражается отношение автора к происходящему, сообщается некий результат по поднятому в медиальной части вопросу.

Л.Г. Бабенко (2004) предложен алгоритм комплексного лингвистического анализа художественного текста. Четвертый пункт под общим названием «Анализ структурной организации текста» данного алгоритма включает анализ сложных синтаксических целых в тексте.

По утверждению автора, анализ структурно-смыслового членения текста состоит из выявления ССЦ, описания внутреннего композиционного устройства ССЦ. Комплексный лингвистический анализ подразумевает

также анализ связности текста, где требуется выявить и охарактеризовать текстообразующие логико-семантические связи, проанализировать текстообразующие грамматические средства связи.

В шестом пункте алгоритма «Характеристика используемых в тексте приемов актуализации смысла (выявление текстовых доминант)» также имеются элементы, которые применимы при анализе ССЦ: своеобразие выбора лексических единиц и используемых лексических категорий, частотность повторяющихся синтаксических структур, особенности порядка слов [Бабенко, 2004, с. 332–334].

И. С. Папушей предложен следующий порядок анализа сложного синтаксического целого, что поможет зафиксировать целостность его формы:

- количество предложений, входящих в ССЦ;
- порядок следования предложений разных структур;
- количество простых предложений и их местоположение;
- количество сложных предложений и их местоположение;
- наличие в ССЦ односоставных предложений и их местоположение;
- наличие вопросительных и побудительных предложений;
- наличие восклицательных предложений;
- наличие «оборванных» предложений;
- структура зачина;
- структура концовки;
- осложнение простых предложений и частей сложных предложений;
- средства связи между частями сложных предложений и сложных синтаксических конструкций;

– средства связи между предложениями ССЦ: союзы, вводные слова, повторы, параллелизм строения частей и др. [Папуша, 2011, с. 83].

При анализе внешней формы сложного синтаксического целого мы воспользуемся несколько измененным вариантом данной схемы: выявление количества предложений, входящих в ССЦ; определение структуры зачина, концовки, медиальной части; выделение средств связи между компонентами и предложениями ССЦ; выявление порядка следования предложений разных структур, местоположение простых и сложных предложений, наличия в ССЦ односоставных предложений, вопросительных, побудительных, восклицательных предложений, «оборванных» предложений, осложнения простых предложений и частей сложных предложений (см. подробнее: в главе 2).

Предлагаем пример анализа:

(1) Язмыш малайга мәрхәмәт күрсәтә. (2) Яшәсен олы җизнәсе Насретдин! (3) Әгәр Салихның үз көче белән аякка баскан әтисендә приказчик булып эшләгән, куллары хезмәттә чыныккан бу кеше Җамалетдин Сәйдәшевләр токымына кияү кеше буларак кушылып китмәгән булса, малайның язмышы, ай-һай, музыка дигән олы дөньяга барып ялганыр иде микән?

(4) Татар җанлы, чын татар кыяфәтле Насретдин, өлкән абыйларының каршылыгына карамастан, тол бикә Мәхүбҗамалны, алма апасы Әминә белән кечкенә Салихны үзенең җитешле йортына сыендыра. (5) Насретдинның хатыны Рауза һәм аларның тупырдап торган дүрт кыз балалары – барлыгы тугыз җан – бер түбә астында энә шулай тату яшиләр [Низами, 2011, с. 11]. / ‘Судьба проявляет милосердие к мальчику. Да здравствует старший зять Насретдин! Если бы этот трудолюбивый человек, работавший приказчиком у отца Салиха, который встал на ноги своими

силами, не присоединился к роду Сайдашевых в качестве зятя, то судьба мальчика присоединилась бы к большому миру музыки?

Истинный татарин Насретдин несмотря на то, что старшие братья были против, приютил в своем богатом доме вдову Махубджамал, Амину и маленького Салиха. Жена Насретдина Рауза и их четверо дочерей – всего девять душ – так дружно живут под одной крышей.’

Сложное синтаксическое целое состоит из пяти предложений.

Первое предложение формирует зачин ССЦ. Зачин выражен простым, двусоставным, распространенным, полным предложением.

Концовка ССЦ – четвертое и пятое предложения. Это – простые, двусоставные, распространенные, полные предложения. Четвертое предложение осложнено однородными определениями, дополнениями и обособленным обстоятельством уступительности. Пятое предложение осложнено однородными подлежащими и пояснением. Между этими двумя предложениями установлена контактная параллельная связь.

Зачин и концовка связаны между собой дистантной параллельной связью.

Второе и третье предложения являются медиальной частью ССЦ. Они отличаются от остальных предложений как по структуре, так и по цели высказывания. Второе предложение – восклицательное, третье – вопросительное. Во втором предложении наблюдаем инверсию. Оно – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение. Третье – многочленное сложноподчиненное предложение. Между предложениями цепная связь посредством местоимения. Союз *әгәр* ‘если’ выражает условное отношение. Между первым и третьим предложениями наблюдаем дистантную цепную связь посредством лексического повтора (*малайга* ‘мальчику’ и *малайның* ‘мальчика’).

Сложное синтаксическое целое построено по комбинированной языковой модели «ромб». (Комплексный анализ ССЦ см. подробнее: в главах 2, 3).

Таким образом, внешнюю структуру сложного синтаксического целого формирует композиция, куда входит зачин, медиальная часть и концовка в тандеме с моделью ССЦ.

По структуре всех компонентов ССЦ (зачин, медиальная часть и концовка) определяется модель сложного синтаксического целого.

Зачином ССЦ является синсемантическое предложение, которое не обладает коммуникативной законченностью, грамматически связано с другими предложениями. Оно входит в сложное синтаксическое целое.

Медиальная часть ССЦ, в зависимости от модели сложного синтаксического целого, состоит только из простых, из сложных предложений, или имеет смешанную структуру.

Концовка – нижняя граница ССЦ. Имеются определенные показатели концовки: обобщающие слова; вводные слова, указывающие на законченность, завершенность мысли; сочинительные союзы в начале последнего предложения; изменение временного плана; изменение модального плана; изменение структуры последнего предложения относительно предыдущих; односоставное предложение; восклицательное предложение; вопросительное предложение; инверсия и др.

Внутренняя и внешняя структура сложного синтаксического целого тесно связаны между собой. Следует подчеркнуть, что при комплексном анализе ССЦ должны быть учтены особенности как внутренней, так и внешней структуры сложного синтаксического целого.

Выводы по первой главе

В первой главе диссертационного исследования мы подробно рассмотрели историю изучения сложного синтаксического целого, вопросы терминологии и структуры ССЦ.

Таким образом, сложное синтаксическое целое признается главной составляющей каждого текста. Его статус как синтаксической единицы подтверждает структурно-семантическое единство компонентов. Связь между компонентами ССЦ выражается с помощью лексических и грамматических средств.

В русском и татарском языкознании большой круг лингвистов обращался к проблеме сложного синтаксического целого, которыми были исследованы принципы вычленения и типы сложного синтаксического целого, их свойства как языковых универсалий, имеющих устойчивую структуру, средства связи между компонентами и предложениями ССЦ и др.

Сложное синтаксическое целое изучено и в других языках: Абдулла Камал (азербайджанский), Л.П. Водясова (эрзянский), Ф.С. Искужина (башкирский), З.А. Алдаева (кумыкский), С.Д. Алламуродова (сопоставление русского и таджикского языков) и др.

Предлагается ввести в научный оборот такие термины, как *гади модельле синтаксик бөтен* ‘сложное синтаксическое целое простой модели’; *гади жәмләрдән төзелгән модель* ‘модель, построенная на основании сочетания простых предложений’; *кушма жәмләрдән төзелгән модель* ‘модель, построенная на основании сочетания сложных предложений’; *катнаш модельле синтаксик бөтен* ‘сложное синтаксическое целое смешанной модели’; *киңәю моделе* ‘расширяющаяся модель’; *периодлап киңәю моделе* ‘периодически расширяющаяся модель’; *тараю моделе* ‘сужающаяся модель’; *периодлап тараю моделе* ‘периодически сужающаяся

модель»; «ромб» катнаш модеде ‘комбинированная модель «ромб»»; «ком сагате» катнаш модеде ‘комбинированная модель «песочные часы»»; магънэви үзак ‘смысловое ядро’. Предлагаем в татарском языке использовать термин «янәшә бәйләнеш» для обозначения контактной (линейной) связи и термин «ерактан бәйләнеш» для определения дистантной связи. Также следует в татарском языке применять термин «герм».

Внутреннюю структуру ССЦ определяют лексико-грамматические средства, которые образуют цепную и параллельную связи.

В каждом сложном синтаксическом целом обязательно наличие зачина, медиальной части и концовки. Зачин ССЦ тесно связан с остальными предложениями в плане содержания, фонетического, лексического, грамматического оформления. Зачин, входя в ССЦ, является синсематичным предложением, но с особой функцией.

Концовка – показатель нижней границы ССЦ. Эти компоненты определяют модель сложного синтаксического целого. Сама модель ССЦ влияет на синтаксическую структуру зачина, медиальной части и концовки.

Частыми показателями концовки в татарском языке являются обобщающие слова; вводные слова, указывающие на законченность, завершенность мысли; сочинительные союзы в начале последнего предложения; изменение временного плана; изменение модального плана; изменение структуры последнего предложения относительно предыдущих; односоставное предложение; восклицательное предложение; вопросительное предложение; инверсия и др.

Глава 2. Особенности композиции сложного синтаксического целого в татарском языке

2.1. Структурные типы ССЦ

Созданию любого произведения предшествует замысел. Однако конкретное воплощение, осуществление замысла начинается с предложения. «На уровне изучения предложения принято утверждать, что относительно законченная мысль выражается предложением. Если иметь в виду более завершённую мысль, то она выражается не в предложении, а в микротексте (т. е. в ССЦ – Л.Г.)» [Закиев, 1995, с. 549].

В соединении предложений проявляются не только формальные средства их сцепления, но и характер, способы, закономерности движения мысли. «Самым главным в объединении двух элементов текста является внутренняя связь перехода от одного предложения к другому или ход мысли, переход мысли» [Жинкин, 1956, с. 216]. Эти закономерности движения мысли и определяют воплощение общего замысла произведения. Поэтому при анализе связи предложений важно искать не внешние, поверхностные «скрепы», а глубинные, типизированные средства, синтаксические модели соединения предложений [Солганик, 1991, с. 40].

Таким образом, при анализе связи предложений ССЦ важно обратить внимание не только на внешние средства связи, но и на синтаксические модели соединения предложений.

Между предложениями сложного синтаксического целого лингвисты рассматривают два основных вида связи: цепную и параллельную.

Синтаксическая связь посредством повторов называется цепной. Она может быть четырех видов: выражение соотносящихся членов предложений

посредством лексического повтора, с помощью замены одного из них местоимением, синонимом либо антонимом.

При параллельной связи содержание предложений перечисляется, сопоставляется или противопоставляется, в них обычно наблюдается структурный параллелизм. «Параллелизм связывает отдельные события или факты, подчеркивает их сходство или контраст для доказательства определенной мысли <...> способствует не только быстрому и точному восприятию содержания, но и психологически подготовит слушателя к восприятию и именно той мысли, которая в известной мере продолжает содержание первой части» [Набиуллина Г., 2002, с. 9].

В данной главе параллельно с анализом особенностей композиции ССЦ, мы попытались описать функционирование сложного синтаксического целого определенного структурного типа в художественных, научных, медийных текстах и текстах официальных документов.

2.1.1. Цепная связь

Основной способ связи между предложениями сложного синтаксического целого – их структурная соотнесенность. Один из наиболее общих, распространенных способов связи самостоятельных предложений, отвечающих характеру, природе предложения как законченной структурной единицы, заключается в повторении. «Синтаксические фигуры используются с целью придания особого значения определенному отрезку речи, повышения выразительности речи. Способ повторения – наиболее часто используемый из синтаксических фигур» [Курбатов, 1971, с. 141].

В повторе выражается теснейшая синтаксическая связь предложений – цепная, которая осуществляется через субъект или через предикат, т.е. посредством повтора элементов субъекта или предиката предыдущего суждения.

2.1.1.1. Организация цепной связи посредством лексического повтора

О широкой распространенности лексического повтора во всех стилях речи свидетельствуют речевая практика, а также многочисленные наблюдения и выводы исследователей.

Широко известны повторы в народной поэзии, которые не только имеют значение художественного приема, но и используются как средство связи предложений.

Их дускаем, айга кара,

Мин дә айга карармын.

Күз нурларың айга төшәр,

Шуннан эзләп табармын [Татарские тексты... URL: <https://tatarskie-pesni-tekst.ru/achma-t-r-z-ne-ikenche-variant>]. /

‘Дружочек мой, посмотри на луну,

Я тоже буду смотреть на луну.

Свет твоих очей отразится на луне,

Там я его и отыщу’.

Повторы в устной народной поэзии привлекали внимание исследователей лишь с точки зрения украшения речи, художественного приема. Роль повтора этим не ограничивается. В вышеприведенном тексте народной песни, например, повторяется слово *ай* ‘луна’. Данный лексический повтор выступает средством связи между двумя предложениями.

«Разнообразные структурно-семантические типы повторов широко используются в системе современного татарского языка. Они активны не только в разговорной речи и фольклоре, но и в различных жанрах художественных и публицистических произведений. Повторы по своей

природе многофункциональны. Они выступают как продуктивный способ образования новых лексических единиц» [Галлямов, 2006, с. 148].

В зависимости от того, какие члены предложений соотносятся, выделяются виды синтаксической цепной связи.

Перечислим наиболее характерные структурные виды цепной связи посредством лексического повтора.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «подлежащее – дополнение»:

Хатын-кыз тавышы. Шул тавыштан Мәрхәбәнең йөрәге сызлый, тамагына утырган төере аңа суларга ирек бирми [Ибраһимова, 2020. URL: <http://kazanutlary.ru/news/hikaya/kkkk-balasy-khikya>]. / ‘Женский голос. От этого голоса у Мархабы болит сердце, и ком в горле не дает ей дышать.’

Подлежащее первого предложения *тавышы* ‘голос’, расположенное в конце, повторяется в начале второго предложения в качестве дополнения (*тавыштан* ‘от голоса’).

Данный вид связи в ССЦ выявлен во всех функциональных стилях.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «дополнение – подлежащее»:

Ильгизә дә маңгаен сөртте. Шулай тоелган гына икән, маңгае тирләмәгән иде [Жамалетдинова, 2007, с. 106]. / ‘Ильгиза тоже вытерла лоб. Ей только показалось, лоб ее не вспотел.’

В данном примере дополнение первого предложения *маңгаен* ‘лоб’ становится подлежащим второго предложения *маңгае* ‘ее лоб’.

В ходе нашего исследования такой вид связи между предложениями сложного синтаксического целого также выявлен во всех функциональных стилях.

Синтаксическая связь между предложениями «подлежащее – подлежащее»:

Тәрәзаләр. Аларның да җаны бар. Аларның да теле бар. Тәрәзаләр хужәсалары турында бик күп нәрсә сөйли ала [Нәбиуллина И., 2014, с. 21]. / ‘Окна. И у них есть душа. И у них есть язык. Окна могут многое рассказать о хозяевах.’

Особенностью данной синтаксической связи является местоположение подлежащих. Они должны находиться в конце первого и в начале второго предложения.

Соңгы елларда илнең икътисадыи уңышлары белән горурланучылар саны да кимегән. Моннан өч ел элек андыйлар саны 66 процент булса, хәзер исә 62 процентны тәшкил итә [Ватаным Татарстан, 2015, 9 дек.]. / ‘В последние годы уменьшилось и количество тех, кто гордится экономическими успехами страны. Если три года назад количество таких было 66 процентов, то сейчас составляет 62 процента.’

В данном сложном синтаксическом целом предложения связаны цепной связью. Слово *саны* ‘количество’ – подлежащее первого предложения становится подлежащим и последующего предложения. Тут также наблюдаем другой вид цепной связи – местоименный (*горурланучылар* ‘те, кто гордится’ – *андыйлар* ‘такие’), который будет рассмотрен далее в этой же главе исследования.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «дополнение – дополнение»:

Хәтта школага Габдулла Тукай килгәннән, яхшы укучы бер балага читек бүләк иткәннән дә тәмләп сөйләргә ярата иде. Әйтерсең лә ул читекне үзе алган [Миңнуллин Т., 1997, с. 4]. / ‘Любил рассказывать о том, как в школу приходил сам Габдулла Тукай и лучшему ученику подарил ичиги. Как будто он сам получил эти ичиги.’

Прямое дополнение первого предложения *читек* ‘ичиги’ во втором предложении является дополнением, приняв аффикс винительного падежа. В

первом предложении дополнение выражает предмет, о котором упоминается впервые, поэтому не принимает никакого аффикса. Во втором предложении дополнение выражает предмет, уже известный как говорящему, так и слушающему, поэтому оно присоединяет аффикс винительного падежа [Закиев, 1995, с. 201].

В оформлении цепной связи могут также участвовать определения и обстоятельства. Но в данном случае эти члены предложений, как правило, выражаются именами существительными в разных падежных формах. Данное утверждение подтвердим нижеследующими примерами.

Синтаксическая связь между предложениями «подлежащее – обстоятельство»:

Һәр йорт үз хужасына охшаган була бит. Юан бүрэнләрдән, иркен һәм зур итеп салынган йортларда хужалык та ныклы, гаилә дә муллыкта яши [Нәбиуллина И., 2014, с. 20.]. / ‘Ведь каждый дом бывает похожим на своего хозяина. В домах из толстых бревен, просторных и больших, и хозяйство бывает крепким, и семья живет в достатке.’

Слово *йорт* ‘дом’ в первом предложении является подлежащим. Во втором предложении оно, приняв аффикс местно-временного падежа, выступает обстоятельством места.

Такие типы ССЦ чаще наблюдаются в художественной литературе и научном стиле.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «определение – определение»:

Документларда әтинең туган елы 1903 дип язылган. Әмма, әтинең туганнан-туганлы мархүмә Зөләйха апаның әйтүенә караганда, ул 1901 елларда туган булырга тиеш [Миннуллин Т., 1997, с. 4]. / ‘В документах годом рождения отца указан 1903. Однако, по словам покойной двоюродной сестры отца тети Зулейхи, он родился в 1901 году.’

В каждом предложении слово *әтинең* ‘отца’ является определением. В первом предложении оно определяет, чей именно день рождения записан как 1903 год. Во втором предложении автор конкретизирует, что Зулейха является двоюродной сестрой отца.

Для таких ССЦ характерно употребление имен существительных в форме притяжательного падежа. Они выступают в роли определения в смежных предложениях.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «определение – подлежащее»:

Юрганның кырыеннан гына әбинең нишләгәннен карап яттым. Әби аркасы белән утырганга, нишләгәне күренмәде [Исхакый, 1991, с. 268]. / ‘Лежал, наблюдая из-под края одеяла за действиями бабушки. Так как бабушка сидела спиной, не было видно, что она делала.’

Подлежащее придаточной части сложноподчиненного предложения, выражено существительным *әби* ‘бабушка’, которое в первом предложении, приняв аффикс притяжательного падежа, является определением. В таких ССЦ определения также выражаются именами существительными в притяжательном падеже.

Синтаксические цепные связи «определение – определение» и «определение – подлежащее» наблюдаются реже, чем остальные ранее упомянутые виды связи.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «обстоятельство – подлежащее»:

Рассмотрим пример из официально-делового стиля.

Сезне 30 декабрьдә Күбәк урта мәктәбенең спорт залында үткәреләчәк Яңа ел байрәменә чакырабыз. Бәйрәм сәгать 12 дә башлана [Вәлиев, 1999, с. 5]. / ‘30 декабря приглашаем Вас на Новогодний праздник,

который состоится в спортивном зале Кубяковской средней школы. Праздник начинается в 12 часов.’

Имя существительное *бәйраменә* ‘на праздник’ в первом предложении является обстоятельством первого предложения. Оно же в форме основного падежа выступает подлежащим следующего.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «обстоятельство – обстоятельство»:

Көз житү белән Габдулланы мадрасага бираләр. Мадрасага килгәч, баиша Хәбри халфәгә (Хәбибрахман Гатаулла улы Гобәев; (1869–?) тапшыралар [Габдулла Тукайның ..., 2021, с. 35]. / ‘С наступлением осени Габдулла отдают в медресе. В медресе сначала его обучением занимается хальфа Хабри (Хабибрахман Гатауллович Губаев; (1869–?).’

Слово *мадрасага* ‘в медресе’ в обоих предложениях ССЦ является обстоятельством.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «определение – обстоятельство»:

Г. Тукайның Кырлай авылында тагын бер тапкыр 1907 елның октябрь айларында (17 октябрьдән соң) булуы мәгълүм. Туган авылы Кушлавичка кайтышлы ул иң элек Каенсарга, апасы Саҗидә янына кереп чыга, аннары Кырлайга юл тотта [Габдулла Тукайның ..., 2021, с. 38]. / ‘Известно, что еще один раз Тукай побывал в деревне Кырлай в октябре 1907 года (после 17 октября). По пути в Кошлауч Тукай сначала заехал к сестре Сажиде в деревню Каенсар, затем направился в Кырлай.’

Имя собственное *Кырлай* в первом предложении является определением, во втором – обстоятельством.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «обстоятельство – дополнение»:

Татарстанның тулы вәкаләтле вәкилләре җанисәпкә багышланган киңәшмәдә катнашты. Татарстан Президенты аппараты җитәкчесе Әсгать Сафаров республиканың субъектлардагы вәкилләре белән 2021 елгы җанисәпкә багышланган онлайн-киңәшмә уздырды, дип хәбәр итә Татарстан Республикасының Россиядәге Тулы вәкаләтле вәкиллегең матбугат хезмәте [Татар-информ, 2021, 30 окт.]. / ‘Как сообщает пресс-служба Полномочного представительства Республики Татарстан в Российской Федерации, руководитель Аппарата Президента РТ Асгат Сафаров провел онлайн-совещание, посвященное вопросам переписи населения 2021 года, где приняли участие представители республики в субъектах.

В совещании приняли участие заместитель Премьер-министра РТ, Председатель Национального Совета (Милли шура) Всемирного конгресса татар Васил Шайхразиев, постоянные представители Татарстана в Башкортостане, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Свердловской области’

Слово *киңәшмәдә* ‘в заседании’ имеет форму местно-временного падежа и выступает обстоятельством места. Слово *онлайн-киңәшмә*, ‘онлайн-совещание’ в форме основного падежа является дополнением второго предложения. Наблюдаем частичный лексический повтор.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «дополнение – обстоятельство»:

Сине күрүгә, бөтен дөнъямны онытам. Бөтен дөнъясында берүзең торасың да каласың [Дәрзаман, 2015, с. 75]. / ‘Когда вижу тебя, забываю весь мир. Во всем мире остаешься ты одна.’

Дөнъямны ‘весь мир’ – дополнение первого предложения. Во втором предложении оно, приняв аффиксы 3 лица единственного числа и местно-временного падежа, повторяется в качестве обстоятельства места.

Цепные связи «обстоятельство – дополнение» и «дополнение – обстоятельство» наблюдались редко. Они зафиксированы в художественной, научной литературе и публицистике.

Синтаксическая цепная связь между предложениями «обстоятельство – определение»:

Габдулланың Кырлайда яшәгән чорында онытылмаслык тәэсир калдырган вакыйгаларның берсе итеп авылда уздырылган Сабантуйны атарга мөмкин. Аның турында шагыйрь: «Авыл халкы тегеләй дә иртә торучан булса да, бүген Сабан туге бәйрәме көне булганга, бигрәк тә иртә торганнар, вә һәр өйдә, һәркемдә көләч йөз, тәмле сүз иде» [Габдулла Тукайның ..., 2021, с. 34]. / ‘Одно из самых ярких впечатлений детства в душе Габдуллы оставил деревенский Сабантуй. «Сельчане и без того просыпаются рано, сегодня в день Сабантуя, – вспоминает поэт, – народ уже спозаранку был на ногах, и, к кому ни загляни, все были готовы встретить тебя с открытой душой и ласковым словом.’

В первом предложении имя существительное *авыл* ‘деревня’ в форме местно-временного падежа является обстоятельством, во втором предложении в форме основного падежа выступает определением.

Для таких видов цепной связи, где одним из соотносимых членов предложений является обстоятельство, характерны обстоятельства места и времени, выраженные именами существительными в разных падежных формах.

Имеется еще один вид синтаксической связи между предложениями. В них повторяются сказуемое и дополнение. Данный вид в зарубежной лингвистике получил название «конденсация» [Сильман, 1967, с. 75].

В таких смежных предложениях глагольное сказуемое первого предложения, превратившись в существительное, становится подлежащим, дополнением, обстоятельством или определением во втором предложении.

Следовательно, имеются разновидности: «сказуемое – подлежащее», «сказуемое – дополнение», «сказуемое – обстоятельство» и «сказуемое – определение». Такие типы сложного синтаксического целого характерны для художественной литературы и научных текстов.

Алар бэйлэнгэн күз белән егетләргә альяпкыч кигезергә, яулык бэйләтергә тиеш булалар. Соңга калып бэйләткәне жәза ала. Әлеге уен балалар өчен дә, яшьләр өчен дә, өлкәннәр өчен дә кызыклы һәм бүгенге көндә дә яратып уйнала. Уен балаларның физик яктан үсешен тәэмин итәргә ярдәм итә [Кем житезрәк (уен). URL: [https://tt.wikipedia.org/wiki/Кем_житезрәк_\(уен\)](https://tt.wikipedia.org/wiki/Кем_житезрәк_(уен))]. / ‘Они с завязанными глазами должны были надевать фартук и завязать платок юношам. Того, кто завязывал последним, наказывали. Эта игра интересна и любима как детьми и молодежью, так и взрослыми. Игра помогает обеспечить физическое развитие детей.’

В первом предложении инфинитив *бэйләтергә* ‘завязать’ входит в состав составного сказуемого. Во втором предложении субстантивированное причастие *бэйләткәне* ‘тот, кто завязал; завязавший’ является подлежащим. В третьем предложении сказуемое выражено глаголом настоящего времени *уйнала* ‘играется’. В четвертом предложении с этим глаголом соотносится подлежащее *уен* ‘игра’.

Таким образом, между первым и вторым, третьим и четвертым предложениями устанавливается цепная связь «сказуемое – подлежащее».

Приведем еще несколько примеров:

1. *Настя, зур кара күзләрен аңа сирпеп карап елмайган иде. Аның бу елмаюы «Я тоже» дигән сүзе иде* [Тангатаров, 2007, с. 330]. / ‘Настя улыбнулась, глядя на него большими черными глазами. Ее улыбка означала «Я тоже»’.

Елмайган ‘улыбнулась’ является сказуемым первого предложения. Субстантивированное имя действия *елмаюы* ‘ее улыбка’ в форме 3 лица единственного числа становится подлежащим второго предложения. Вид связи между предложениями – «сказуемое – подлежащее».

2. *Уртасыннан һәм биш канат очыннан кабызып жибарачаклар аны ул алты кеше. Һәм, албәттә инде, уртасын кабызып жибару бәхете тагын сиңа эләкте* [Дәрзаман, 2015, с. 53]. / ‘С середины и на концах пяти крыльев зажгут ее эти шесть человек. И, конечно, счастье зажечь с середины выпало тебе’.

Составное сказуемое первого предложения *кабызып жибарачаклар* ‘зажгут’ в последующем предложении, второе слово которого приняло форму имени действия, выступает определением. Между предложениями устанавливается вид связи «сказуемое – определение».

3. *Ул туган-үскән илләрен, кечкенә чагында, үз анасы исән вакытта уйнап йөргән болынарнын, кырларын, бөтен жир йөзен, бигрәк тә жир йөзенең кешеләрен, татарларын сагына икән. Бу сагыну көннән-көн күәтләнгән, үскән, зурайган, кызның озын керфекле матур күзләренә моң керткән* [Әмирхан, 2005, с. 11]. / ‘Она тоскует по стране, где родилась и выросла, по лугам, полям, где играла, когда была маленькой, когда еще была жива ее мама, по всей земле, особенно по людям земли, по татарам. Эта тоска с каждым днем усиливалась, росла, отражалась в красивых глазах девушки.’

Сказуемое первого предложения выражено глаголом изъявительного наклонения *сагына* ‘тоскует’. Данный глагол, приняв форму имени действия, во втором предложении выступает подлежащим. Между двумя предложениями ССЦ устанавливается вид связи «сказуемое – подлежащее».

В ходе исследования нами зафиксирован противоположный только что описанному новый вид связи, при котором субстантивированное имя

действия первого предложения превращается в глагольное сказуемое второго.

*Иң кирәклесе – синең тавышыңны ишетү кыйммәт иде миңа, Сәрия!
Җәм ишеттем мин аны – көмеш кыңгырау авазы булып чыңлады ул*
[Дәрзаман, 2015, с. 69]! / ‘Самое важное – мне было дорого услышать твой голос, Сария! И я его услышал – звучал он как звон серебряного колокольчика!’

В данном примере субстантивированное имя действия *ишетү* ‘услышать’ является подлежащим. В другом предложении оно, приняв форму прошедшего времени изъявительного наклонения глагола, становится глагольным сказуемым. Вид цепной связи – «подлежащее – сказуемое».

Нами перечислены лишь основные структурные виды цепной связи. Следует отметить, что цепная связь посредством лексического повтора наблюдается реже, чем другие виды данной связи. Это объясняется современными стилистическими нормами. Но использование лексических повторов придает речи точность, ясность, строгость. Повтор какого-либо слова устанавливает наиболее прочную связь между предложениями. Этим объясняется распространение данного типа цепной связи в научном и официально-деловом стиле. Свойственность цепной связи посредством лексического повтора научному стилю связана и с устойчивостью терминологии, нежелательностью употребления синонимов, стремлением к однозначности, точности смысла. В медиатекстах данный тип цепной связи имеет экспрессивный, эмоциональный характер. Использование лексических повторов может быть вызвано намеренным повторением какого-либо важного понятия. Такой прием распространен преимущественно в художественной литературе.

2.1.1.2. Роль синонимов при организации цепной связи

«Два или несколько слов, обозначающих одну и ту же вещь, одно и то же явление, одну и ту же ситуацию, называются синонимами» [Ханбикова, 1961].

«У одной и той же вещи, явления или ситуации обычно бывает несколько свойств. Слово-синоним основывается на каком-либо из этих свойств. <...> Синонимы, при одинаковом основном содержании, отличаются друг от друга той или иной смысловой тонкостью, эмоциональными или экспрессивными особенностями. Это различие, в свою очередь, приводит к тому, что одно синонимическое слово используется в одном стиле речи, а другое – в другом. Синонимичные слова имеют неодинаковое употребление: если одно из них грамматически связывается с любым словом-синонимом, то другое требует употребления конкретного слова» [Курбатов, 1971, с. 68–69].

При цепной синонимической связи соотносящиеся члены соседних предложений выражаются лексическими или контекстуальными синонимами. Данный вид синтаксической связи делает речь более гибкой, разнообразной, позволяет избегать повторений одного и того же слова. Виды синтаксических связей между предложениями аналогичны тем, которые были зафиксированы при цепной связи посредством лексического повтора.

Обратимся к примерам.

Студентларны исә башка нәрсә борчый. Казанда электрон карта буенча түләү артуы турында билгеле булгач, яшьләр, Рәстәм Миңнехановка студентлар өчен юл билетын кире кайтаруны соран, ачык хат язды [Ватаным Татарстан, 2019, 18 гыйнв.]. / ‘А студентов беспокоит другое. Когда стало известно об увеличении оплаты по электронным картам в Казани, молодежь написала Рустаму Минниханову открытое письмо с просьбой вернуть студенческий проездной.’

В этих двух предложениях ССЦ средством связи являются контекстуальные синонимы *студентларны* ‘студентов’ и *яшьләр* ‘молодежь’. В первом предложении слово *студентларны* ‘студентов’ выступает дополнением, в другом *яшьләр* ‘молодежь’ является подлежащим. Вид синтаксической связи – «дополнение – подлежащее».

Ятимнәрнең, гарип-гарабаларның хәле элек ничек авыр булса, һаман да шулай авыр. Жиңү яулап кайткан сугыш инвалидлары да рәхәтнең ни икән белмиңә бакыйга күчтеләр [Нәбиуллина И., 2014, с. 20]. / ‘Положение сирот и инвалидов было таким же тяжелым, как и прежде. И инвалиды войны, вернувшиеся с победой, не познав хорошей жизни, ушли на тот свет.’

В двух смежных предложениях ССЦ слова *гарип-гарабаларның* ‘инвалидов’ и *инвалидлары* ‘инвалиды’ употреблены в качестве синонимов. Они образовали синтаксическую связь «определение – подлежащее».

Киләсе атнада Татарстан Президенты Рөстәм Миңнеханов ил делегациясе составында Давоста узачак икътисади форумда катнаша. Республика башлыгы чараның ачылыш тантанасында, сессия утырышларында катнашыр, дип фаразлана [Ватаным Татарстан, 2019, 18 гыйнв.]. / ‘На следующей неделе Президент Татарстана Рустам Минниханов в составе делегации страны примет участие в экономическом форуме в Давосе. Предполагается, что глава республики примет участие в церемонии открытия мероприятия, в заседаниях сессии.’

Слово *Президенты* ‘Президент’ в первом предложении является подлежащим, *башлыгы* ‘глава’ во втором предложении – также подлежащим. Вид синтаксической связи – «подлежащее – подлежащее», где средством связи выступают контекстуальные синонимы.

Чын авыл тормышы белән яшәүче район башлыклары гына түгел, авыл җирлеге башлыклары да сирәк хәзер. Әмма сала мәшәкатеннән курыкмаучылар да бар әле [Ватаным Татарстан, 2016, 23 дек.]. / ‘Сейчас

редко встретишь не только глав районов, но и глав сельских поселений, ведущих настоящую деревенскую жизнь. Но еще есть те, кто не боится сельских хлопот.’

Синонимы *авыл* ‘деревня, село’ и *сала* ‘деревня, село’ в анализируемых предложениях образуют синтаксическую связь «определение – определение».

Ике атнага бер тапкыр Казанга йөриләр, моннан тыш район үзәгендә уза торган ярминкаларда да бик теләп катнашалар. Район үзәге 10 чакрым ераклыкта гына булгач, базарга барып, каймак, сөт сатучылар да шактый икән [Ватаным Татарстан, 2016, 23 дек.]. / ‘Раз в две недели ездят в Казань, кроме того, охотно участвуют на ярмарках, которые проходят в райцентре. Так как расстояние до районного центра всего 10 километров, много таких, кто ездит на рынок продавать сметану и молоко.’

Слова *ярминкаларда* ‘на ярмарках’ и *базарга* ‘на рынок’ употреблены в данных двух предложениях синонимами и выступили средством связи между предложениями ССЦ. Вид синтаксической связи – «обстоятельство – обстоятельство».

Подавляющее большинство структурных видов цепной связи сводится к выражению отношений между субъектами, между субъектом и объектом («подлежащее – дополнение», «подлежащее – подлежащее», «дополнение – дополнение» и т.п.) Роль сказуемого в формировании цепных связей менее значительна. Обстоятельство «является членом семантически и синтаксически автономным, оно никак не вытекает из валентности глагола ни в формальном, ни в смысловом отношении» [Адамец, 1966, с. 6–7].

Данный вид синтаксической связи употребляется более активно, чем предыдущий. В отличие от лексического повтора, цепная синонимическая связь позволяет выразить многообразные экспрессивно-эмоциональные

оттенки смысловых отношений между предложениями, поэтому часто встречается в художественной литературе и публицистике.

Цепная связь между предложениями сложного синтаксического целого может образоваться парой «гипероним – гипоним», которые напоминают цепную синонимическую связь. При них между предложениями могут образоваться виды синтаксических связей, аналогичные упомянутым при цепной связи посредством лексического повтора.

Гөлназларның тәрәзә төпләрендә нинди генә гөлләр юк. Әнисе бигрәк тә яраннарны ярата [Нәбиуллина И., 2014, с. 21]. / ‘На подоконниках в доме у Гульназ какие только цветы не растут. А ее мама особенно любит герани.’

В данном примере подлежащее первого предложения, выраженное существительным *гөлләр* ‘цветы’, во втором заменен лексемой *яраннарны* ‘герани’, которая является дополнением данного предложения. Термин *гөлләр* ‘цветы’ является гиперонимом по отношению к термину *яран* ‘герань’, а термин *яран* ‘герань’ – гипоним по отношению к термину *гөлләр* ‘цветы’. Вид синтаксической связи – «подлежащее – дополнение».

2.1.1.3. Особенности образования цепной связи антонимами

«Слова соотносятся не только по смысловым сходствам, но и по смысловым противоречиям. Слова, имеющие противоположные значения, называются антонимами» [Курбатов, 1971, с. 70].

Антонимическая цепная связь наблюдается не очень часто. Как уже было отмечено ранее, она является сильным экспрессивным средством и чаще используется в художественной литературе. «Для выражения отношений противопоставления используются различные языковые средства, важнейшим среди которых является антонимия. Употребляются не только готовые, уже имеющиеся в языке лексические, но и контекстуальные антонимы [Набиуллина Г., 2002, с. 10–11].

Алар да бүген яңа киемнәр киегәннәр, үзләренчә купшыланганнар, матурланышканнар иде. Бары бер генә, бер кечкенә генә малай бүген безнең шикелле киемләгән, үзенең һәрвакыттагы иске киемендә иде [Әмирхан. URL: <http://beznenmiras.ru/uksez-bala/>]. / ‘И все они сегодня были одеты в новую одежду, были особенно нарядные, красивые. Лишь один, один маленький мальчик, был сегодня одет не так, как мы, он был в своей повседневной старой одежде.’

В этих двух предложениях употреблены антонимы *яңа* ‘новая’ и *иске* ‘старая’, которые образуют цепную связь «определение – определение».

Типы синтаксических связей те же, что были упомянуты в предыдущих видах связей.

2.1.1.4. О роли местоимения при цепной связи

Х.Р. Курбатов подчеркивает, что употребление местоимения в речи требует своеобразного мастерства [Курбатов, 1971, с. 116].

Местоименные цепные связи имеют широкое распространение во всех стилях речи. В них также наблюдается структурная соотнесенность предложений. Отличие – в способе ее выражения. Типы синтаксических связей те же, что и в предыдущих видах цепной связи.

Рассмотрим примеры.

– *Ниһаять, килеп җиттек, – дип белдерде автобус шоферы. Ул ак тешләрен күрсәтеп елмайды да, сәфәрчеләргә хәерле юллар теләде* [Жамалетдинова, 2007, с. 70]. / ‘– Наконец, приехали, – объявил шофер автобуса. Он улыбнулся, показав белые зубы, и пожелал путникам счастливого пути.’

Существительное *шоферы* ‘шофер’ в первом предложении и личное местоимение *ул* ‘он’ во втором предложении, которое заменяет слово *шоферы* ‘шофер’, образуют синтаксическую связь «подлежащее –

подлежащее».

24–25 нче елларда эти безнең авылга килеп юлыга. «Грамотный егет» икәннен белгәч, авыл Советына секретарь итеп куялар үзен [Миңнуллин Т., 1997, с. 5]. / ‘В 24–25 годах отец оказался в нашей деревне. Узнав, что он «грамотный парень», руководство назначает его секретарем сельсовета.’

Определительное местоимение *үзен* ‘его самого’ заменяет существительное *эти* ‘отец’, и эти два слова образуют синтаксическую цепную связь «подлежащее – дополнение».

Эти янына гарәпчә язылган дини китаплар да тотып киләләр иде. Эти беркайчан да аларны укымады [Миңнуллин Т., 1997, с. 5]. / ‘К отцу приносили и религиозные книги, написанные по-арабски. Отец их никогда не читал.’

Слова *китаплар* ‘книги’ и *аларны* ‘их’ в смежных предложениях ССЦ являются дополнениями и образуют синтаксическую связь «дополнение – дополнение».

1860 елда бөек татар мәгърифәтчесе Каюм Насыри «Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах» исемле кулланма чыгара. Бу – шул чорда иң тулы төзелгән грамматикаларның берсе [Зәкиев, 2017, с. 21]. / ‘В 1860 году великий татарский просветитель Каюм Насыри опубликовал пособие под названием «Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах». Это – одна из самых полных грамматик своего времени.’

Имя существительное *кулланма* ‘пособие’ является дополнением в данном предложении, а в следующем заменено указательным местоимением *бу* ‘это’. Данное местоимение – подлежащее. Следовательно, вид цепной связи – «дополнение – подлежащее».

Үзирекле тәржемә итүнең сәбәпләре берничә. Шуларның беренчесе укучылар чит әдәбият эсәрен туган телләрендә укысыннар, жәңелрәк

үзләштерсеннәр, тулырак аңласыннар иде дигән теләктән гыйбарәт [Юсупов Р., 2014, с. 11]. / ‘Причин свободного перевода несколько. Первая из них заключается в том, чтобы учащиеся могли читать зарубежную литературу на родном языке, легче усваивать ее, лучше понимать.’

Указательное местоимение *шуларның* ‘их’ во втором предложении употреблено вместо существительного *сәбәпләре* ‘причины’, которое выступает подлежащим первого предложения. Вид синтаксической связи – «подлежащее – определение».

Өстәл тартмасын ачты, аннан төрлесе төрле кәгазьгә язылган, вакыт үтүдән инде саргая да башлаган хатлар төргәген тартып чыгарды. Болар Галимәнең хатлары иде [Әпсәләмов, 2009, с. 449]. / ‘Открыла ящик стола, вытасила из него уже со временем начавшую желтеть пачку писем, которые были написаны на разной бумаге. Это были письма от Галимы.’

Существительное *хатлар* ‘письма’ является определением в первом предложении. В последующем предложении оно заменено указательным местоимением *болар* ‘это’, которое выступает подлежащим. Тем самым определяется вид синтаксической связи: «определение – подлежащее».

Фактик эчтәлекле информация чынбарлыктагы күренешләр, вакыйгалар турындагы белдерүләргә үз эченә ала. Монда бары булганны төгәл теркәү күз алдында тотыла [Сафиуллина, 1993, с. 13–14]. / ‘Информация фактического характера включает в себя сообщение о явлениях, событиях, происходящих в действительности. Тут имеется в виду лишь регистрация происходящего.’

В первом предложении подлежащее выражено существительным *информация*. Указательное местоимение, заменяющее данное слово во втором предложении, является обстоятельством. Вид синтаксической связи – «подлежащее – обстоятельство».

Следующий новый вид связи, который не был зафиксирован ранее, – это цепная связь, где одним компонентом выступает обращение.

Исәнме, кадерле энием!

Сине «Татарстан Республикасының атказанган мәктәп укытучысы» дигән мактаулы исем бирелү белән тәбрик итәбез. Сиңа ныклы саламәтлек, иҗади уңышлар телибез. Без синең белән горурланабыз, энием [Вәлиев, 1999, с. 7]. / ‘Здравствуй, дорогая мамочка!

Поздравляем тебя с присвоением звания «Заслуженный учитель школы Республики Татарстан». Желаем тебе здоровья, творческих успехов. Мы гордимся тобой, мама.’

Имя существительное *энием* ‘мамочка’ в последующих предложениях заменено местоимением *син* ‘ты’ в разных падежных формах. Между первым и вторым предложениями установлена цепная связь «обращение – дополнение». Местоимения *сине* ‘тебя’, *сиңа* ‘тебе’ являются дополнениями в предложениях. Вид синтаксической связи между вторым и третьим предложениями ССЦ – «дополнение – дополнение», между третьим и четвертым – «дополнение – обращение».

Редко в ССЦ встречаются смежные предложения, в которых наблюдаем два вида синтаксических связей. В них обязательно наличие сложносочиненного предложения.

Әсәрләнеп йөрим мин Болгарда –

Әйтерсең лә мин үз куышымда.

Нәселемнең изге биләве бу,

Шәҗәрәмнең башы шушында [Миңнуллин Р., 2012, с. 21]. /

‘Растроганный, хожу я в Булгарах –

Словно я нахожусь у себя дома.

Это священная пелена моего рода,

Здесь начало моей родословной.’

Существительное *Болгарда* ‘в Булгарах’ в первом предложении является обстоятельством места. Во втором предложении имеется два местоимения, которые заменяют это слово: *бу* ‘это’ и *шушында* ‘здесь’. Слова *Болгарда* ‘в Булгарах’ и *бу* ‘это’, таким образом, образуют синтаксическую связь «обстоятельство – подлежащее», а *Болгарда* ‘в Булгарах’ и *шушында* ‘здесь’ – «обстоятельство – сказуемое».

Следует отметить, что местоимения более тесно объединяют предложения, чем повтор или использование синонимической лексики. Важно подчеркнуть и стилистическое различие: местоименная цепная связь, как правило, стилистически нейтральна и употребляется во всех функциональных стилях.

2.1.2. Параллельная связь

Структурная соотнесенность внутри ССЦ выражается и в параллельном строении предложений. «В основе синтаксического параллелизма лежит повторение отдельных грамматических компонентов (подлежащих, второстепенных членов, особенно сказуемых), что способствует четкости в структурно-семантической организации, а также повышенной эмоциональности звучания и создания гармонии» [Набиуллина Г., 2002, с. 9–10].

Булгандыр алар акыллы

Йә булгандыр юләр...

Кайнагандыр монда тормыш,

Кайнагандыр Биләр [Миңнуллин Р., 2012, с. 22]! /

‘Они были умными

Или были глупыми...

Кипела тут жизнь,

Кипел город Биляр.’

При параллельной связи предложения сопоставляются друг с другом и имеют параллельные конструкции. Г.Я. Солганик, Ф.С. Сафиуллина, М.З. Закиев и другие ученые выделяют повествовательные, описательные и анафорические ССЦ, которые связываются параллельной связью. Мы придерживаемся такого же деления и рассмотрим особенности их употребления в татарском языке.

Таким образом, при параллельной связи выделяются повествовательные, описательные, анафорические ССЦ.

2.1.2.1. Повествовательные ССЦ

В повествовательных сложных синтаксических целых «описываются сменяющие друг друга процессы, как бы расположенные в пространстве и во времени параллельно один другому. Они предназначены для описания ряда сменяющихся событий, действий, явлений, относящихся к прошлому или настоящему и объединенных по смыслу» [Сафиуллина, 1993, с. 48]. В повествовательных сложных синтаксических целых предложения имеют одинаковую структуру, главные члены в них имеют одинаковые морфологические формы. Сказуемые часто выражаются глаголами изъявительного наклонения прошедшего либо настоящего времени, подлежащие – формой основного падежа существительных.

Обратимся к следующему примеру.

(1) *Көз иде. (2) Шыбыр-шыбыр ява торган вак ягъмур күзгә төртсәң күренмәс караңгы төнгә тагы караңгылык куша, авыр һавага тагы басынкылык бирә иде. (3) Очы юк юешлек тәнне баса иде, албасты пәрисе баскан кебек изә иде. (4) Кырые юк караңгылык жәннә өшетә иде, иске яраларны ачып, күңелне сыкрата иде. (5) Күкне томалаган авыр болыт, йирне дә, суны да йотарга теләгән кебек, түбәннән түбәнгә төшә бара иде. (6) Инде Иделнең бөтен ярларын каплап алган, бирешмәенчә барырга тели*

торган паракхутның артын да, алдын да камалаган тирә-юньдә һичбер жән галамәте калдырмаган иде. (7) Барысы да караңгылыкка баш игән, барысы да болыт астына баткан иде [Исхакый, 2009, с. 88]. / ‘Была осень. Мелкий дождь, капающий с дробным звуком, добавлял еще больше темноты к ночи, в которой было ничего не видно, даже если ткнуть в глаз пальцем. Безграничная влажность насадала на тело, мяла словно злой дух. Безграничная темнота заставляла стыть сердце, раскрывала старые раны, терзала душу. Тяжелое облако, накрывшее небо, словно желая проглотить и землю, и воду, опускалось все ниже и ниже. Уже накрыло все берега Волги, накрыло и нос, и корму идущего и не желающего сдаваться парохода, не оставило ни единого признака жизни во всей округе. Все вокруг склонило голову перед тьмой, все утонуло под облаком.’

Зачин данного ССЦ выражен первым предложением (*Көз иде*. ‘Была осень’). Это номинативное предложение. Вспомогательный глагол *иде* ‘была’ при главном члене зачина далее повторяется в каждом предложении медиальной части и в концовке. Во втором, третьем, четвертом предложениях имеются однородные сказуемые (*куша, бирә иде* ‘добавлял, давал’; *баса иде, изә иде* ‘насадала, мяла’; *өшетә иде, сыкрата иде* ‘заставляла стыть, терзала’). В пятом предложении подлежащее – *болыт* ‘облако’, сказуемое – *төшә бара иде* ‘опускалось’. Шестое предложение – неполное, в нем продолжается мысль пятого предложения, т. е. пятое и шестое предложения можно было бы объединить в одно предложение, но, т. к. сказуемые выражены разными формами прошедшего времени изъявительного наклонения (*төшә бара иде* ‘опускалось’ – прошедшее незаконченное время; *калдырмаган иде* ‘не оставило’ – давнопрошедшее время), автор их организовал как два отдельных предложения, но по структуре они параллельны 2–5 предложениям. Форма давнопрошедшего

времени последнего сказуемого (*калдырмаган иде* ‘не оставило’) завершает медиальную часть.

В начале второго, пятого предложений имеются определения (*ява торган вак ягъмур* ‘мелкий дождь, капающий’; *томалаган авыр болыт* ‘тяжелое облако, накрывшее’). Третье, четвертое предложения начинаются с придаточного определительного предложения (*Очы юк юешлек* ‘Безграничная влажность’; *Кырые юк караңгылык* ‘Безграничная темнота’).

Таким образом, второе и пятое, третье и четвертое предложения данного сложного синтаксического целого связаны между собой параллельной связью.

Концовка ССЦ – седьмое предложение. Оно сложносочиненное.

В данном сложном синтаксическом целом описываются действия, которые постепенно сменяют друг друга, все аналитические сказуемые образованы вспомогательным глаголом *иде* ‘было’. Они переносят действия в прошедшее время.

Следующий пример из поэтического произведения.

Маңгаена кулын куя да,

Яктылыкка таба карый ул.

Кулак эзе калган һәр урамны,

Куңел күзе белән таный ул [Юзеев, 2018, б. 33]. /

‘Он кладет руку на лоб

И смотрит на свет.

Каждую улицу, где сохранился след кулаков,

Он душой узнает.’

В данном сложном синтаксическом целом каждое предложение завершается подлежащим *ул* ‘он’, т. е. наблюдается инверсия. Сказуемые предложений имеют одинаковую форму – употреблены они в форме

настоящего времени изъявительного наклонения глагола (*карый* ‘смотрит’, *таный* ‘узнает’).

Таким образом, в анализируемом сложном синтаксическом целом параллелизм выражается инверсией и одинаковой морфологической формой сказуемых, их расположением перед подлежащими.

В следующем повествовательном ССЦ сказуемые выражены глаголами изъявительного наклонения прошедшего категорического времени.

Менә кыш жцитте. Урамнар яктырды, агачлар, йортлар, киресенчә, караеп, ямансулап калдылар. Кешеләрнең йөзенә дә көмеш сагыш кунды, аларның күзләре уйчанланды, йөзләре моңсуланып, күңелләре оеп, жжаннары иләсләнеп калды [Гыйльманов, 2016, с. 175]. / ‘Вот наступила зима. Улицы посветлели, деревья, дома, напротив, почернели и загрустили. И на лицах людей нависла серебряная тоска, глаза их стали задумчивыми, лица грустными, а сердца угрюмыми.’

Данный вид синтаксической связи активно применяется в медиатекстах. Они часто наблюдаются при описании каких-либо событий, явлений.

Элеккеге СССР составына кергән барлык илләрнең диярлек спортчылары катнашында узган Дөнья Беренчелеге ике көн дәвам итте. 15–17 яшьлек кызлар һәм егетләр чыгыш ясаган турнирда бил алышулар ике төрдә узды. Сүз уңаеннан, ирекле стильдә Татарстан көрәшчеләре аерым команда булып чыгыш ясады. Якташларыбыз бу төрдә барлығы 11 медаль яулады. Егетләр ярышында Алексей Абрамов – көмеш, Евгений Ласточкин, Михаил Дагаев, Вадим Демидов һәм Ильяс Газизуллин бронза медаль иясе булды. Кызлар бәйгесендә исә Регина Нуретдинова белән Рүзилә Мөхәммәтова өченче урыннарны алса, берьюлы дүрт гүзәлебез – Камилла Елисеева, Диләрә Латыпова, Алина Проворова һәм Альбина Шәмсетдинова чемпион исемен яулады. Билбаулы көрәшнең татарчага якынрак булган

классик төрендә исә якташларыбыз Россия жыелма командасы составында бил алышты. Анысында ил командасы барлыгы 14 медаль яулады. Рамиль Камалов, Эмиль Жиганшин, Эрик Мәхмүтов, Фәнис Сабирҗанов Теләчедән чемпион булып кайтып китте. Ислам Лайпанов, Ришат Исхаков, Илнур Сәетов, Вадим Иванов, Илнур Сафиуллин, Айназ Билаловлар – көмеш, ә Алмаз Сәнгатуллин, Рөстәм Ханов, Булат Шарипов, Арсен Мусаллаев һәм Рузәл Сафин бронза медаль иясе булды [Ватаным Татарстан, 2014, 17 дек.]. / ‘Мировое Первенство, в котором приняли участие спортсмены почти всех стран бывшего СССР, длилось два дня. Соревнования в турнире, где выступали девушки и юноши 15–17 лет, проходили в два тура. К слову, татарстанские борцы в вольном стиле выступили отдельной командой. Наши земляки в этом виде спорта завоевали всего 11 медалей. В соревнованиях юношей Алексей Абрамов завоевал серебро, Евгений Ласточкин, Михаил Дагаев, Вадим Демидов и Ильяс Газизуллин стали обладателями бронзовых медалей. В женском турнире Регина Нурутдинова и Рузиля Мухаметова заняли третье место, а четыре наши красавицы – Камилла Елисеева, Диляра Латыпова, Алина Проворова и Альбина Шамсутдинова стали чемпионками. В классическом виде борьбы на поясах, близком к татарскому, наши земляки выступили в составе сборной России и завоевали 14 медалей. Рамиль Камалов, Эмиль Зиганшин, Эрик Махмүтов, Фанис Сабирзянов уехали из Тюлячей чемпионами. Ислам Лайпанов, Ришат Исхаков, Ильнур Сайтов, Вадим Иванов, Ильнур Сафиуллин, Айназ Билалов стали серебряными призерами, а Алмаз Сунгатуллин, Рустам Ханов, Булат Шарипов, Арсен Мусаллаев и Рузаль Сафин – бронзовыми.’

В данном ССЦ предложения имеют одинаковую структуру: они завершаются сказуемыми в форме прошедшего категорического времени, подлежащие выражены именами существительными в основном падеже, во многих предложениях именами собственными (имя и фамилия спортсмена).

Данному сложному синтаксическому целому свойственно употребление и однородных подлежащих.

Как утверждает В.З.Гарифуллин [1997, с. 105], основную ткань структуры репортажного текста составляют типы синтаксического целого, соответствующие повествовательному и описательному видам изложения.

Приведем пример из научного стиля.

Телнең һәм сөйләмнең барлык стильләрендә мөстәкыйль жәмләләрне бәйләүдә алмашлыктар аеруча күп кулланылалар. Синтаксик хасияте ягыннан алмашлык аша бәйләнеш алдагы бәйләнешләрдән аерылып тормый, аның нигезендә жәмләләрнең шул ук структур мөнәсәбәттәшлеге ята [Сафиуллина, 1993, с. 30]. / ‘В каждом стиле речи и языке при связи предложений особенно часто употребляются местоимения. По синтаксическому строению местоименная связь не отличается от предыдущих связей, она основана на структурном соотношении предложений.’

В каждом предложении использованы глагольные сказуемые в форме настоящего времени. Подлежащие выражены существительными в основном падеже.

2.1.2.2. Описательные ССЦ

Описательным сложным синтаксическим целым характерно единство временных форм сказуемых и синтаксический параллелизм. «Единство форм выражения сказуемых – важнейший синтаксический признак описательных ССЦ» [Сафиуллина, 1993, с. 49]. О.А. Нечаевой описание определяется как «констатирующая речь, в которой утверждается наличие или отсутствие каких-либо признаков описываемого предмета» [Нечаева, 1974, с. 261].

Описание позволяет ярко, красочно и динамично охарактеризовать действие в отдельно взятом пространстве или времени. В описательных ССЦ предметы и их признаки представляются в одно и то же время.

Описательные ССЦ по структурным признакам лингвисты разделяют на несколько разрядов.

ССЦ с единым планом настоящего времени:

Полковник сөйли да сөйли, бер генә да акыл өйрәтми, ачыктан-ачык тәрбия белән шөгьльләни, балки сугыш хәрәкәтләре, ничек жиңугә ирешүләре хакында гына баян итә. Хәтта, кайберәүләр кебек, мин шулай иттем, мин болай иттем, дип тә шапырынмый [Әхмәдиев, 2011, с. 8]. / ‘Полковник все рассказывает и рассказывает, никого не учит, не занимается откровенным воспитанием, а только рассказывает о боевых действиях, о том, как они победили. Даже, как некоторые другие, не хвастается тем, что он сделал то, сделал это.’

Все описываемые действия происходят в одно и то же время. Сказуемые всех предложений выражены глаголами изъявительного наклонения настоящего времени в положительном либо отрицательном аспектах. То же самое можем сказать о следующем примере из текста письма.

Кадерле әнием!

Сине 8 Март бәйрәме белән тәбрик итәм! Сиңа ныклы сәламәтлек, матур тормыш, озын гомер телим.

Кызың Алсу [Вәлиев, 1999, с. 6]. /

‘Дорогая мама!

Поздравляю тебя с праздником 8 Марта. Желаю крепкого здоровья, долгих лет счастливой жизни.

Твоя дочь Алсу.’

Яркую семантико-синтаксическую характеристику настоящего времени дал В.В. Виноградов: «Настоящее время само по себе лишено движения. Лишь в синтагматике речевого процесса, в смене глагольных форм, в их движущейся веренице настоящее время приобретает динамическое значение. Следовательно, динамичность настоящего времени – не непосредственная, а композиционно обусловленная, не тематико-морфологическая, а сюжетно-синтаксическая. Настоящее время может быть формой описания, рассуждения и формой повествования... Оно совмещает в себе и номинативную, и семантическую функции. Вот почему даже надпись к картине может быть означена формой настоящего времени» [Виноградов, 1936, с. 135–136].

В медиатекстах динамичность повествования усиливается за счет привлечения коротких предложений. Это убыстряет темп изложения, передает быстроту смены событий. Достигается данный эффект нередко путем парцелляции.

Парцелляция и ССЦ разграничиваются прежде всего грамматическими признаками. «Парцеллят» является членом простого предложения или предикативной частью сложноподчиненного предложения и поэтому находится в зависимости от собственно-изъяняемого элемента. Известно, что при парцеллировании смысловые и структурные связи между «базовой частью» и «парцеллятом» сохраняются и являются аналогичными связям, возникающим в целостной единице.

Телефон чылтырый. Минут саен. АТС диярсең. Иван Петрович моңа шатлана. Кызыксына халык эlege яңалык белән. Аның отышлы яклары барлыгына көннән-көн инана бара [Социалистик Татарстан, 1987, 28 февр.] / ‘Звонит телефон. Каждую минуту. Будто АТС. Иван Петрович рад этому. Интересуются люди этой новостью. Убеждаются в том, что выгода от нее большая’ [Гарифуллин, 1997, с. 107].

Парцелляция является «средством создания в предложении (высказывании) нового самостоятельного рематического центра или нескольких таких центров» [Сковородников, 1980, с. 86]. Явление парцелляции создается путем расчленения, разъединения предложения на части (ср. лат.: *pars, partis* – часть, то есть деление на части) с целью экспрессивно выделить, подчеркнуть необходимое дополнение.

В.Г. Гак парцеллированные конструкции считает промежуточной формой между предложением и более сложной текстовой структурой – ССЦ [Гак, 1979, с. 202–203].

Такие конструкции имеются в медийных и художественных текстах.

(1) Минем эти буген Казаннан кайта. (2) Улмы? (3) Ул миңа саплы калач китерә. (4) Аннары миңа читек китерә. (5) Өр-яңа читек.

(6) Аның саурысы синең апаңның намазлык чигә торган үрнәге кебек чәчәкле була.

(7) Аның олтаны болгар олтаны, кырыеннан киселгән. (8) Ярып ук киселгән. (9) Үзе кып-кызыл төсле. (10) Кура җиләге төсле кызыл түгел, зияб төсле кызыл.

(11) Аның балтыры шадраланып тора, чем-кара.

(12) Миңа эти кәжүл читек китерә...

(13) Иртәгә гаеткә мин кәжүл читек киеп барам [Исхакий, 1991, с. 262]. / ‘Мой папа сегодня возвращается из Казани. Он? Он привезет мне калач. Еще он привезет мне ичиги. Новые ичиги.

Они будут вышиты цветами, как вышивает твоя сестра молитвенный коврик.

На подошве будут болгарские подметки, отрезанные по краям. Сами они красные. Красные не как малина, а красные, как зяблик.

Их голень шероховатая, черная-пречерная.

Мне папа привезет сафьяновые сапоги.

Завтра на праздник я пойду в сафьяновых сапогах.’

В рассматриваемом ССЦ парцелляция, помимо того, что усиливает выразительность и динамичность текста, придает ему и разговорную окраску.

Во всех предложениях сказуемые выражены глаголами изъявительного наклонения настоящего времени. В третьем, четвертом, двенадцатом предложениях наблюдаем употребление дополнений перед сказуемыми (*калач китерә* ‘привезет калач’, *читек китерә* ‘привезет ичиги’), что усиливает их параллелизм. В предложениях 7–10 ССЦ не установлена параллельная связь ни с предыдущими, ни с последующими предложениями. То есть параллелизм наблюдаем лишь в предложениях под номерами один, три, четыре, шесть, одиннадцать, двенадцать, тринадцать. В данном ССЦ автор намеренно расчленил связный текст на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков (второе, пятое, восьмое, девятое, десятое предложения). Они, хотя и входят в ССЦ, в создании параллельной связи не участвуют.

Следующий пример описательного ССЦ из научного текста.

(1) Безнең ерак бабаларыбыз – борынгы болгарларның VII–VIII гасырларда ук үзенчәлекле язулары була. (2) Бу алфавитны төрки рун язуы дип йөртәләр. (3) Төрки рун язуының үрнәкләре кайбер археологик казылмаларда – балчык чүлмәк, таш дивар, алтын яки көмеш савыт-сабаларда табыла [Татар грамматикасы, 2015, с. 79]. / ‘У наших предков – у древних болгар уже в VII–VIII века была своя особенная письменность. Этот алфавит называют тюркским руническим письмом. Примеры тюркского рунического письма обнаружены в некоторых археологических раскопках – на глиняных горшках, каменных стенах, золотой или серебряной посуде.’

Сказуемые во всех предложениях ССЦ выражены глаголами изъявительного наклонения в форме настоящего времени. В первом и третьем предложениях описываемые события относятся к прошедшему

времени, но автор их передал глаголами в форме настоящего времени, тем самым сохранил единый план настоящего времени.

ССЦ с единым планом прошедшего времени

Динамическое описание может быть достигнуто и использованием формы глагола изъявительного наклонения прошедшего категорического времени.

Описательным ССЦ с единым планом прошедшего времени свойственно аналогичное описанному выше синтаксическое строение. Основой единства является параллелизм предложений и выражение сказуемых формой прошедшего времени.

Примеры ССЦ с единым планом прошедшего времени выявлены во всех функциональных стилях татарского языка.

(1) Борыннан, койрыктан казаяклар аркан ыргыттылар, уртадан басма суздылар. (2) Каек, күпер читенә терәлеп, чайкалудан туктап калгач та, унлал кеше аягурә басты. (3) Кыска итеп киселгән сакал-мыеклы, озынча битле, очкынланып торган шаян, тере күз карашлы чандыр бер кеше, елмаеп, Акбуре ыруының башы алдында бүреген салды, башын иде [Фэттах, 1980, с. 38]. / ‘С передней части и с хвоста представители племени «казаяк» кинули канаты, с середины протянули мостик. После того как лодка, прижавшись к краю моста, перестала качаться, около десяти человек встали. Худощавый человек с коротко подстриженной бородой и усами, удлиненной формой лица, с горящим, веселым, живым взглядом, улыбнувшись, снял шапку и поклонился предводителю рода Акбуре.’

(1) 2014 елда башкалабыз Казан төрки дөнъяның мәдәни башкаласы дип игълан ителде. (2) Инде бер ел алдан республикабызда зур әзерлек эшләре барды. (3) Бу ел рамкаларында каралган мәдәни чаралар грандиоз булыр, дип көтелде [Туганайлар, 2014, 30 сент.]. / ‘В 2014 году столица Казань была объявлена культурной столицей тюркского мира. За год до этого в

республике была проведена большая подготовительная работа. Ожидалось, что культурные мероприятия, запланированные в рамках этого года, будут грандиозными.’

В этих двух анализируемых ССЦ сказуемые выражены глаголами в форме прошедшего категорического времени. В первом ССЦ синтаксический параллелизм выражается тем, что перед сказуемыми располагаются дополнения (*аркан ыргыттылар* ‘кинули канаты’, *басма суздылар* ‘протянули мостик’, *бүреген салды* ‘снял шапку’, *башын иде* ‘поклонился’).

В первом и третьем предложениях второго ССЦ перед сказуемыми в форме прошедшего времени расположены придаточные дополнительные предложения, связанные с главным словом *дип*. Во втором предложении – подлежащее.

Динамическое описание выражается и употреблением глагольной формы прошедшего результативного времени на *-ган/-гән*:

(1) *Россия Хезмәт министрлыгы лаеклы ялга чыгу яшен арттырмакка булган*. (2) *Бу хакта Федерация Советының социаль сәясәт комитеты утырышында Россия хезмәт министры Максим Топилин белдергән*. (3) *Министр сүзләреннән аңлашылганча, пенсия яшен арттыру турында бәхәсләр әледән-әле кабатланып торса да, пенсия системасының 2030 елга кадәр үсеш стратегиясендә лаеклы ялга чыгу яшен арттыру каралмаган*. (4) *«Лаеклы ялга 63–65 яшьтә чыгу гамәлдә булган илләрдә уртача гомер озынлыгы да 80 яшьтән артып китә. (5) Ә бездә ул 70–71 яшьне генә тәшикл итә», – дип ачыклык керткән Топилин [Ватаным Татарстан, 2015, 4 март]. / ‘Минтруд России решил не повышать возраст выхода на пенсию. Об этом заявил министр труда России Максим Топилин на заседании комитета Совета Федерации по социальной политике. По словам министра, несмотря на то, что споры о повышении пенсионного возраста время от времени возникают, в стратегии развития пенсионной системы до 2030 года повышение возраста*

выхода на пенсию не предусмотрено. «Средняя продолжительность жизни в странах, где действует выход на пенсию в 63–65 лет, превышает 80 лет. А у нас она составляет всего 70–71 год», – уточнил Топилин.’

В данном ССЦ в медиальной части сказуемые расположены в конце предложения, перед ними употреблены дополнение (*яшен арттырмака булган* ‘решил не повышать возраст’) и подлежащие (*арттыру каралмаган* ‘не предусмотрено повышение’, *Максим Топилин белдергэн* ‘заявил Максим Топилин’). Последние два предложения ССЦ выступают концовкой сложного синтаксического целого. Второе из них оформлено инверсией (*ачыклык керткэн Топилин* ‘уточнил Топилин’).

Номинативные ССЦ

«Номинативные конструкции – экономия, и вместе с тем выразительная форма» [Набиуллина Г., 2002, с. 12]. Данный вид ССЦ В.З.Гарифуллин назвал статистическим. «Еще один вид описания – статистическое. Описывая в начале текста природу, окружающую среду, обстановку, местность и время, автор сразу подключает читателя к ходу событий и действий <...>.

В статистическом описании какой-либо объект, предмет, пространство отражается перечислением наиболее характерных, ярких признаков, черт и свойств. В результате даже незнакомые предметы представляются вполне обозримыми. Связь между предложениями в таком ССЦ осуществляется на основе смысловой общности <...>.

В статистическом описании при осуществлении смысловой связи используется очень часто одновременно и параллельная связь, суть которой в употреблении во всех предложениях синтаксического целого одной и той же грамматической формы или синтаксической конструкции» [Гарифуллин, 1997, с. 110].

Описательные ССЦ по структурным признакам делятся на две группы: номинативные ССЦ и ССЦ номинативного типа.

Номинативные сложные синтаксические целые состоят целиком из номинативных предложений. В ССЦ номинативного типа номинативные предложения чередуются с близкими им по синтаксическому значению структурными типами предложений. Здесь номинативные предложения часто являются зачинами.

Зачину в ССЦ обоих типов принадлежит ведущая роль. В нем обозначается время или место события, определяются смысловые границы дальнейшего изложения. И зачин объединяет тем самым последующие предложения в единое целое.

Синтаксическая форма зачина определяет структуру последующих предложений. Это могут быть номинативные предложения или близкие к ним по структурно-семантическим свойствам конструкции.

В художественных текстах номинативные ССЦ фиксируются реже, по сравнению с другими видами синтаксической связи.

Например:

(1) Иркен бушылык! (2) Ул саф каралжым күк йөзе! (3) Ул жәүһәр кисәкләре кебек ялтыраган хәтсез күп йолдызлар! (4) Үзенең аксыл тоньк яктысы белән таулар, урманнарны һәм бөтен сахраларны сулган вә хыялый төскә керткән ай [Камал, 2019, с. 41]! / ‘Просторная пустота. Это чистое темное небо! Эти бесчисленные, блестящие, как драгоценные камни, звезды! Луна, которая своим тусклым светом сделала горы, леса и пустыни бледными и мечтательными!’

Все предложения сложного синтаксического целого номинативные. В них предложения завершают главные члены, выраженные именами существительными. Также каждое предложение ССЦ по цели высказывания

является побудительным, по интонации они восклицательные. Все это создает параллелизм между предложениями.

Такие сложные синтаксические целые зафиксированы и в поэзии:

Төн. Тып-тын. Тып-тынлык.

Буш бакча. Кош. Оя [Мингалим, 2009, с. 84]. /

‘Ночь. Очень тихо. Тишина.

Пустой сад. Птица. Гнездо.’

Все предложения номинативные. Главные члены выражены существительными и наречием в превосходной степени *тып-тын* ‘очень тихо’. Только одно предложение распространенное (*Буш бакча* ‘Пустой сад’), все остальные нераспространенные. Простым перечислением предметов автор смог передать всю обозримость пространства.

Примеры номинативных ССЦ зафиксированы и в медиатекстах.

Төн. Караңгы. Бөтен дөнъяда тынлык [Ватаным Татарстан, 1993, 3 сент.]. / ‘Ночь. Темно. Везде тишина.’

Описательные ССЦ номинативного типа активно употребляются и в художественной литературе, и в публицистике, зафиксированы и в текстах деловых документов, а также в прозе и в поэзии.

Кыш. Декабрь. Иң кыска көн.

Жан үтәли жыл исә [Мингалим, 2009, с. 84]. /

‘Зима. Декабрь. Самый короткий день.

И ветер прямо в душу дует.’

Первые три предложения являются номинативными. Последнее – двусоставное предложение. В данном коротком ССЦ автор вполне полно передает душевное состояние лирического героя.

Туу һәм үлү... Сүнү һәм кабыну... Шушы бөек тетрәнүләр күчешенең мәңгелек давамьн тәшкил иткән яшәеш чылбыры әлмисактан бирле бар һәм булачак илаһи дастан [Галиев, 2011, с. 336]. / ‘Рождение и смерть... Угасание

и загорание... Цепь бытия, составляющая вечное продолжение этих великих потрясений, существует и будет существовать с незапамятных времен.'

Первые два предложения данного сложного синтаксического целого являются зачином. Они оба номинативные, осложненные однородными подлежащими, и связаны между собой параллельной связью. Последующее предложение – полное, двусоставное.

В рассмотренных выше примерах номинативными предложениями оформлялся зачин. Номинативными могут быть и медиальная часть, и концовка.

Обратимся к примеру из медиатекста.

Борчылу-кабалануга урын юк. Йөгерек юллар. Кунакчыл йөзләр. Тулы заллар. Мул табыннар. Эшен дә эшлибез, иртәдән алып тән урталарына кадәр, мазәк табып, сулышка капканчы көлешәбез дә [Мәйдан, 2011, № 9]. / 'Нет места для суеты и спешки. Быстрые дороги. Гостеприимные лица. Полные залы. Богато накрытые столы. И работаем с утра до полуночи, и смеемся шутя.'

В ССЦ зачин выражен полным двусоставным предложением. Далее идет четыре номинативных предложения, которые формируют медиальную часть. Концовкой является последнее предложение. Оно двусоставное, неполное предложение с однородными сказуемыми.

Пример из художественного текста:

Көзге авыл... Ишегалды – минем олы дөнъям. Монда һәммә жан иясе үз гамендә... Көр сыерның мөгрәп куюы. Тук казларның, утырган жәиреннән генә түшен биетеп, борын эченнән генә гаң-гаң килеп гапләшүе. Юеш танаулы сарыкларның мекер-мекер печән уртлавы. Гәнжәлә койрыклы әтәчнең күрше тавыкларын койма ярыгыннан күзәтеп, баскан урынында тәкәтьсез тыпырдавы... Мендәр өстеннән уянып чыккан песинең ак тәпиләре белән салкын жәиргә басарга теләмичә, баскыч биеклегеннән әлеге малларга – «кара

халыкка» түбәнсетеп карап торуы. Әнә шулай ишегалды яши, озын кышка әзерләнә [Галиев, 2011, с. 38]. / ‘Осенняя деревня... Двор – мой большой мир. Здесь у каждого живого существа свои хлопоты. Мычание упитанной коровы. Общение сытых гусей, которые, гогоча под нос, не вставая с места, играют грудкой. Нетерпеливое топтание на месте петуха с кудельным хвостом, наблюдающий за соседскими курами сквозь щель забора... Презрительный взгляд кота с высоты лестницы, направленный на этих животных – «черную массу», только что сошедшего с подушки, не желающего встать на холодную землю своими белыми лапками. Так живет двор, готовится к долгой зиме.’

Первые три предложения (*Көзге авыл... Ишегалды – минем олы дөнъям. Монда һәммә жән иясе үз гамендә...* ‘Осенняя деревня... Двор – мой большой мир. Здесь у каждого живого существа свои хлопоты.’) выступают зачином данного сложного синтаксического целого. Первое предложение номинативное, остальные два – двусоставные предложения с именными сказуемыми. Далее следуют параллельные номинативные предложения, формирующие медиальную часть ССЦ. Последнее предложение (*Әнә шулай ишегалды яши, озын кышка әзерләнә.* ‘Так живет двор, готовится к долгой зиме’.) – концовка ССЦ. Это полное, двусоставное предложение с однородными сказуемыми.

Примером ССЦ номинативного типа из официально-делового стиля является протокол.

(1) *БЕРКЕТМӘ*

(2) *«Маяк» акционерлык жәмгыяте*

(3) *Хезмәт коллективы жылышының 2 нче беркетмәсе*

(4) *1997 ел «___» _____.*

(5) *Казан шәһәре.*

(6) *Рәис – (фамилиясе, исеме, әтисенең исеме).*

(7) *Сәркатип* – (фамилиясе, исеме, әтисенең исеме).

(8) *Катнаштылар*: (фамилиясе, исеме, әтисенең исеме) [Вәлиев, 1999, с. 16]. /

‘ПРОТОКОЛ

Акционерное общество «Маяк»

Протокол № 2 собрания трудового коллектива

«__» 1997 г.

г. Казань

Председатель (фамилия, имя, отчество).

Секретарь (фамилия, имя, отчество).

Присутствовали: (фамилия, имя, отчество).

Приглашенные: (фамилии, имя, отчество).’

1–5 предложения – номинативные. Они формируют зачин ССЦ. В каждом официальном документе, как правило, указывается вид документа, время, место, функциональное предназначение номинативных предложений. Следовательно, большинство текстов официально-делового стиля начинается с ССЦ номинативного типа.

Описательные ССЦ чаще встречаются в текстах художественной литературы и медиатекстах. Их употребление в газетных текстах подробно исследовано В.З. Гарифуллиным (1997, 1998). «Описательная структура используется в газетных текстах, которые призваны либо наглядно отражать какое-либо событие или явление объективной действительности (например, в репортажах), либо образно рассказать о героях этих событий или явлений (в зарисовках и очерках)» [Гарифуллин, 1997, с. 104].

2.1.2.3. Анафорические ССЦ

В ССЦ часто некоторые члены смежных предложений имеют одинаковое лексическое выражение. Тем самым параллельная связь между

ними усиливается анафорой. Такой вид связи называется параллельной анафорической. Следует подчеркнуть, анафора не является обязательным условием параллельной связи.

«Анафора – разновидность способа повторения, обладающая наибольшей силой воздействия. Анафорой обычно называют повторение одного и того же слова или словосочетания в начале каждой фразы, строфы или абзаца. <...> Окончание нескольких предложений, абзацев или строф одним и тем же словом или словами называется эпифорой» [Курбатов, 1971, с. 142]. ССЦ как с анафорой, так и с эпифорой принято называть анафорическими.

Таким образом, по структуре анафорические ССЦ аналогичны параллельным. Однако в анафорических ССЦ ярким показателем параллельной связи выступают анафора и эпифора.

Обоснуем примером из научного стиля.

Төрле тел сүзләренең охшаш, бертөрле лексик-семантик сыйфатлары барыннан да бигрәк аларның туры, ягъни төп, беренчел, бәйсез, номинатив мәгънәләрендә чагылыш таба. Һәм киресенчә, үзара бәйләнештәге телләр сүзләренең аермалы лексик-семантик үзенчәлекләре, нигездә, күчерелмә, ягъни икенчел, фразеологик һәм синтаксик яктан бәйле, экспрессив-синонимик мәгънәләрендә чагылыш таба [Юсупов Р., 2014, с. 20]. / ‘Сходные, одинаковые лексико-семантические качества слов разных языков выражаются прежде всего в их прямом, то есть первичном, независимом, номинативном значении. И наоборот, отличительные лексико-семантические особенности слов взаимодействующих языков выражаются в основном в переносном, то есть вторичном, фразеологическом и синтаксически связанном, экспрессивно-синонимическом значениях.’

По структуре эти предложения параллельные, что подтверждается прямым порядком слов, одинаковым набором второстепенных членов и их

местоположением в предложениях. Обстоятельства места *мәгъналарендә* ‘в значениях’, сказуемые *чагылыш таба* ‘выражаются’ повторяются в обоих предложениях.

Анафорические ССЦ широко употребляются в прозаических и поэтических произведениях. Также активно используются в научных и медийных текстах.

*Шушы тугфани телнең сулыш-аһәңен, куәт-мөмкинлеген, бәһасез
жәзүһәрләрен саклаган һәм баеткан иң саллы тармак – ул синдер, мәгърур
Татар теле! Күпне кичергән моңлы тел! Газиз ана теле! Изге Тел* [Галиев,
2011, с. 258]! / ‘Самая большая ветвь, сохранившая и обогатившая бесценные
шедевры, мелодичность, мощь этого сильнейшего языка – это, наверное, ты,
величавый Татарский язык! Многострадальный язык! Родной язык! Святой
язык!’

Существительное *тел (теле)* ‘язык’ повторяется во всех предложениях ССЦ. Все предложения побудительные. Последние три предложения по структуре являются параллельными.

Кара төннең – күзе юк.

Намуссызның – йөзе юк [Фәйзуллин, 2005, с. 88]. /

‘У черной ночи – нет глаз.

У бессовестного – нет лица.’

Предложения по структуре аналогичны друг другу. Подлежащие и сказуемые в них стоят в конце предложений. Сказуемые в обоих предложениях выражены модальным словом *юк* ‘нет’, что создает эпифору.

Каурый белән

Тукайның шигырләренә

Мәңгелек язган икән!

Ул үзенең шигырләрен

Ни белән язган икән?

Былбыл каурые беләндер,

Былбыл каурые белән [Миңнуллин Р., 2012, с. 41]. /

‘Пером написанным

Стихам Тукая

Суждено жить вечно!

Свои стихи он

Чем же написал?

Пером соловья, наверное,

Пером соловья.’

Название стихотворения является зачином. Оно повторяется в концовке *былбыл каурые белән* ‘пером соловья’, образуя между двумя компонентами ССЦ параллельную анафорическую связь. Сказуемые *язган икән* ‘суждено’ и *язган икән* ‘написал’ в предложениях медиальной части также устанавливают параллельную анафорическую связь.

В предложениях выше рассмотренных ССЦ анафорические члены расположены в конце. В некоторых ССЦ повторяющиеся члены предложений, усиливающие параллелизм, могут стоять, как уже было отмечено, и в начале предложений. «Это как бы высшая степень параллельного строения: предложения, объединяемые в строфы, имеют не только одинаковую (или сходную) синтаксическую структуру, но и одинаково выраженное начало. Синтаксический параллелизм предложений подчеркивается и усиливается параллелизмом лексическим» [Солганик, 1991, с. 133].

Татарстаныбыз – дастаныбыз...

Татарстаныбыз – даныбыз!

Татарстаныбыз – әле яңа

Атып кына килгән таңыбыз [Миңнуллин Р., 2012, с. 15]! /

‘Наш Татарстан – наша история...

Наш Татарстан – наша гордость!

Наш Татарстан – наш рассвет,

Который только что наступил!’

В ССЦ имя собственное в форме 1 лица множественного числа *Татарстаныбыз* ‘наш Татарстан’ выступает подлежащим каждого предложения сложного синтаксического целого. Оно расположено в начале каждого из них. Сказуемые предложений также выражены именами существительными в форме 1 лица множественного числа. Таким образом, предложения ССЦ связаны синтаксической и лексической параллельной анафорической связью.

Анафорические сложные синтаксические целые имеют несколько структурных видов. Анафорическим может выступить любой член предложения. Г.Я. Солганик классифицирует анафорические ССЦ по тому, как какой член предложения повторяется в других его предложениях [Солганик, 1991, с. 133–138].

ССЦ с анафорическим подлежащим

Ялгызлык – жанга сикәт алу халәте.

Ялгызлык – үзеңне чыбыркылый алырдай гадел хөкем мөнбәре.

Ялгызлык – күңелнең ялангач асылы [Мәйдан, 2011, № 9]. /

‘Одиночество – состояние исцеления души. Одиночество – трибуна, где можешь себе позволить правосудие по отношению к себе. Одиночество – обнаженная душа.’

ССЦ состоит из трех самостоятельных предложений. Они однотипны, синтаксически и лексически параллельны. В них выделяем анафорическое подлежащее *ялгызлык* ‘одиночество’. Сказуемые всех предложений выражены именами существительными в форме 3 лица единственного числа.

Сложное синтаксическое целое с анафорическими подлежащими часто встречаются в поэзии.

ССЦ с анафорическим сказуемым

(1) Кошлар китә. (2) Саулык, байлык китә.

(3) Карлар китә. (4) Ярлар... (5) Бар да китә [Фәйзуллин, 2005, с. 88]. /

‘Птицы улетают. Здоровье, богатство уходит.

Уходит снег. Любимые... Все уходит.’

В ССЦ входит пять предложений. Первое, второе, третье и пятое предложения – полные, двусоставные, нераспространенные. Они однотипны, параллельны (синтаксический параллелизм), и в них имеется анафорическое сказуемое *китә* ‘уходит’. Четвертое предложение – неполное. В нем для сохранения рифмы опущено сказуемое *китә* ‘уходит’.

ССЦ с анафорическими сказуемыми характерны для художественных, научных и медиатекстов.

ССЦ с анафорическими второстепенными членами предложения

Йөрәкләр турында язасы бар әле.

Атылган йөрәкләр,

Ватылган йөрәкләр,

Сатылган йөрәкләр турында [Мәйдан, 2011, № 9]. /

‘Нужно писать еще о сердцах.

О расстрелянных сердцах,

Разбитых сердцах,

Проданных сердцах.’

В данном сложном синтаксическом целом два предложения. Они оба являются односоставными, глагольными предложениями. Первое – полное, второе – неполное. Это ССЦ с анафорическими дополнениями.

Аулак кояш,

Аулак Ай, йолдызлар.

Аулак Марс,

Аулак Венера...

*...Мин алардан аулаграк бугай,
 Фикри япа-ялгыз мин торам [Мәйдан, 2011, № 9]. /
 ‘Уединенное солнце,
 Уединенная Луна, звезды.
 Уединенный Марс,
 Уединенная Венера...
 Я кажется уединеннее, чем они,
 Я стою один-одинешенек с мыслями.’*

ССЦ составляют три предложения. Первые два номинативные и связаны между собой параллельной анафорической связью. Анафорическими выступают определения (*аулак* ‘уединенный’). Сложное синтаксическое целое с анафорическими определениями.

Последнее предложение выступает концовкой. Оно связано в предыдущим цепной связью «определение – сказуемое» посредством лексического повтора (*аулак – аулаграк* ‘уединенное – уединеннее’).

Төн.

Төндә –

Жил.

Төндә –

Караңгы.

Шәхминең йорты тора,

Жил кунак йортта [Такташ, 2010, с. 152]. /

‘Ночь.

Ночью –

Ветер.

Ночью –

Темно.

Стоит дом Шахми,

Ветер в доме гость.’

ССЦ состоит из четырех предложений. Первое предложение является номинативным. Оно формирует зачин ССЦ. Следующие два предложения связаны параллельной анафорической связью (*төндә* ‘ночью’). Последнее предложение является концовкой. Это сложное синтаксическое целое с анафорическими обстоятельствами.

Таким образом, любые второстепенные члены предложений в ССЦ могут выступить анафорическими.

ССЦ с анафорическим местоимением *бу* ‘это’

Авылларда бу вакытта киленнәр, каенаналар да орышышмый.

Бу вакытта берсен-берсе күрә алмый торган яшь этәчләр дә канга батышып сугышка керешми.

Бу вакытта мулла белән мөэзин дә фидия өчен, зиәрәт печәне өчен кычкырышмый, талашмый.

Әллә ник һәр нәрсә, һәр мөнәсәбәт тынып тора, дуслык, дошманлык тик хәл жыя.

Бу көннәрне авылда әбиләр атнасы диләр [Исхакый, 1991, с. 295]. / ‘В деревнях в это время не ссорятся невестки и свекрови. Молодые петухи, которые не терпят друг друга, в это время тоже не дерутся до крови. В это время мулла и муэдзин не ругаются, не скандалят из-за посмертного пожертвования, кладбищенского сена. Почему-то все, все отношения замолкают, а дружба и вражда пока набирают силы. Эти дни в деревнях называют бабушкиной неделей.’

ССЦ организовано из пяти предложений. В первом, втором, третьем и пятом предложениях употреблено местоимение *бу* ‘это’. В первых трех из них местоимение *бу* ‘это’ употреблено в тандеме с обстоятельством места, выраженным именем существительным в местно-временном падеже (*бу вакытта* ‘в это время’). Местоимение *бу* ‘это’ в пятом предложении, которое

входит в состав концовки ССЦ, употреблено с именем существительным в винительном падеже (*бу көннәрне* ‘эти дни’), которое является дополнением. Местоимение *бу* ‘это’ в данном ССЦ в параллельных предложениях выступает определением. Следует отметить то, что оно в зависимости от контента может быть и другим членом предложения.

Примером ССЦ с анафорическим местоимением *бу* ‘это’ в официально-деловом стиле является текст любого договора.

1. *Бу шартнамәнең шартларын бозган өчен гаепле як китерелгән зыянны каплай.*

2. *Бу шартнамәнең гамәлдә булу чорында үз йөкләмәләрен үтәүдән берьяклы баш тарткан як түбәндәге күләмдә штраф түли _____* [Вәлиев, 1999, с. 39]. /

‘1. За нарушение условий настоящего договора виновная сторона возмещает причиненные убытки.

2. За односторонний необоснованный отказ от исполнения своих обязательств в течение действия настоящего договора виновная сторона уплачивает штраф в размере _____’.

Сложное синтаксическое целое формируют два предложения, в которых местоимение *бу* ‘это’ повторяется в начале каждого и является определением.

ССЦ с обобщающим зачином и серией параллельных анафорических предложений

Бер уч жылы... Шагыйрь багырендә ул – кайнар йомгак, күкрәктән суырып алуға суына да кешеләр күңеленә күчәсе бер уч жылыга әверелә. Ул йомгак очы ата-бабалар рухына күзгә күренмәс җеп очлары белән тоташкан [Мәйдан, 2011, № 9]. / ‘Горсть тепла... В душе поэта он – горячий клубок, остывает сразу после того, как вырвешь из груди, и превращается в

горсть тепла, которое должно перейти в сердца людей. Конец этого клубка связан невидимыми нитями с душами наших предков.’

Предложение *Бер уч жылы...* ‘Горсть тепла’ выступает обобщающим зачином сложного синтаксического целого. Зачин выражен номинативным предложением и с последующим предложением связан цепной связью «подлежащее – дополнение» посредством лексического повтора (*жылы* ‘тепла’ и *жылыга* ‘в тепло’). Предложения, составляющие медиальную часть ССЦ (второе и третье предложения), являются параллельными.

При анафорической связи в тексте слово может целиком не повторяться, а в смысл одного слова (словосочетания, высказывания) может входить отсылка к другому слову (словосочетанию, высказыванию). Это относится к анафорическому употреблению местоимений.

Ахияр – безнең авыл кияве – гармунчы. Бер аңарда гына венский гармун бар. Бер ул гына «Алмагачлар»ын жиренә житкереп уйный белә. Бер ул гына урамның билгеле бер турысыннан әдәп саклап кына, ялгыз гөрләтеп уза белә [Ватаным Татарстан, 2019, 25 июнь]. / ‘Ахияр – зять нашего села – гармонист. Лишь у него есть венская гармонь. Лишь он умеет играть мелодию «Алмагачлар» как следует. Лишь он умеет в одиночку вежливо пройти по определенному месту улицы.’

Обобщающий зачин в данном ССЦ – *Ахияр – безнең авыл кияве – гармунчы* ‘Ахияр – зять нашего села – гармонист’. В последующем предложении *Бер аңарда гына венский гармун бар* ‘Лишь у него есть венская гармонь’ анафорическое выражение *бер аңарда гына* ‘лишь у него’ отсылает к антецеденту *Ахияр*. Далее в предложениях повторяется словосочетания *бер ул гына* ‘лишь он’. Таким образом, в ССЦ содержатся параллельные анафорические предложения.

Вопросительные анафорические и неанафорические ССЦ

Особую разновидность анафорических сложных синтаксических целых составляют вопросительные анафорические и неанафорические ССЦ, широко распространенные в художественной литературе и в публицистике. По синтаксическому строению они похожи на другие виды анафорических ССЦ. Специфика их заключается в вопросительной форме параллельных предложений, составляющих сложное синтаксическое целое. В стилистическом отношении описанные ССЦ используются для организации подчеркнуто эмоциональной, экспрессивной речи. «Сложные структуры, компоненты которых выражены вопросительным предложением, отличаются особым ритмико-мелодическим рисунком и имеют риторический характер» [Набиуллина Г., 2002, с. 12].

В качестве примера приведем ССЦ из научного текста.

Мәсәлән, төрле чорда ил эчендә хәкем сөргән фәлсәфи тенденцияларне белми торып, әдәби хәрәкәтләргә дәрәс бәя бирә алыр идекмә? Яки төрле дәверләрдә яшәгән юридик нормаларны аңлап җиткермичә, шул чорлардагы горәф-гадәтләрне төшенергә мөмкинмә? Йә булмаса, тарихны аңламаган килеш, борынгы язма истәлекләрнең, ерак узганнан калган фольклор әсәрләренең кыйммәтен бәяли алырбызмы?

Димәк, узган тарихны гыйльми объектив рәвештә тулы белер өчен, аны төрле яктан яктырткан чыганаclarның да саннарын ишәйтәргә, баетырга кирәк икән [Сафиуллина, 1993, с. 39–40]. / ‘Могли бы мы, например, дать правильную оценку литературным движениям, не зная философских тенденций, царивших внутри страны в разные периоды? Или, не понимая юридических норм, которые существовали в разные эпохи, можно понять традиции тех времен? Или, не разбираясь в истории, сможем оценить ценность древних письменных памятников, фольклорных произведений далекого прошлого?’

Значит, для того чтобы научно объективно знать историю прошлого, необходимо расширять и пополнять круг источников, освещающих ее с разных сторон.’

ССЦ состоит из четырех предложений. Первые три состоят из риторических вопросов. Они являются средством выражения утверждения. Эти предложения параллельны между собой и составляют медиальную часть сложного синтаксического целого.

Последнее предложение – концовка ССЦ. В нем подводится итог высказанному в медиальной части.

Следующий пример из художественного текста.

(1) *Ләкин ул кайда?* (2) *Кая андый яшәү?* (3) *Шул күктә, шул йолдызлар, айлар арасында мин уйлаган яшәү бармы?* (4) *Әллә ул да ерактангына шулай матур, изге күренәме?* (5) *Эченә керсәң, анда да шул каты кайгы, авыр күз яше, ямьсез, мәгънәсез яшәү булачакмы* [Ибраһимов Г. URL: <http://www.antat.ru/ru/iyli/Ibragimov%20-%20130/Dingezde.pdf>]? / ‘Но где она? Где такая жизнь? Есть ли жизнь, о которой я думал, на небе, среди тех звезд и луны? Или и оно только издалека кажется таким красивым и добрым? Если войдешь внутрь, то и там будет та же печаль, тяжелые слезы, некрасивая, бессмысленная жизнь?’

ССЦ состоит из пяти предложений. Все они вопросительные анафорические. Предложения *Ләкин ул кайда?* *Кая андый яшәү?* ‘Но где он? Где такая жизнь?’ выступают зачином ССЦ.

Местоимения *ул* ‘оно’ в четвертом предложении и *анда* ‘там’ – в пятом отсылают к антецеденту *күк* ‘небо’ во втором предложении.

2.1.3. Кольцевые ССЦ

По структуре выделяются еще и кольцевые ССЦ. В таких сложных синтаксических целых зачин и концовка полностью или частично лексически

совпадают. Может повториться и синтаксическая форма предложений, начинающих и завершающих ССЦ [Сафиуллина, 1993, с. 62]. В кольцевых ССЦ наблюдаем такую стилистическую фигуру, как анэпифора. «Начало и окончание строфы, абзаца, предложения одним и тем же словом или словосочетанием называется анэпифорой» [Курбатов, 1971, с. 146].

В кольцевых ССЦ предложения связываются между собой цепными или параллельными связями, нередко они имеют смешанный состав (цепные и параллельные связи). Часто такие ССЦ встречаются в художественных текстах.

(1) – *Димәк, каршыламадылар...*

(2) *Ул зәңгәр күзле, кара чәчле, әзмәвер гәүдәле ир-атны кат-кат күз алдына китерергә тырышты. (3) Ялгыш үтәп китмәде микән соң? (4) «Гел күк төстәге футболка кия, һичьюгы шуннан танырсың» дигәннәр иде. (5) Үтүчеләрнең күк футболкага йә чәч төсә, йә гәүдәләре туры килмәде. (6) «Юк, юк, очрамады андый зат... (7) Димәк, каршыламадылар» [Жамалетдинова, 2007, с. 74]. / ‘– Значит, не встретили...*

Она неоднократно пыталась представить себе мужчину с голубыми глазами, черными волосами, крупного телосложения. Может, случайно мимо прошел? Сказали: «Всегда носит голубую футболку, если что по ней узнаешь». У проходящих мимо в голубых футболках то цвет волос не подходил, то телосложение. «Нет, нет, не встречался такой человек... Значит, не встретили».

В данном ССЦ зачин и концовка совпадают целиком: *Димәк, каршыламадылар*. ‘Значит, не встретили’. В медиальной части раскрывается суть данного предложения. По зачину пока еще не понятно, кому и кого именно нужно было встретить, действительно ли он не пришел. Поэтому в конце предложения стоит многоточие. В концовке уже видим: герой

полностью уверен, что человек, который должен был встретить, точно не пришел.

Второе и третье, третье и четвертое предложения ССЦ связаны параллельной связью. Третье и пятое связаны цепной связью посредством лексического повтора. Вид связи – «сказуемое – определение». Компонент глагольного сказуемого третьего предложения (*үтеш китмаде микән* ‘мимо не прошел’) в форме субстантивированного причастия (*үтүчеләрнең* ‘проходящих’) выступает определением пятого предложения. Шестое предложение входит в состав концовки ССЦ. Оно с пятым связано анафорической связью. Местоимение *андый* ‘такой’ отсылает к антецеденту в предыдущем предложении.

Таким образом, рассматриваемое ССЦ имеет смешанный состав. Именно смешанное сложное синтаксическое целое характерно для художественных текстов.

В следующем примере зачин и концовка повторяются не целиком, а частично.

(1) *Без һаман барабыз...*

(2) *Кояш батышы ягында су төбеннән таулар калкып чыга.*

(3) *Алар ерак түгел кебек, үзләре һаман үсә, калыная, күккә таба менә баралар.*

(4) *Без ике-өч сәгать барабыз* [Ибраһимов Г. URL: <http://www.antat.ru/ru/iyli/Ibragimov%20-%20130/Dingezde.pdf>]... /

‘Мы все идем...

На западе над водой возвышаются горы.

Они словно неподалеку, сами становятся выше, толще, поднимаются к небу.

Мы идем два-три часа...’

ССЦ состоит из четырех предложений. Зачин и концовка имеют одинаковую структуру: состоят из подлежащего, сказуемого и обстоятельства времени (*һаман* ‘все’, *ике-өч сәгать* ‘два-три часа’). Подлежащее и сказуемое в них повторяются (*Без барабыз* ‘Мы идем’). Между вторым и третьим предложениями устанавливается параллельная связь.

Таким образом, анализ структурных типов сложных синтаксических целых, особенности их употребления в текстах различных функциональных стилей речи показал, что между предложениями сложного синтаксического целого выделяется два основных вида связи: цепная и параллельная.

Цепная связь может быть четырех видов: посредством лексического повтора, синонимическая или антонимическая цепная связь и местоименная. Цепная связь посредством лексического повтора употребляется реже, чем другие виды, но она устанавливает более прочную связь между предложениями.

В научном и официально-деловом стилях цепная связь посредством лексического повтора наблюдается чаще, чем другие виды связи.

Цепная синонимическая связь употребляется во всех функциональных стилях речи, но более характерна для литературно-художественного стиля и стиля массовой коммуникации.

Цепная местоименная связь стилистически нейтральная и употребляется во всех стилях.

При параллельной связи в языкознании выделяются повествовательные, описательные и анафорические ССЦ, которые свойственны и татарскому языку. Повествовательные более характерны для литературно-художественного стиля и стиля массовой коммуникации; описательные – для всех стилей.

Анафорические ССЦ также характерны для всех функциональных стилей речи.

Параллельная связь очень активно употребляется в поэтических текстах.

Помимо цепных и параллельных связей, в ходе исследования зафиксированы кольцевые ССЦ, в которых предложения связываются между собой цепными или параллельными связями, нередко они имеют смешанный состав. Кольцевые ССЦ активны в художественной литературе.

2.2. О роли средств связи в сложном синтаксическом целом

Компоненты ССЦ объединяются между собой межфразными связями и отношениями. Среди основных средств и способов связи учеными выделяются следующие: сочинительные союзы в присоединительной функции, бессоюзные присоединительные связи, то или иное сочетание двучленных и одночленных предложений, соотносительность употребления форм сказуемого по их временному значению [Поспелов, 1948, с. 198].

Л.А. Булаховский выделяет:

1) «смысловые скрепы», к которым относятся местоимения (анафорические (он), личные, указательные); 2) союзы и вводные слова (итак, таким образом, следовательно и др.).

В связной речи и тексте самостоятельные предложения должны находиться в смысловой связи между собой, иначе сплошной текст не был бы организован. В изучении внутритекстовых связей И.Р. Гальперин, Ф.С. Сафиуллина и другие ученые формулирует основную категорию грамматики текста, называемую континуум – непрерывная цепь событий, мыслей, которая обеспечивается неразрывной связанностью предложений,

переходом из одного в другое [Гальперин 1977, с. 49; Сафиуллина, 1993, с. 68].

Самостоятельные предложения в тексте объединяются по смыслу с описаниями одних общих предметов, явлений, действий. Между ними могут устанавливаться причинно-следственные, условные, временные, сравнительные, сопоставительные и многие другие смысловые отношения. Эти смысловые отношения отражаются и в строении предложения, то есть между самостоятельными предложениями одного текста существует структурная связь.

Имеются средства связи, устанавливающие эту структурную, грамматическую связь (*һәм* 'и', *ләкин* 'но', *әмма* 'но, однако', *чөнки* 'потому что', *гүя* 'словно', *шунлыктан* 'от этого, оттого, по этой причине', *шуңа күрә* 'поэтому', *шуңа карамастан* 'несмотря на это' и мн. др.).

Эти же средства связи применяются для обозначения грамматической связи в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях. И смысловые отношения, которые устанавливаются между компонентами сложного предложения и предложениями сложного синтаксического целого, очень схожи.

По мнению М.З. Закиева [1974, с. 264], если средства связи связывают лишь два предложения, то образуется сложное предложение. Если же они связывают одну группу предложений с другой, то образуется сложное синтаксическое целое. Синтаксические средства в сложном синтаксическом целом не только связывают предложение с группой предложений, одну группу предложений с другой, но и объединяют предложения, входящие в эти группы.

То есть в сложных синтаксических целых для связи предложений, компонентов между собой употребляются те же средства связи, посредством которых подчиняются придаточные предложения главному в

сложноподчиненных предложениях, устанавливается сочинительная связь в сложносочиненных предложениях.

Например, сравним употребление относительного слова *шунлыктан* ‘поэтому’ в нижеследующих примерах.

1. *Борынгы заманнарда кадак сирәк кулланылган (аз булган), шунлыктан «кадак белән беркетелгән > аеруча ныклы» мәгънә күчеше пәйда булган* [Әхмәтьянов, 2015, с. 55]. / ‘В древности гвоздь использовался редко (было мало), поэтому произошел перенос значения: закреплен гвоздем > особенно прочный.’

2. *Бөтен әсәрне, текстны, хәтта бер битне генә дә тоташ тәрҗемә итеп булмый. Шунлыктан тәрҗемәче, гадәттә, оригинал текстын билгеле бер кисәкләргә, берәмлекләргә бүлгәли дә аларның мәгънә һәм сәнгатьлелек эчтәлеген икенче телгә шулай ук аерым берәмлекләр ярдәмендә күчерә* [Юсупов Р., 2014, с. 14]. / ‘Невозможно перевести целиком все произведение, текст, даже одну страницу. Поэтому переводчик обычно разделяет исходный текст на определенные части, единицы и переводит их смысл и художественное содержание на другой язык с помощью отдельных единиц.’

Оба примера из научного текста. В первом предложении *шунлыктан* ‘поэтому’ подчиняет придаточное предложение причины главному и стоит в начале главного предложения. Во втором оно связывает два самостоятельных предложения сложного синтаксического целого и устанавливает между ними причинно-следственное отношение. Расположено слово в начале второго предложения.

Разберем примеры с союзом *һәм* ‘и’.

1. *Мәскәүдәге «Сколково» ударә мәктәбе күптән түгел генә Стратегик инициативалар агентлыгы белән бергәләп 100 яңа һәм 30 үлеп баручы профессиянең атласын әзерләде, һәм аны югары уку йортларында һәм мәктәпләрдә таратырга әҗыеналар* [Ватаным Татарстан, 2013, 11 дек.]. /

‘Московская школа управления «Сколково» недавно совместно с Агентством стратегических инициатив подготовила атлас из 100 новых и 30 вымирающих профессий, и планируется его распространение в вузах и школах.’

2. *Дәү балык, алтын балык кәтәм. Һәм хәйран тамаша* [Сабитов, 2011]! / ‘Жду большую рыбу, золотую рыбу. И удивительное зрелище!’

В этой паре первое – сложносочиненное предложение. Компоненты связаны между собой соединительным союзом *һәм* ‘и’, они равноправны. Второй пример – ССЦ, состоящее из двух предложений. Предложения между собой также связаны соединительным союзом *һәм* ‘и’.

Таким образом, функция одного и того же средства связи в сложных предложениях и в сложном синтаксическом целом одинакова.

В семантическом отношении части сложносочиненных предложений не зависят друг от друга, не подчиняются друг другу. Эти отношения формально выражаются специальными сочинительными средствами: сочинительными союзами, союзными словами, сочинительной интонацией. Из них сочинительные союзы (одиночные) и союзные слова употребляются для связи компонентов сложного синтаксического целого.

Что касается средств связи, подчиняющих придаточные предложения главному, то существует два вида: аналитические средства связи и синтетические. Синтетические и парные аналитические средства связи (*кем – шул* ‘кто – тот’, *кемгә – шуңа* ‘кому – тому’ и др.) не участвуют в организации грамматических связей между предложениями ССЦ. Употребляются лишь одиночные аналитические средства. В татарском языке насчитывается четыре вида аналитических средств связи. Это подчинительные союзы и союзные слова, вопросительно-местоименные слова, указательно-местоименные слова (относительные слова), интонация.

Также велика роль вводных слов, которые в сложных предложениях не могут выступить средством связи.

2.2.1. Функциональное описание союзов и союзных слов в ССЦ

Союзами называются служебные слова, выражающие связь между предложениями и членами предложений. Они осуществляют два вида синтаксической связи: сочинительную и подчинительную. Союзы выражают различные отношения: разделительные, противительные, присоединительные, причинные, временные, целевые, уступительные, изъяснительные, уточнительные и др.

Функциональное описание сочинительных союзов

Сочинительные союзы по функциональному признаку делятся на 1) соединительные, 2) противительные и 3) разделительные.

Соединительные союзы осуществляют связь между равноправными членами предложения, а также между компонентами сложносочиненных предложений. В такой же функции они употребляются в многокомпонентных сложных конструкциях с однородным подчинением. Они выражают отношения одновременности, последовательности и отношения присоединения.

Союз *һәм* ‘и, да в значении и’. Между предложениями и компонентами ССЦ, соединенными при помощи союза *һәм* ‘и, да в значении и’ устанавливаются сочинительная и подчинительная связи, выражаются причинно-следственные и присоединительные отношения. Союз может обозначать:

- 1) одновременность явлений и действий:

Менә син башта минем буема кара! – ди бу. Һәм, уклау йоткандай тураеп, бар буена сузылып басты [Дәрзаман, 2015, с. 67]. / ‘Вот ты сначала посмотри на мой рост! – говорит он. И выпрямился, будто аршин проглотил’.

Действия, которые описываются в двух предложениях, происходят одновременно. Данное отношение между предложениями оформлено союзом *һәм* ‘и’.

2) последовательность явлений, действий:

Коллегалары белән кат-кат шалтыратышып сөйләшкәннән соң, ул якларда булган юк бит әле, әйдә, күрөп кайтыйм, дигән бер уйга килеп, барырга ниятләде. Һәм икенче көнне улына SMS белән хәбәр генә җибәрде дә, җиңелчә сумкасын җилкәсенә асып, юлга чыгып китте [Ибраһимова, 2020. URL: <http://kazanutlary.ru/news/hikaya/kkkk-balasy-khikya>]. / ‘После неоднократных звонков и разговоров с коллегами она решила, что еще не бывала в этих краях, решила съездить, увидеть. А на следующий день она отправила сыну лишь SMS-сообщение и, повесив легкую сумочку через плечо, отправилась в путь’.

Последовательность описываемых действий в данном примере показана, во-первых, союзом, во-вторых, подтверждается и словосочетанием *икенче көнне* ‘на следующий день’.

3) причинно-следственное отношение:

Күңелгә әледән-әле шундый чагыштыру килә: язучы өчен дә сүзләр, билгеле бер дәрәҗәдә, стройдагы солдатлар кебек торырга тиешләр түгелме соң? Һәм, гомумән, җәмләдә сүзләрнең узара татулыгы, кардәшлеге ни дәрәҗәдә [Хәсни, 2009, с. 4]? / ‘Приходит в голову такое сравнение: разве для писателя, в какой-то степени, слова не должны стоять как солдаты в строю? Да вообще, насколько слова в предложении должны соответствовать друг другу?’

Данное сложное синтаксическое целое с анафорическими вопросительными предложениями. Из первого риторического вопроса вытекает второй, причинно-следственное отношение между ними оформлено посредством союза *һәм* ‘да, в значении и’.

4) присоединительное отношение:

Бездә уку-укыту системасы дәүләтнең төп законына буйсынган. Теләсә кем аны теләсә ничек үзгәртә алмый. Һәм үзгәртмәскә тиеш [Татаринформ, 2021, 21 сент.]. / ‘У нас образовательная система подчиняется основному закону государства. Любой желающий не вправе его менять. И не должен.’

Первое и второе предложения ССЦ связаны анафорической местоименной связью. Во втором предложении местоимение *аны* ‘его’ заменяет слово *системасы*, расположенное в первом. В третьем же предложении ССЦ автор выражает свое отношение к вышесказанному, употребив при этом для оформления присоединительного отношения союз *һәм* ‘и’.

Как подтверждают примеры ССЦ с *һәм* ‘и, да в значении и’ выявлены во всех функциональных стилях, кроме официально-делового. Только в текстах писем могут быть употреблены ССЦ, где предложения будут соединены посредством союза *һәм* ‘и, да в значении и’. То же самое можем сказать и об употреблении других союзов в качестве средства связи в текстах официально-делового стиля.

Союзы *тагын, тагы, янә* ‘снова, еще’ указывают на повторяющиеся действия или следование одного процесса за другим:

Ялагайлана да белмәс, масая да белмәс, яхшы белән яхшы, ә яман белән алыш-биреше юк, – андыйлардан үзен бөтенләй читтә тотә белә иде. Тагын шунысы кызык, никадәр генә ярлы булмасын, ул берәүдән дә бернәрсә сорарга яратмый иде [Еники, 2019, с. 232]. / ‘Не умел ни лгать, ни гордиться, к хорошим относился хорошо, а со злыми дела не имел, – умел от таких держаться в стороне. Еще интересно, что, каким бы бедным он ни был, не любил ни у кого ничего просить.’

В данном ССЦ союз *тагын* ‘еще’ устанавливает присоединительное отношение между предложениями. Союз в данном ССЦ является второстепенным при оформлении синтаксической связи. Указывает он на повторяющиеся действия. Предложения связаны между собой параллельной связью.

Ул янындагы үләннарне йолкып-йолкып ала, аларны тешли яки калтыранган бармаклары белән бик вак итеп өзгәли. Янә ул һаман бугазына күтәрелгән төенне кире йота алмаудан гажиз иде [Еники, 2019, с. 42]. / ‘Она срывала растущую рядом траву, кусала ее или дрожащими пальцами разрывала на мелкие кусочки. Она все не могла проглотить находившийся в горле ком.’

Союз *янә* ‘еще’ указывает на следование одного процесса за другим. Предложения связаны между собой анафорической связью (повторяющимся подлежащим *ул* ‘она’).

Противительные союзы противопоставляют одно действие или один предмет другому, выражают ограничительное противопоставление, устанавливают более тесную связь с противопоставленными членами предложения [Ганиев, 2015, с. 238].

Союзы *ә, әмма, ләкин* ‘а, но, однако’ противопоставляют одно действие другому. Основная функция союза *ә* ‘а’ в тексте – ассоциативно-повествовательная, тематическая. «Союз *но* обрывает прямую линию повествования и направляет его по другому руслу. В основе текстовой семантики лежит значение предельности» [Кручинина, 1984, с. 207].

Ир егәре – физик һәм акыл көчендә. Ә егәрлекне бездә ат көче белән үлчиләр [Галиев. URL: https://incubator.wikimedia.org/wiki/Wq/tt/Марсель_Галиев#Я]. / ‘Мощь мужчины – в физической и умственной силе. А мощность измеряется лошадиной силой.’

Предложения данного сложного синтаксического целого связаны цепной связью. Имя существительное *көчендә* ‘в силе’, которое в первом предложении является сказуемым, во втором предложении становится обстоятельством образа действия (*ат*) *көче белән* ‘лошадиной силой’. Союз *ә* ‘а’ устанавливает между предложениями сопоставительное отношение.

Раушан язмышын, балкем, татар теле, филология юналеше буенча байлаган да булыр иде. Әмма мәктәптә география, биология фәннәрен укыткан әнисе Галия кебек укытучы булырга теләми шул [Ватаным Татарстан, 2013, 21 июнь]. / ‘Возможно, Раушан связал бы свою судьбу с татарским языком, филологией. Однако он не хочет стать учителем, как и его мама Галия, которая преподает в школе географию и биологию.’

Союз *әмма* ‘однако’ в данном сложном синтаксическом целом выражает противительное отношение.

Германиягә күчеп китүемә күпләр гаҗәпләнде. Ә мин инглиз телен белүем сәбәпле немец җирлегендә үз-үземне тиз табармын дип уйладым. Ләкин биредә беркемне дә шатланып көтөп тормыйлар [Мәдәни жомга, 2022, 8 гыйнв.]. / ‘Многие были удивлены, что я переехала в Германию. А так как я знала английский язык, то думала, что быстро найду себя на немецкой земле. Но здесь никого не ждут с распростертыми объятиями’.

ССЦ состоит из трех предложений. Первое предложение со вторым связано параллельной связью. Союз *ә* ‘а’ устанавливает противительное отношение между ними. Второе и третье предложения связаны цепной местоименной связью (*җирлегендә* ‘на земле’, *биредә* ‘здесь’). Союз *ләкин* ‘но’ также противопоставляет их.

Союзы *тик, бары, фәкать* ‘лишь, только’ выражают ограничительное противопоставление.

Бичара чәчәкләр беркемнең күңелен җәлеп итмичә чайкалып торалар да, бердәнбер көнне коелалар. Тик аннары гына ботакларында калын,

кытыршы яфраклар, урман хорына кушылып, беренче жсырын ишеттерә [Рэфыйков, 2006, с. 119]. / ‘Бедные цветы качаются, не привлекая внимания, и в один прекрасный день опадают. Только потом толстые, шершавые листья на ветвях, присоединяясь к хору леса, дают послушать первую их песню.’

Предложения ССЦ связаны параллельной связью. Союз *тик* ‘только’ устанавливает противительное отношение.

Нинди тынычлык, өйдә чебен очкан тавыш та ишетелми. Бары будильник тавышы гына Гамилгә күзен ачарга ярдәм итте [Галимова. URL: <https://selnivi.ru/articles/literaturnaya-stranichka/2021-12-27/tuganlyk-epl-re-zelg-nd-2636690>]. / ‘Такая тишина, не слышно даже как муха летает по дому. Только звук будильника помог Гамилю открыть глаза.’

Предложения связаны анафорическим подлежащим *тавыш* ‘звук’, *тавышы* ‘звук’. Союз *бары* ‘только’ устанавливает противительное отношение.

Иногда эти два союза употребляются вместе.

Уз эшемне яратам. Бары тик акчасы аз булу гына бераз кимсетә [Татар-информ, 2020, 9 окт.]. / ‘Свою работу люблю. Только немного смущает маленькая зарплата’.

Предложения связаны параллельной связью. Союз *бары тик* ‘только’ устанавливает противительное отношение между ними.

Бу хезмәтләрдә М. Закиев иде һәм бул- фигыльләре белән ясалган формаларны билгелелек-билгесезлеккә ишарә итү ягыннан аерган. Фәкать -а торган иде формасы эшнең үтәлү характерын белдерә торган күренешләр рәтендә китерелгән [Татар грамматикасы, 2016, с. 107]. / ‘В этих трудах М. Закиев различал формы, образованные глаголами *иде* и *бул-*, с точки зрения обозначения определенности-неопределенности. Лишь форма на *-а торган иде* включена в ряд явлений, выражающих характер выполнения работы.’

Предложения связаны цепной связью «дополнение – подлежащее» посредством лексического повтора (*формаларны* ‘формы’, *формасы* ‘форма’). Союз *факатъ* ‘только’ выражает ограничительное противопоставление.

Союзы *балки, мәгар, халбуки* ‘может, но, однако’ выражают противопоставление.

Син бүген үзгәргәнсең Алсу, мин сине бүген беренче тапкыр күрәм кебек. Балки чыннан да мин сине белмимдер дә [Галимова. URL: <https://selnivi.ru/articles/literaturnaya-stranichka/2021-12-27/tuganlyk-ep1-re-zelg-nd-2636690>] / ‘Ты сегодня изменилась, Алсу, как будто я вижу тебя сегодня в первый раз. Может, действительно я и не знаю тебя?’

Предложения связаны анафорическими подлежащим (*мин* ‘я’) и дополнением (*сине* ‘тебя’). Союз *балки* ‘может’ выражает противительное отношение.

Намажанның күңеле сизенде, йөрәген курку алды, бата-чума шуңа йөгәрде. Мәгар ул берәз гына кичеккән иде инде: бик зур бер карт ала эт үлекнең эчен актарып, эчәген, бавырын ашап ята [Ибраһимов Г., 2018, с. 129] / ‘Намажан душой что-то почувствовал, страх охватил сердце, проваливаясь, побежал туда. Но он немного опоздал: очень большая, старая рябая собака, растерзав мертвое тело, ела кишки, печень!’

Между предложениями цепная связь. Местоимение *ул* ‘он’ во втором предложении употреблено вместо слова *Намажанның* ‘Намажан’. Союз *мәгар* ‘но’ устанавливает противительное отношение между предложениями. Этот союз для связи предложений ССЦ употребляется в текстах крайне редко.

Монда шуны да искәртү мөһим: соңгы айларда мәгълүмат чараларында һәм төрле аудиторияләрдә татар телен өйрәтү хакында барган кызу фикер алышуларда бу телне уку йортларының кайсы төрендә

Һәм нинди милләт укучыларына укуту турында тагаенләп әйтелгән сүз булмады. Халбуки, бу проблеманы шулай гомумән генә карау мәсьәләне барлык укучыларның һәм аларның ата-аналарының мәнфәгатьләрен, шулай ук республика халыкларының рухи-мәдәни үсеше перспективаларын исәпкә алып, объектив хәл итәргә мөмкинлек бирми [Юсупов Р., 2020, с. 3]. / ‘Здесь важно напомнить, что в жарких дискуссиях о преподавании татарского языка, которые шли в последние месяцы в средствах массовой информации и в разных аудиториях, не было четко сказано о том, о каких учебных заведениях и об обучении этому языку учащихся какой национальности шла речь. Однако рассмотрение этой проблемы в таком общем плане не дает возможности объективного решения проблемы, учитывая интересы всех обучающихся и их родителей, также перспективы духовно-культурного развития народов, проживающих в республике.’

Союз *халбуки* ‘однако’ зафиксирован нами в тексте научного стиля. Он также употребляется реже, чем все остальные противительные союзы. В данном сложном синтаксическом целом союз *халбуки* ‘однако’ выражает противительное отношение.

Разделительные союзы указывают на взаимоисключение, несовместимость или предполагают равнозначность повторяющихся действий [Татарская грамматика, 1997, с. 334].

М.З. Закиев утверждал, что разделительные союзы не могут стать средством связи в сложных синтаксических целых [Зәкиев, 1974, с. 262]. Наше исследование подтвердило обратное, что можно объяснить последовательной динамикой развития грамматического строя татарского языка.

Союзы *яки, я, яисә* ‘или, либо’ перечисляют взаимоисключающие явления.

Мәсалән, төрле чорда ил эчендә хәкем сөргән фәлсәфи тенденцияларне белми торып, әдәби хәрәкәтларгә дәрәс бәя бирә алыр идекмә? Яки төрле дәверлардә яшәгән юридик нормаларны аңлап җиткермичә, шул чорлардагы горәф-гадәтларне төшенергә мөмкинмә? Я булмаса, тарихны аңламаган килеш, борынгы язма истәлекларнең, ерак узганнан калган фольклор әсәрларенең кыйммәтен бәяли алырбызмы? [Сафиуллина, 1993, с. 39–40] / ‘Могли бы мы, например, дать правильную оценку литературным движениям, не зная философских тенденций, царивших внутри страны в разные периоды? Или, не понимая юридических норм, которые существовали в разные эпохи, можно понять традиции тех времен? Или, не разбираясь в истории, сможем оценить ценность древних письменных памятников, фольклорных произведений далекого прошлого?’

Это вопросительное неанафорическое ССЦ. Союз *яки* ‘или’ во втором предложении выражает условное отношение. Союз *я* ‘или’ в третьем предложении выражает вопрос как сопоставление двух версий.

Әйттик, башка милләт язучылары кебек, татарның да Җәлил, Кәрим, Кутуй, Алиштай олы сүз осталары тылда калдырылырга лаеклы түгелләр идемә? Яисә аларның батырлыгы татар халкының шөһрәтенә яңа дан төсмерләре өстәсә дә, аның мөстәкыйльлеккә, бәйсезлеккә ирешүенә булыштымы [Казан утлары, 2011, № 5]? / ‘Скажем, такие татарские писатели, как Джалиль, Карим, Кутуй, Алиш, как и писатели других народов, не заслуживали того, чтобы их оставили в тылу? Или их подвиг хоть и придал новые оттенки славе татарского народа, помог ему обрести самостоятельность, независимость?’

Это вопросительное анафорическое сложное синтаксическое целое. Союз *яисә* ‘или’ сопоставляет предложения ССЦ.

Как показывает анализ, каждый из основных сочинительных союзов (*һәм* ‘и’, *ләкин* ‘но’, *ә* ‘а’) обладает в тексте своей композиционно-синтаксической функцией.

Функциональное описание подчинительных союзов

Подчинительные союзы соединяют слова, предложения и словосочетания. Они подразделяются на следующие группы: временные, изъяснительные, причинные, сравнительные, условные, уступительные союзы, союзы следствия, цели [Ганиев, 2015, с. 239–240].

Подчинительных союзов в татарском языке не очень много. И они все изучаются в морфологии. Союзные слова в морфологии не рассматриваются, так как они определяются только по их функции в предложении.

Союз *ки* – это средство связи, которое по своей функции напоминает частицу – усиливает смысловой оттенок предложения.

По мнению М.З. Закиева, в сложных синтаксических целых для связи предложений могут употребляться лишь подчинительные союзы *бары* ‘лишь’, *чөнки* ‘потому что’, *гүя* ‘будто, словно’, а такие союзы, как *ки* ‘что’, *гарчә* ‘хотя, хоть’, *әгәр* ‘если’, в данной функции не применяются [Зәкиев, 1974, с. 262].

Как показывает наше исследование, в современной литературе, публицистике вышеперечисленные союзы часто выступают средством связи между предложениями и компонентами ССЦ.

Союз *ки* вместе с вводным словом *билгеле* ‘известно’ выражает изъяснительное отношение.

Беренче чиратта, алар сукуырая. Андыйларны безнең табиблар исән калдыра. Билгеле ки, моның өчен бик күп чаралар, акча таләп ителә [Кызыл таң, 2021, 18 июнь]. / ‘В первую очередь они слепнут. Таких наши врачи спасают. Известно, для этого нужно многое сделать, требуется много денег.’

Союз *әгәр* ‘если’ и *гәрчә* ‘хоть, хотя’ широко употребляются в литературном языке XIII–XIV вв. и последующих периодов. Эти союзы не могут являться основными средствами связи. Они считаются аналитическими средствами связи, но, когда они употребляются с глаголами, играют только факультативную роль.

Союз *әгәр* ‘если’ выражает условное отношение:

Шыбыр тиргә баткан Гайса, күрелгәннәрнең гәжәеплегеннән, гел чынбарлык булып тоелуыннан әле һаман да исенә килә алмыйча ята бирде. Әгәр дә уянмыйча калган булса, төшендә бәрелеп үлер дә башкача уянмас иде микәнни [Дәрзаман, 2015, с. 99]? / ‘Вспотевший Гайса все еще лежал в недоумении от увиденного, которое ему казалось реальностью. Неужели, если бы он не проснулся, он бы во сне разбился насмерть и больше бы не проснулся?’

Союз *әгәр* ‘если’ зафиксирован и в официально-деловом стиле.

Россия Федерациясенең «Кулланучыларның хокукларын саклау турындагы» законның 17 нче статьясы нигезендә мин төзек булмаган (товар исеме) кичекмәстән яңа сыйфатлы товарга, әгәр хәзерге көндә сатуда андый товар булмаса, бер ай вакыт эчендә (товар исеме) алмаштырып бирүгезне таләп итәм.

Әгәр сез минем законлы таләбемне үтәүдән баш тартсагыз, мин товарны мәҗбүри тәртиптә алмаштыру, миңа яңа товар китерүне соңарткан һәр көн өчен товарның 1% күләмендә матди зарарны, шулай ук сезнең законсыз эш итүгез нәтижәсендә миңа килгән мораль зыянны сездән түләтү өчен судка мөрәҗәгать итәргә мәҗбүр булачакмын [Вәлиев, 1999, с. 168–169]. / ‘В соответствии с п. 1 ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» я требую замены неисправного (наименование товара) на новый качественный немедленно или, если аналогичных товаров нет в продаже, – в течение месяца.

Если вы мне откажете в моем законном требовании, я оставляю за собой право обратиться в суд с исковым заявлением о принудительной замене товара, о взыскании неустойки за просрочку доставки мне нового аналогичного товара в размере 1% за каждый день просрочки, а также о взыскании морального вреда, причиненного мне вашими незаконными действиями.’

Между предложениями ССЦ цепная связь «сказуемое – дополнение» (*таләп итәм* ‘требую’ – *таләбемне* ‘мое требование’). Союз *әгәр* ‘если’ устанавливает условное отношение между предложениями ССЦ.

Союз *гарчә* ‘хотя, хоть’ употребляется для связи уступительных оборотов:

Шушы җирлектә үскән Ирек тә искәрмә түгел. Гарчә тамырлары белән бу авылдан булмаса да [Ватаным Татарстан, 2019, 25 июнь]. / ‘Не является исключением и Ирек, выросший в этой местности. Хотя он и не был коренным жителем этого села.’

Предложения сложного синтаксического целого связаны между собой цепной связью: *шушы җирлектә* ‘в этой местности’ и *бу авылдан* ‘из этого села’ являются контекстуальными синонимами. *Гарчә* ‘хоть’ выражает уступительное отношение.

Подчинительный союз чөнки ‘так как, ибо, потому что’ выражает причинно-следственное отношение:

Бишенче чакырылыш Дәүсетның 48 нче утырышы тиз генә үтәп китәр шикелле иде. Чөнки көн тәртибендәге мәсьәләләр арасында үзебезнең законнарны федераль законнар белән тәңгәлләштерүгә шактый урын бирелгән иде [Ватаным Татарстан, 2019, 25 июнь]. / ‘Казалось, что 48 заседание Госсовета пятого созыва пройдет очень быстро. Потому что среди вопросов, вынесенных на повестку дня, были такие, которые касались

приведения в соответствие наших законов с федеральным законодательством.’

Предложения ССЦ связаны параллельной связью. Союз *чөнки* ‘потому что’ разъясняет причину того, почему заседание не должно было затянуться.

Союз *гүя* ‘будто, словно’ указывает на сопоставление, сравнение.

Шулай да вакыты белән аның әрнеп эче поша башлый. Гүя Гомәр кайтмаган да һәм ул аны күрмәгән дә шикелле булып тоела [Еники, 2019, с. 43]. / ‘Однако временами она начинает тревожиться. Будто Гумар не приехал и, кажется, она его словно и не видела.’

Между предложениями ССЦ установлена параллельная связь (*әрнеп эче поша башлый* ‘начинает тревожиться’, *булып тоела* ‘кажется’).

Мин чит илдә матур гөлләр, хуш исле чәчәкләр исним. Ләкин күпме генә иснәним, барыбер һава җитми, сулыш кысыла. Гүя үз илемнең энҗе чәчәкләре түгел, аның әреме дә бүген миңа шифа булып иде [Кутуй, 1965, с. 127]. / ‘Я на чужой земле нюхаю красивые цветы, ароматные цветы. Но сколько ни нюхаю, все равно не хватает воздуха, дыхание сжимается. Как будто не только ландыши родины, но и запах ее полыни был бы для меня сегодня исцелением.’

ССЦ состоит из трех предложений. Противительный союз *ләкин* ‘но’ во втором предложении выражает противительное отношение. Эти предложения связаны между собой параллельной связью. Третье предложение связано с первым анафорической связью. Союз *гүя* ‘как будто’ выражает сопоставление.

Союз *ягъни* ‘то есть’ выражает уточнительное, пояснительное отношения:

Аны һәр төрдән бер объектка бирәләр: берьюлы бер йортка, бер фатирга яки бүлмәгә, бер гаражга һәм алты сутый җиргә. Ягъни, эгәр пенсионерның ике фатиры бар икән, ул аларның берсе буенча милеккә салым

түли [Ватаным Татарстан, 2021, 22 нояб.]. / ‘Они даются одному объекту из каждого типа: одновременно одному дому, одной квартире или комнате, одному гаражу и шести соткам земли. То есть, если у пенсионера две квартиры, он будет платить налог на недвижимость с одной из них’.

Составные союзы *ник дисәң, ниҗә дисәң, ник дигәндә* ‘так как, ибо также’ выражают причинно-следственные отношения:

Хәер, йоклый алмаганнарына үзләре «гаепле». Ник дигәндә, Татарстанда мондый зур ярыш уздырырга карар кылган федерация вәкилләренең нәкъ менә Теләчене сайлавы гәҗәп тә түгел [Ватаным Татарстан, 2014, 17 дек.]. / ‘Впрочем, сами «виноваты» в том, что не могут спать. Так как неудивительно, что представители Федерации, решившие провести в Татарстане такое крупное соревнование, выбрали именно Тюлячинский район’.

Союз *хәтта* ‘даже’ сохраняет у себя усилительное значение, в то же время выступает как уточнительный союз:

Борынгы калфак чәчне, баишы каплап торган. Хәтта чәч толымнарына да чәчкап кигәннәр. Ул капчык шикелле итеп ясалган, матур итеп бизәлгән, ә аның очында чуллылар булган. Хәтта толымнарын да качырганнар, аны башка кеше күрергә тиеш булмаган [Реальное время, 2017, 4 февр.]. / ‘Старинный калфак покрывал волосы, голову. Даже на волосы надевали чәчкап. Он был сшит в виде мешочка, красиво украшен, а на конце были наконечники. Прятали даже косы, их не должен был кто-либо видеть.’

Между предложениями параллельная связь. Союз *хәтта* ‘даже’ выражает усилительное отношение.

Функциональное описание союзных слов

Союзные слова выражают конкретизирующее (*юкса* ‘иначе’, *ул да түгел* ‘тут же, в то же время’, *әйтәм (лә)* ‘почему я думаю’), пояснительное (*димәк* ‘следовательно’, *аеруча, бигрәк тә, аннан да бигрәк* ‘особенно’,

башкача (әйткәндә) ‘иначе (говоря)’, уступительное (*хәер* ‘хотя’), причинное (*әйтәм (әйтәм лә)* ‘говорю’) отношения; *башкача әйткәндә, икенче төрле әйткәндә* ‘другими словами, иначе говоря’ поясняют предыдущую мысль тем, что повторяют ее другими словами; *бигрәк тә, аннан да бигрәк, аеруча* уточняют мысль, выраженную в главном предложении; *һәрхәлдә* поясняет предыдущую мысль тем, что подчеркивает ее какую-нибудь сторону; *димәк* поясняет предыдущую мысль тем, что обобщает ее или производит заключение и т. д.

Союзные слова *әйтерсең, әйтерсең лә* ‘будто, как будто’ выражают процесс или явление, которому уподобляется процесс или явление, обозначенное каким-нибудь членом предыдущего предложения ССЦ.

Капканы ачып, ике якка куллары белән тотынган. Әйтерсең, кемнедер чыгарасы килми [Ибраһимова, 2020. URL: <http://kazanutlary.ru/news/hikaya/kkkk-balasy-khikya>]. / ‘Открыв ворота, держится руками за обе стороны. Будто кого-то не хочет выпускать.’

Во втором предложении союзное слово *әйтерсең* ‘будто’ дополняет, поясняет значение глагола *тотынган* ‘держится’.

Карабүрекнең берсе, кояш нурында кызыл түшен җемелдәтеп, ботактан җиргә мәтәлде. Әйтерсең лә каяндыр хәтәр җил исте дә, күз явын алырдай кызарып пешкән анис алмасын өзеп җиргә бәрде [Рэфыйков, 2006, с. 116]. / ‘Один из снегирей с ветки упал на землю, показав в лучах солнца красную грудь. Будто бы откуда-то подул сильный ветер и, сорвав спелое красное яблоко анис, бросил на землю.’

Предложения ССЦ связаны параллельной анафорической связью. Союзное слово *әйтерсең лә* ‘будто бы’ сравнивает процесс первого предложения (*мәтәлде* ‘упал’) с глаголом второго предложения (*җиргә бәрде* ‘выкинул’).

ССЦ с этими союзными словами зафиксированы и в поэтических текстах.

Никтер моңсу миңа бүген,

Кәефем дә юк сыман.

Әйтерсең лә күңел кошым

Оядан чыгып очкан [Тиникова. URL: <https://stihi.ru/2016/08/30/2698>]. /

‘Мне сегодня грустно как-то,

И настроения тоже нет.

Будто птичка моей души

Вылетела из гнезда.’

В данном ССЦ союзное слово *әйтерсең лә* ‘будто’ выражает сравнительное отношение.

Союзное слово *ул да түгел* ‘и вдруг’ выражает временное отношение, внезапность:

Алар карга чумалар, ак жәймә өстендә кара бүрекләре генә күренә. Ул да түгел, пырхылдап, салкын мамыкны очырып күтәреләләр, кар диңгезендә йөзгәндәй итенеп, жете түшләре белән буразна сызалар [Рэфыйков, 2006, с. 116]. / ‘Они ныряют в снег, и над белым покрывалом виднеется лишь их черный хохолок. И вдруг они поднимаются вверх, раскидывая холодный пух, будто плывут по снежному морю, оставляя за собой след на снегу.’

Это описательное сложное синтаксическое целое. Сказуемые выражены глаголами в настоящем времени. Союзное слово *ул да түгел* ‘и вдруг’ выражает внезапность действий, описанных во втором предложении.

Таким образом, союзы, союзные слова играют большую роль в ССЦ. Выражаемые ими отношения как бы накладываются на основные структурные отношения между предложениями ССЦ. Союзы, союзные слова – это важное, но дополнительное средство связи между предложениями и компонентами ССЦ (см. подробнее: в главе 3).

2.2.2. О функции относительных слов в ССЦ

«В грамматике татарского языка относительные слова занимают огромное место. Об этом говорит большая нагрузка указательных местоимений внутри тюркского предложения, в сравнении с индоевропейским. Для тюркских языков характерно то, что относительные слова в главной части сложных конструкций часто не требуют употребления в придаточной части союза или союзного слова, как это обычно бывает в сложных предложениях индоевропейских языков. В тюркских языках относительное слово главной части целиком принимает на себя роль связующего элемента между главной и придаточной части» [Татарская грамматика, 1997, с. 341].

Относительные слова в татарском языке формируют указательные, определительные местоимения, некоторые числительные.

Они являются средством связи как в сложных предложениях, так и в сложных синтаксических целых. Относительные слова выражают объектные, причинно-следственные, временные, уступительные отношения, меру и степень действия и признака и др.

(1) *Безнең барып туктавыбыз булды, күрше эте, бугазына пычак кадалгыры нәрсә, өрә дә өрә бит.* (2) *Нәкъ шул вакыт Нәфисәләрнең чолан ишеге ачылган тавыш ишетелде* [Шамов, 2001, с. 180]. / ‘Мы только остановились, соседская собака, да будь она проклята, все лает и лает. Именно в это время слышалось, как открылась дверь из сеней в доме Нафисы.’

В сложном синтаксическом целом относительное слово *шул вакыт* ‘в это время’ выражает временное отношение. Частица *нәкъ* ‘именно’ усиливает его значение.

(1) *Спорт ярышлары, Сабантуй уздырдык, түгәрәк өстәлләрдә катнашып, төрки дөнья проблемалары турында сөйләштек, бу*

проблемаларны чишүдә яшьләрнең ролен билгеләдек. (2) Үзөбөз турында сөйләдек, милли костюмнарыбызны киеп, үзөбөзчә жырлап, биеп тә күрсәттек. (3) Хәзер безнең турыда Әзербайҗанда, Төркиядә беләләр. (4) Шулай да нәрсәдер житми калды кебек [Туганайлар, 2014, 30 сент.]. / ‘Мы проводили спортивные соревнования, Сабантуй, участвовали в круглых столах, обсуждали проблемы тюркского мира, определяли роль молодежи в решении этих проблем. Мы рассказывали о себе, пели и танцевали в своих национальных костюмах. Сейчас о нас знают в Азербайджане и Турции. Все же казалось, что чего-то не хватило.’

Первое и второе предложения ССЦ связаны между собой параллельной связью, которая выражается формой прошедшего времени изъявительного наклонения.

В третьем раскрывается результат действий, описанных в первом и втором предложениях.

Относительное слово *шулай да* ‘все же’ в четвертом предложении выражает уступительное отношение. Оно противопоставляет концовку ССЦ медиальной части.

(1) Мәрһәм абыстай исә, бичара, Гомәрнең һәр сүзен, һәр карашын, һәр хәрәкәтен күз алдыннан һич югалтмаска тырыша, улының җанлы кыяфәте тирәсендә әйләнеп йөргән шикелле, һаман аны тулырак беләсе, ачыграк итеп күрәсе килә. (2) Шуңа күрә дә вакыт-вакыт Мәрһәм абыстайга улы турында нәрсәндер белми калгандай, ниндидер сүзен хәтерләп бетермәгәндәй тоела [Еники, 2019, с. 43]. / ‘Марһәм абыстай же, бедная, старается не упускать из виду каждое слово, каждый взгляд, каждое движение Гумера, словно кружась вокруг живого облика сына, все время ей хочется узнать его лучше, увидеть поближе. Поэтому время от времени Марһәм кажется, что она чего-то не знает о сыне и что-то не запомнила.’

Относительное слово *шуңа күрә* ‘поэтому’ между предложениями ССЦ устанавливает причинное отношение.

(1) *Дөнья базарында урын өчен көрәшергә коралсызландырылган идек, – диде ул.* (2) *Шуның өстенә шәһәрләшә бару нәтижәсендә соңгы елларда гына да авыл халкы 40 мең кешегә кимегән* [Ватаным Татарстан, 2013, 28 дек.]. / ‘Мы были разоружены, чтобы бороться за место на мировом рынке, – сказал он. К тому же в результате урбанизации только за последние годы население села сократилось на 40 тысяч человек.’

Между предложениями параллельная связь. Относительное слова *шуның өстенә* ‘к тому же’ выражает уточнительное отношение, дополняя предыдущую мысль.

(1) *Көнъяк-көнчыгыштан искән җилнең тизлеге секундына 17–22 метр булачак.* (2) *Шул ук вакытта Казанда җилнең тизлеге секундына 15–20 метрны тәшкил итәчәк.*

(3) *Моннан тыш, республикада урыны белән боз явуы көтелә, дип хәбәр итә «Татар-информ»* [Татар-информ, 2019, 28 июнь]. / ‘Скорость юго-восточного ветра составит 17–22 метра в секунду. При этом скорость ветра в Казани составит 15–20 метров в секунду. Помимо этого, в республике местами ожидается град, сообщает ИА «Татар-информ».’

В ССЦ первые два предложения связаны параллельной связью. Относительное слово *шул ук вакытта* ‘при этом, в это время’ выражает временное отношение, обозначает действия, происходящие одновременно.

Относительное слово *моннан тыш* ‘помимо этого’ в третьем предложении выражает уточнительное отношение. Местоимение *моннан* ‘это’ при нем целиком заменяет первые два предложения ССЦ.

(1) *Татарстан күпчелек тармаклар буенча эйдәп баручы, башкаларга үрнәк күрсәтүче төбәк булып исәпләнә.* (2) *Шуның өчен Бөтенроссия, хәтта Европа күләмендәге күп кенә чаралар безнең республикада үткәрелә* [Мәдәни

жомга, 2021, 30 дек.]. / ‘Татарстан считается лидером по большинству отраслей, примером для других. Поэтому многие мероприятия всероссийского и даже европейского масштаба проводятся в нашей республике.’

Между предложениями установлена цепная связь. Относительное слово *шуның өчен* ‘поэтому’ устанавливает причинно-следственное отношение между ними.

ССЦ, в котором средством связи между предложениями, компонентами выступают относительные слова, выявлены и в поэзии.

(1) *Бөекләр китеп беткәннәр...*

(2) *Алмашка килүчеләр*

Бик күренми әле, гәрчә

Житәрлек теләүчеләр.

(3) *Шуңа күрә ил алдында*

Пакъ калсын дип йөзезез,

Бөекләрнең вазифасын

Башкарабыз

үзезез

[Миңнуллин Р.

URL:

<https://shigriyat.ru/authors/robert-minnullin/uzebez>]. /

‘Великие ушли...

Идущих на смену

Пока не очень видно, хотя

Имеется много желающих.

Поэтому, для того чтобы сохранить

Благородство перед страной,

Роль великих исполняем сами.’

Бөекләр китеп беткәннәр... ‘Великие ушли...’ является зачином анализируемого сложного синтаксического целого. Третье предложение выступает концовкой. Эти два компонента ССЦ связаны между собой

дистантной цепной связью «подлежащее – определение» (*бөекләр* ‘великие’ – *бөекләрнең* ‘великих’).

Относительное слово *шуңа күрә* ‘поэтому’ выражает причинно-следственное отношение между медиальной частью и концовкой.

(1) *Мин кичә кич монда чәчкән барча әйберне жәйеп,*

Инде китмәкче булам, тышкы киемнәрне киеп.

(2) *Шул вакыт күрдем: агай сумкамны рөхсәтсез ачып,*

Нәрсәдер шунда сала тиз-тиз генә, миннән качып.

(3) – *Нишлисең, абзый? – дидем. (4) Шунда агаем аптырый;*

Куркынып киткән төсә, куллар да дер-дер калтырый [Тукай. URL: <https://shigriyat.ru/authors/tukai/431>]. /

‘Я, одевшись, хочу уйти, собрав все то,

что здесь разбросал вчера.

В это время вижу: мужик, без моего согласия

открыв мою сумку, что-то туда прячет незаметно для меня.

Спросил: Что делаешь, дядя? – Тогда мужик очень удивился.

Вид у него испуганный, руки сильно дрожат.’

Относительные слова *шул вакыт* ‘в это время’, *шунда* ‘тогда’ устанавливают временное отношение между предложениями сложного синтаксического целого.

В текстах официально-делового стиля выявлено одно сложное синтаксическое целое, где предложения связывает относительное слово.

(1) *1991 нче елның 7 нче декабрдә кабул ителгән «Эшмәкәрлек эшчәнлегә белән шөгьльләнгүче физик затлардан алына торган теркәү жәйемә һәм аларны теркәү тәртибе турында»гы РФ ГК ның 3 нче статьясы нигезендә теркәү гариза бирелгән көннән соң 15 көн эчендә башкарылырга тиеш. (2) Шул ук срокта дәүләт органнары тарафыннан эшмәкәрлек эшчәнлеген теркәү турында таныклык та бирелергә тиеш*

[Вэлиев, 1999, с. 155]. / ‘Согласно ст. 3 Закона Российской Федерации от 7 декабря 1991 г. «О регистрационном сборе с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и порядке их регистрации», регистрация должна быть произведена не позднее чем в 15-дневный срок с момента подачи заявления. В этот срок должно быть выдано свидетельство о государственной регистрации предпринимательской деятельности.’

Предложения сложного синтаксического целого связаны параллельной связью. Относительное слово *шул ук срокта* ‘в этот срок’ устанавливает временное отношение между ними. Оно подтверждает, что действия, описываемые в первом и втором предложениях, должны происходить в одно и то же время.

2.2.3. Функциональное назначение вводных слов в ССЦ

Вводные слова – одно из средств, характерных для связи между предложениями ССЦ. Они синтаксически не связаны с предложением. «Основная функция вводных слов – выражение отношения к действительности, т. е. выражение разнообразных модальных отношений» [Грамматика татарского языка, 1995, с. 222]. Назначение, синтаксические функции вводных слов связаны, прежде всего, с соединением законченных предложений в речи. Вводные слова по своей функции близки к союзам, что неоднократно отмечано лингвистами. Как утверждает В.В. Виноградов, «в русском языке наблюдается тесная связь и взаимодействие между союзами и модальными словами» [Виноградов, 1950, с. 76]. А.Н. Гвоздев также подчеркивает близость модальных слов логического характера, выражающих порядок и взаимоотношение мыслей (во-первых, во-вторых, наконец, значит, стало быть, итак, следовательно, вообще, главное, наоборот, кстати, впрочем, словом, например и др.) к союзам. Ученый отметил, что в начале XIX века они рассматривались союзами» [Гвоздев, 1958, с. 411].

Вводные слова в ССЦ, как правило, находятся в начале соединяемых предложений.

(1) *Әйтте бит Серлар сакчысы, кирәк кадәресең соңрак белерсең, диде.*

(2) *Димәк, көтәргә кирәк* [Дәрзаман, 2015, с. 105]. / ‘Сказал же Хранитель тайн: то, что нужно, ты узнаешь позже. Значит, нужно ждать.’

Вводные слова, как и союзы и союзные слова, не выступают единственным и главным средством связи между предложениями. Они лишь подчеркивают, усиливают структурные связи между предложениями.

Вводные слова выражают следующие модальные отношения:

1. Уверенность, что сообщение соответствует действительности, что говорящий не сомневается в его достоверности: *чынлап та* ‘действительно’, *әлбәттә* ‘конечно’, *шөбһәсез, шиксез, һичшиксез* ‘несомненно’, *билгеле* ‘известно’, *бәхәссез* ‘беспорно’ и др.

(1) *Рәшит эшли башлагач, китапханәнең укучылары шактый артты.*

(2) *Чөнки ул нинди дә булса бер китанны бик әҗентекләп укып чыга да, артистлар арасында буталып йөргәндә, берәр классикның әсәрен юри телгә алып, андагы искиткеч кызык күренешләрне сөйли башлый һәм кинәт кенә: «Моны укыганыгыз бармы?» – дип сорاپ куя.* (3) *Әлбәттә, алар укымаган, кемнең нәрсә белән кызыксынганын белеп тора бит ул.* (4) *Күбесеңең балык тотудан ерак китә алганы юк* [Хәмзин, 2017, с. 188]. / ‘Как только начал работать Рашид, читательская аудитория библиотеки значительно выросла. Потому что он, очень внимательно прочитав какую-то книгу, находясь среди артистов, нарочно упоминал какое-нибудь классическое произведение и начинал рассказывать удивительно интересные события из него и спрашивал: «А вы читали это?» Конечно, они не читали, он ведь знает, кто и чем интересуется. Многие дальше рыбалки уйти не смогли.’

Союз *чөнки* ‘потому что’ устанавливает причинное отношение между первым и вторым предложением. Вводное слово *албәттә* ‘конечно’ в третьем предложении выражает уверенность героя.

Примеры ССЦ, с вводными словами обнаружены в художественной литературе, научных и медиатекстах.

(1) *Ходай яратканымны сынармын, дигән, ди бит.* (2) *Чыннан да, Софья түти шул яратканнарның берседер* [Туганайлар, 2014, 30 сент.]. / ‘Бог шлет испытания тем, кого любит. Действительно, бабушка Софья была одной из любимых.’

2. Неуверенность, что сообщение соответствует действительности, выражается вводными словами *ахырысы* ‘видимо, вероятно’, *никтер, ни өчендер* ‘почему-то’, *балки, күрәсең, ихтимал* ‘вероятно, возможно, видимо’ и т.д. Такие ССЦ чаще встречаются в художественной литературе и медиатекстах.

Кайчагында әллә кемне кызганалар,

Уфылдашып, әкрән генә кузгалалар.

Ахырысы, бу китап бик күңелледер –

Күз дә алмый укый аны бу балалар [Гафури, 1954, с. 354]. /

‘Иногда кого-то жалеют,

Медленно встают, вздыхая.

Видимо, эта книга очень интересная –

Дети ее читают не отрываясь.’

3. Определение источника сообщения выражается вводными словами *минемчә* ‘по-моему’, *минем уемча* ‘как мне думается’, *синеңчә* ‘по-твоему’ и др. Такие сложные синтаксические целые чаще встречаются в научных текстах.

(1) *Кайсы көйләрне сайлау укытучы фантазиясе, теләге, ул файдаланган ресурслардан тора.* (2) *Безнең фикеребезчә, татар, башкорт,*

рус, итальян көйләрен сайлап алу отышлы, чөнки беренчесе – милли көй, икенчесе – якын тугандаш халыкның көе, өченчесе – озак гасырлар дәвамында уртак территория, уртак тарихи эҗирлектә яшәгән халык көе, дүртенчесе – опера сәнгате ватанының көе [Мәгариф. Татар теле, 2020, № 2]. / ‘Выбор мелодии зависит от фантазии, желания учителя, ресурсов, которыми он пользуется. На наш взгляд, удачный вариант – выбор татарских, башкирских, русских, итальянских мелодий, потому что первая – это национальная мелодия, вторая – мелодия близкородственного народа, третья – мелодия народа, который долгие века живет на общей территории, на общей исторической земле, четвертая – мелодия Родины оперного искусства.’

4. Уверенность в том, что в сообщаемом факте давно известно, выражается вводными словами *табигый, гадәттәгечә, билгеле булганча* ‘естественно, обычно, известно’ и др. Примеры таких сложных синтаксических целых обнаружены в научных, медийных текстах и в художественной литературе.

(1) *Казанның 175 нче гимназиясе янында хәрби көч наряды күренә.*
 (2) *«Татар-информ» мәгълүмат агентлығына билгеле булганча, чатларда ата-аналар борчылу белдерә башлаган* [Татар информ, 2021, 15 дек.]. / ‘У 175-й казанской гимназии был замечен военный наряд. Как стало известно ИА «Татар-информ», в чатах родители стали выражать беспокойство.’

5. Установление различных связей между высказываемыми мыслями, выделение каких-либо оттенков, противопоставление или сравнение, обобщение и т.д. выражается вводными словами *мисал өчен* ‘например’, *мәсалән* ‘например’, *ниһаять* ‘наконец’, *гомумән* ‘вообще’, *киресенчә* ‘наоборот’, *беренчедән* ‘во-первых’, *димәк* ‘следовательно’, *кыскасы* ‘короче’, *әйттик* ‘скажем’ и др. Такие ССЦ более характерны для научных, медийных, менее для художественных текстов.

(1) Бу эштә ул дәреслеккә, вакытлы матбугаттагы мәгълүматларга, интернет челтәренә, аудио- һәм видеоматериалларга таянып эш итәргә мөмкин. (2) Мәсәлән, бишенче сыйныфта татар теленең килеп чыгышы ягыннан сүзлек составы өйрәнелә. (3) Бу теманы дөнья халыкларының жырлары темасы белән үрәп бару максатка ярашлы [Мәгариф. Татар теле, 2020, № 2]. / ‘В этой работе он может опираться на учебники, информацию из периодических изданий, сети интернет, аудио- и видеоматериалы. Например, в пятом классе изучается словарный состав татарского языка. Эту тему целесообразно переплестать с темами песен народов мира.’

(1) *Татарлар турында гәп куурта-куурта, егерме-утыз бит язып та, бер татар символы яки образы, сурәте, әйтеме, хикмәте, атамасы кулланмаган язучыны татар язучысы дип санамыйм мин.* (2) Димәк, ул әдипнең милли программасы бозылган, рухы имгәнгән, мең еллык рухи һәм әхлакий кодлары онытылган [Түгәрәк уен, 2020, № 3]. / ‘Я не считаю татарским писателем того, кто написав рассуждения о татарах, двадцать-тридцать страниц, не упомянул хоть об одном татарском символе или образе, описании, поговорке, народной мудрости, названии. Значит, у этого автора нарушена национальная программа, ранена душа, забыты тысячелетние душевные и нравственные коды.’

Между предложениями цепная синонимическая связь (язучыны – әдипнең ‘писателя – у автора’) «дополнение – определение». Димәк ‘следовательно’ устанавливает причинно-следственное отношение.

В ходе исследования нами зафиксированы сложные синтаксические целые, в которых логико-смысловые отношения между предложениями осуществляются посредством вводных слов *чынлап та*, *чыннан да* ‘действительно’, *әлбәттә* ‘конечно’, *шөбһәсез*, *шиксез*, *һичшиксез* ‘несомненно’, *билгеле* ‘известно’, *бәхәссез* ‘беспорно’, *ахырысы* ‘видимо, вероятно’, *никтер*, *ни өчендер* ‘почему-то’, *бәлки*, *күрәсең*, *ихтимал*

‘вероятно, возможно, видимо’, *минемчә* ‘по-моему’, *минем уемча* ‘как мне думается’, *синеңчә* ‘по-твоему’, *аның фикеренчә* ‘по его мнению’, *безнең фикеребезчә* ‘по нашему мнению’, *мисал өчен, мәсәлән* ‘например’, *ниһаять* ‘наконец’, *гомумән* ‘вообще’, *киресенчә* ‘наоборот’, *беренчедән* ‘во-первых’, *димәк* ‘следовательно’, *кыскасы* ‘короче’, *әйттик* ‘скажем’, *хәер* ‘впрочем’, *асылда* ‘на самом деле, в действительности’, *ахыр килеп* ‘в конце концов’, *алайга китсә* ‘если так’, *гомумән* ‘в целом, вообще, в общем’ и др.

2.2.4. Роль интонационной связи в ССЦ

Как утверждает М.З. Закиев, и интонация может участвовать в организации сложного синтаксического целого [Закиев, 1974, с. 263]. В подтверждение данного утверждения ученый привел следующий пример: *Габдулла өйгә керү белән өч олы кеше аның тирәсендә йөгереп дигәндәй йөрделәр. (:) Зөһрә апа баздан салкын катык алып керде, каерып икмәк кисте, Нәфисә апа Габдулланы, юндырып, табынга утыртты. Сәгъди абзый аны кыстый-кыстый сыйлады* [Фәйзи]. / ‘Как только Габдулла зашел в дом, стали возиться с ним три взрослых человека. Зухра из погреба принесла холодный катык, нарезала крупными кусками хлеб, Тетя Нафиса умыла Габдуллу и посадила за стол. Дядя Сагъди начал угощать.’

Интонационная связь неоднократно была проанализирована лингвистами. Поэтому подробнее остановимся только на смысловых отношениях, указанных М.З. Закиевым. Согласно автору, между частями исследуемых конструкций наблюдаются три типа отношений: предикативное, конкретизирующее и пояснительное. Эти отношения легко вскрываются путем некоторых структурных преобразований. При этом важную роль играет контекст. «В некоторых случаях даже союзные замены производятся исходя из значения контекста» [Закиев, 1995].

Такие примеры характерны для художественных, научных и медийных текстов.

(1) *Әтием, – дип башлады Зөлфия һәм ни сәбәптәндер тукталып торды.* (2) *«Зөлфия» түгел, «Зөл-Фия» дип әйтү дәрәс буладыр бу очракта* [Дәрзаман, 2015, с. 122]. / ‘Папочка, – начала Зульфия и по неизвестной причине остановилась. Будет правильнее в этом случае сказать «Зуль-Фия», а не «Зульфия».’

Таким образом, анализ средств связи в сложных синтаксических целых позволил сделать выводы о том, что все аналитические виды средств связи (подчинительные союзы и союзные слова, относительные слова, интонация) и сочинительные союзы применяются и в ССЦ для связи его предложений и компонентов.

Функция одного и того же средства связи в сложных предложениях и в ССЦ одинакова. Сочинительные (соединительные, противительные, разделительные) и подчинительные союзы выражают различные смысловые отношения между предложениями и компонентами ССЦ. Хотя ранее утверждалось, что разделительные союзы не могут стать средством связи в ССЦ, в ходе исследования зафиксированы сложные синтаксические целые, где предложения либо компоненты связаны посредством разделительных союзов.

Каждый из основных сочинительных и подчинительных союзов, союзных слов обладает в тексте своей композиционно-синтаксической и смысловой функцией.

Относительные слова, выступая средством связи в ССЦ, выражают объектные, причинно-следственные, временные, уступительные отношения, меру и степень действия и признака и др. Все перечисленные средства связи активно употребляются во всех стилях речи татарского языка, относительные

слова в официально-деловом стиле средством связи между предложениями выступают редко.

Имеется еще одно средство связи, которое в синтаксисе сложного предложения не зафиксировано как средство связи между компонентами сложных предложений. Это – вводные слова, которые выполняют особую роль в тексте. Вводные слова выражают следующие значения: уверенность, что сообщение соответствует действительности, что говорящий не сомневается в его достоверности; неуверенность, что сообщение соответствует действительности; определение источника данного сообщения; уверенность в том, что о сообщаемом факте давно известно; установление различных связей между высказываемыми мыслями, выделение каких-либо оттенков, противопоставление или сравнение, обобщение и т. д.

Союзы, союзные слова и вводные слова не играют решающей роли в связи предложений, однако функции их в ССЦ весьма значительны. Они участвуют в композиционном членении ССЦ, в синтаксическом оформлении зачинов и концовок, в осуществлении разнообразных тематических переходов в ССЦ, в выражении различных синтаксических отношений.

Интонационная связь в татарском языке характерна для художественных, научных и медиатекстов.

2.3. Синтаксические модели соединения предложений в ССЦ

2.3.1. Виды ССЦ по их внешней форме

Одной из основных особенностей сложного синтаксического целого является многослойность его структуры, которая проявляется во внешней и внутренней формах ССЦ, во внутренних связях компонентов. Внутренние связи предложений сложного синтаксического целого исследованы довольно полно М.Я. Дымарским, Н.Д. Зарубиной, С.Г. Ильенко, Л.М. Лосевой, Н.В. Малычевой, О.И. Москальской, Г.Я. Солгаником, М.З. Закиевым,

Ф.С. Сафиуллиной и др., закономерности их упорядочивания в группе, напрямую влияющие на внешнюю форму, подверглись системному анализу И.С. Папушей.

Сложное синтаксическое целое – это синтаксическая единица, которая может иметь различное строение. Оно зависит от строения тех предложений, совокупность которых образует конкретное сложное синтаксическое целое. Анализ структуры ССЦ должен производиться по определенной схеме, выявляющей внешний контур его модели. Схема ССЦ демонстрирует количество синтаксических структур, входящих в него, включая осложнение простого предложения. Такой анализ помогает определить формальные границы компонентов ССЦ, особенности их связи между собой, особенности его зачина и концовки.

Как уже было отмечено в Главе 1 настоящего исследования, при анализе внешней формы сложного синтаксического целого мы воспользуемся следующим порядком анализа:

- выявление количества предложений, входящих в ССЦ;
- определение структур зачина, медиальной части, концовки;
- выявление средств связи между компонентами ССЦ;
- рассмотрение порядка следования предложений разных структур; местоположения простых предложений, сложных предложений;
- выявление наличия в ССЦ односоставных предложений и их местоположения; вопросительных и побудительных предложений; восклицательных предложений; «оборванных» предложений;
- рассмотрение осложнения простых предложений и частей сложных предложений;
- выявление средств связи между предложениями ССЦ: союзы, вводные слова, повторы, параллелизм строения частей и др.

В ходе исследования неоднократно утверждали, что ССЦ во многом схоже со сложными предложениями: употребляются между предложениями одинаковые средства связи, устанавливаются одни и те же смысловые отношения между предложениями. Поэтому при анализе внешнего плана синтаксической модели ССЦ мы приняли решение частично опираться на термины, которые употребляются в синтаксисе простого и сложного предложений.

При анализе сложного синтаксического целого И.С. Папуша оперирует термином матрица. По мнению И.С. Папуши, «факт наличия матриц построения свидетельствует об имеющихся в языке отвлеченных образцах – схемах сложного синтаксического целого, фиксирующих структурный минимум, необходимый для сохранения сложного синтаксического целого как закрытой группы предложений. Лишнее или недостающее предложение схема сложного синтаксического целого, отражая его матрицу, выявляет почти однозначно» [Папуша, 2011, с. 84].

В нашем диссертационном исследовании проведен анализ внешней структуры различных типов сложного синтаксического целого. Мы предлагаем свой вариант распределения ССЦ по внешней форме и термины для определения. При графическом обозначении ССЦ того или иного типа придерживаемся вариантов, предложенных И. С. Папушей, также предлагаем свои.

В ходе исследования мы выявили два вида ССЦ по внешней форме и предлагаем для их обозначения следующие термины: сложное синтаксическое целое простой модели и сложное синтаксическое целое смешанной модели.

2.3.2. Сложное синтаксическое целое простой модели

ССЦ простой модели бывает двух видов:

1) модель, построенная на основании сочетания простых предложений;

2) модель, построенная на основании сочетания сложных предложений.

Модель, построенную на основании сочетания простых предложений, вслед за И.С. Папушей графически обозначили так: .

Такие ССЦ полностью состоят из простых предложений. Они могут быть разными по цели высказывания, эмоциональной окраске, по составу главных членов, по наличию (отсутствию) второстепенных членов, по наличию или отсутствию необходимых членов предложения.

Модель, построенная на основании сочетания простых предложений характерна для художественной литературы (в основном, для детской литературы, фольклора, поэзии), официально-делового стиля и публицистики.

Более подробно рассмотрим на примере:

(1) Яр буенда Зәһрә, бер аккан суга, бер күктәге айга, бер тирә-ягына карап, тирән уйга чумган (I). (2) Туган әнисенең ягымлы сүзләре, жылы куены исенә төшкән (II). (3) Шунда кайнар яшьләре битләре буйлап әжиргә тәгәрәгәннәр (III). (4) Ул ялгызы үксеп-үксеп жылаган да, «уф»... дип авыр сулап, чиләкләре белән су алган (IV). (5) Сулы авыр чиләкләр аның әңилкәләрен тагын да басалар икән (V). (6) Ул тагын айга караган (VI) [Татар халык иҗаты, 2004, с. 25]. / ‘Зухра на берегу, наблюдая то за текущей водой, то за луной на небе, то за окружением, погрузилась в свои глубокие мысли. Вспомнились ласковые слова, теплое объятие родной матери. Тогда горячие слезы покатались на землю по ее щекам. Она зарыдала и, тяжело вздохнув, набрала воды в ведра. Тяжелые ведра с водой еще больше давили на ее плечи. Она снова посмотрела на луну.’

В ССЦ арабскими цифрами мы обозначили предложения по порядку их следования. Римскими цифрами – простые предложения либо предикативные части сложных предложений.

ССЦ состоит из 6 простых предложений. Первое предложение является зачином. Оно выражено простым, двусоставным, распространенным, полным, осложненным однородными обособленными обстоятельствами предложением.

Шестое предложение – концовка ССЦ. Это – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение. Одинаковая форма глагольных сказуемых (прошедшее результативное время) в зачине и концовке объединяет их дистантной параллельной связью. Параллельная связь зачина и концовки усиливается парой лексем *Зəһрə* ‘Зухра’ – *ул* ‘она’, которые являются подлежащими предложений данных компонентов. Личное местоимение *ул* ‘она’ в шестом предложении отсылает к антецеденту в первом.

Предложения под номерами 2–5 формируют медиальную часть ССЦ.

Второе предложение – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение с однородными подлежащими.

Третье – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение.

Четвертое – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение с однородными сказуемыми, которые связаны при помощи союза *да* ‘в значении и’. Оно осложнено обособленным обстоятельством образа действия.

Второе предложение с первым и третьим, третье с четвертым связаны параллельной связью. Между вторым и третьим предложениями дополнительным средством связи выступает относительное слово *шунда* ‘тогда’. Местоимение *ул* ‘она’ в четвертом предложении усиливает

параллельную связь с первым предложением, заменив имя существительное *Зөһрә* ‘Зухра’. Между четвертым и пятым предложением цепная связь «обстоятельство – подлежащее» (*чиләкләре белән* ‘ведрами’, *чиләкләре* ‘(ее) ведра’).

Это – описательное сложное синтаксическое целое с единым планом прошедшего времени.

Тема ССЦ – *Яр буенда Зөһрә кыз* ‘девушка по имени Зухра на берегу’.
Смысловое ядро – *Зөһрә кыз* ‘Зухра’, *ай* ‘луна’.

Рассмотрим схему сложного синтаксического целого.

В данной схеме знаком равенства (=) мы обозначили цепную связь между предложениями. Двойной косой чертой (//) показали параллельную связь. В скобках римскими цифрами указаны простые предложения либо предикативные части сложных предложений.

1. (I)
с обособлен. обстоят. обр. действ.
}	Зачин // концовка (6)
}	<i>уйга чумган // караган</i> (6)
}	‘погрузилась в мысли – посмотрела’ (6)
}	<i>Зөһрә // ул</i> (6) / ‘Зухра // она’ (6)

1//2 *уйга чумган // исенә төшкән*

‘погрузилась в мысли // вспомнились’

2. (II)

с однородными подлежа.

шунда ‘тогда’ 2//3

исенә төшкән // тәгәрәгәннәр

‘вспомнились // покатались’

3. (III)

3//4

тәгәрәгәннәр // жылаган, алган

‘покатались // плакала, набрала’

4. (IV)

Зөһрә (1) // *ул* ‘Зухра (1) // она’

с однородными сказуем.

с обособлен. обстоят. обр. действ.

чиләкләре белән = чиләкләр

4=5

‘ведрами = ведра’

«обстоятельство – подлежащее»

5. (V)

5//6

тагын // тагын ‘еще // снова’

6. (VI)

Концовка // зачин (1)

уйга чумган (1) // *караган*

‘погрузилась в мысли (1) // посмотрела’

Зәһрә (1) // ул ‘Зухра (1) // она’

Проанализируем пример из поэтического текста.

(1) *Табигать кочагында (I).*

(2) *Гөл-чәчәкләр өзмәдек без,*

Куаклар сындырмадык (II).

(3) *Яшел урман аланында*

Уйнадык та жырладык (III)!

(4) *Кояшка карап елмайдык (IV).*

(5) *Жилләргә сәлам әйттек (V).*

(6) *Һәркем өйгә алып кайтты*

Бер кочак сәламәтлек (VI) [Фәйзуллин, 2011, с. 426]! /

‘На природе.

Не рвали мы цветы,

Не ломали кусты.

На зеленой поляне

Пели да играли!

Солнцу улыбались.

С ветром здоровались.

Домой каждый вернулся

С большим количеством здоровья.’

ССЦ состоит из шести простых распространенных предложений. Между ними установлена параллельная связь.

Название стихотворения является зачином.

Шестое предложение – концовка ССЦ. Оно простое, двусоставное, распространенное, полное предложение. Наблюдаем инверсию, которая связана со структурой стихотворного текста (*Һәркем өйгә алып кайтты бер кочак саламәтлек* ‘Домой каждый вернулся с большим количеством здоровья’). Правильный порядок слов в данном предложении был бы следующим: *Һәркем өйгә бер кочак саламәтлек алып кайтты* ‘Домой каждый с большим количеством здоровья вернулся.’

Зачин и концовка связаны однокоренными именами существительными *кочагында* ‘в объятиях’ и *кочак* ‘объятие’, которые устанавливают цепную связь «обстоятельство – обстоятельство».

Второе предложение – простое, двусоставное, распространенное, полное, осложненное однородными сказуемыми. В нем наблюдается инверсия (*өзмәдек без* ‘не рвали мы’).

Третье, четвертое и пятое – простые, двусоставные, распространенные, неполные предложения. В них опущено подлежащее *без* ‘мы’. В третьем предложении имеются однородные сказуемые, связанные между собой союзом *та* ‘и’.

Это описательное сложное синтаксическое целое с единым планом прошедшего времени.

Тема ССЦ – *табигать кочагында* ‘на природе’.

Смысловое ядро – *без* ‘мы’.

Схема данного сложного синтаксического целого:

1. (I) } Зачин = концовка (6)
кочагында = кочак (6)
'в объятиях = объятие' (6)
«обстоятельство – обстоятельство»
2. (II)
с однородными сказуем.
2 // 3 *сындырмадык // уйнадык, жырладык*
'не ломали // играли, пели'
3. (III)
с однородными сказуем.
побудит. предложение
3 // 4 *уйнадык, жырладык // елмайдык*
'играли, пели // улыбались'
4. (IV)
4 // 5 *елмайдык // салам айттек*
'улыбались // здоровались'
5. (V)
5 // 6 *салам айттек // алып кайтты*
'здоровались // вернулся'
6. (VI)
побудит. предложение } Концовка = зачин (1)
кочагында (1) = кочак
'в объятиях (1) = объятие'
«обстоятельство – обстоятельство»

Зачин и концовка языковой модели сочетания простых предложений всегда реализовываются структурой простого предложения, так же, как и медиальная часть ССЦ.

Для графического обозначения модели, построенной на основании сочетания сложных предложений предлагается такая форма: .

ССЦ модели, построенной на основании сочетания сложных предложений целиком состоят из сложных предложений различного вида (союзные и бессоюзные, сложносочиненные, аналитические и синтетические сложноподчиненные, многочленные сложносочиненные предложения, многочленные сложноподчиненные предложения, многочленные смешанные сложные предложения).

Эта модель ССЦ в основном характерна для художественного текста и научного стиля, употребляется и в публицистике.

Следующий пример ССЦ из научного стиля.

(1) Соңгылары чын мәгънәсендә бәйләүче чаралар була алмыйлар (I), чөнки алар (II), югарыда күрсәтелгән бәйләүче чараларның берсе яки берничәсе булганда гына (III), иярүче һәм ияртүче сүзләр арасындагы мәгънә мөнәсәбәтен белдерәләр (II). (2) Сүзләр хәбәрлекле мөнәсәбәткә кергәндә (IV), соңгы өч төрле чара белән бергә я сүз тәртибе, я хәбәр итү интонациясе, я күплек кушымчасы, я хәбәрлек кушымчасы килергә тиеш була (V). (3) Гомумән алганда, хәбәрлекле мөнәсәбәтне белдерүче чаралар һәрберсе аерым-аерым ялгыз гына йөрмиләр (VI), бәлки аларның берничәсе берьюлы кулланыла (VII) [Зәкиев, 2017, с. 50]. / ‘Последние из перечисленных не могут быть основными средствами связи, так как выражают смысловые отношения между зависимыми и главными словами, только при наличии одного или нескольких из указанных выше средств связи. При предикативном отношении, наряду с последними тремя средствами связи, должны быть либо соответствующий порядок слов, либо интонация сообщения, либо аффикс множественного числа, либо аффикс сказуемости. В целом, средства, выражающие предикативное отношение, не используются по отдельности, а некоторые из них употребляются одновременно.’

ССЦ состоит из трех сложных предложений.

Первое предложение является зачином, выраженным многочленным сложноподчиненным предложением с последующим подчинением. Третье предложение является концовкой данного ССЦ. Предложения зачина и концовки между собой связаны дистантной цепной связью.

В первом предложении *Соңғылары чын магънасенда бэйләүче чаралар була алмыйлар* ‘Последние из перечисленных не могут быть основными средствами связи’ – главное по отношению к придаточному причинному предложению *чөнки алар иярүче һәм ияртүче сүзләр арасындагы магъна мөнәсәбәтен белдерәләр* ‘так как выражают смысловые отношения между зависимыми и главными словами’, по отношению к которому придаточным времени является следующий компонент сложного предложения (*югарыда күрсәтелгән бэйләүче чараларның берсе яки берничәсе булганда гына* ‘только при наличии одного или нескольких из указанных выше средств связи’).

Второе предложение данного ССЦ – синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным времени. Оно с предыдущим предложением связано цепной связью посредством лексического повтора (*сүзләр (арасындагы)* ‘(между) словами’ – *сүзләр* ‘слова’).

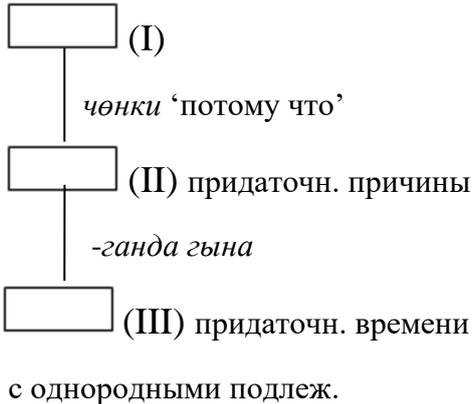
Третье предложение является сложносочиненным предложением.

Второе и третье предложения ССЦ связаны между собой цепной связью.

Тема ССЦ – *магъна мөнәсәбәте* ‘смысловое отношение’.

Смысловое ядро – *хәбәрлекле мөнәсәбәтне белдерүче чаралар* ‘средства связи, выражающие предикативное отношение’.

Схема данного сложного синтаксического целого:

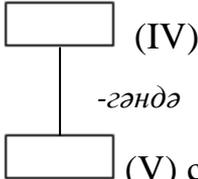
1. (I)
чөнки 'потому что'
(II) *придаточн. причины*
-ганда гына
(III) *придаточн. времени*
с однородными подлежащ.
- Зачин = концовка (3)
мөнәсәбәтен = мөнәсәбәтне (3)
'отношение = отношение (3)'
«дополнение – дополнение»
берничәсе // берничәсе (3)
'несколько // несколько (3)'

Многочленное сложноподчин. предложение с последующ. подчинением

1 = 2 *сүзләр (арасындагы) = сүзләр*

'(между) словами = слова'

«определение – подлежащее»

2. (IV)
-ганда
(V) с однородными подлежащ.

с *придаточн. времени*

2 = 3 *хәбәрлекле = хәбәрлекле*

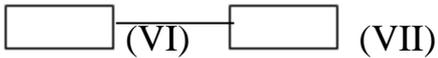
'предикативное = предикативное'

«определение – определение»

мөнәсәбәткә (кәргәндә) = мөнәсәбәтне

'при отношении = отношение'

сказуемое – дополнение

3. (VI) — (VII)
- Концовка = зачин (1)
мөнәсәбәтен (1) = *мөнәсәбәтне*
'отношение (1) = отношение'
«дополнение – дополнение»
берничәсе (1) // *берничәсе*
'несколько (1) // несколько'

Разберем пример из поэтического текста.

(1) *Бер карасаң (I), дөнья гел почмаклы (II),*

Бер карасаң (III), дөнья түгәрәк (IV).

(2) *Жанга тия хәсет, гайбәт, нахак (V),*

Ә шулай да дуслар күбрәк (VI)!

(3) *Кайгы-борчуларны жңңеп яшим (VII),*

Шул дусларым биргән (VIII) көч белән (VII).

(4) *Жан юана кайчак сөю белән (IX),*

Жан юана кайчак эш белән (X) [Гыйльманов. URL:

https://ok.ru/profile/560705710946/statuses/68689620743522]. /

‘Смотришь, мир всегда угловат,

Смотришь, мир круглый.

Душу тревожат зависть, сплетни, клевета,

А все же друзей больше.

Печали и тревоги побеждаю

Силой, которую мне дали эти друзья.

Душа успокаивается иногда любовью,

Душа успокаивается иногда работой.’

ССЦ состоит из четырех сложных предложений. Первое предложение – зачин. Оно выражено многочленным смешанным сложным предложением. Предложение *дөнья гел почмаклы* ‘мир всегда угловат’ является главным для придаточного условного предложения *бер карасаң* ‘смотришь’. Также предложение *дөнья түгәрәк* ‘мир круглый’ выступает главным для придаточного условного предложения *бер карасаң* ‘смотришь’. Придаточные предложения главному подчинены формой условного наклонения *-са*. Предложения *дөнья гел почмаклы* ‘мир всегда угловат’ и *дөнья түгәрәк* ‘мир круглый’ являются бессоюзными сложносочиненными.

Четвертое предложение – концовка данного ССЦ. Это бессоюзное сложносочиненное предложение. Зачин и концовка имеют похожую структуру. В зачине повторяются придаточные условные предложения (*бер карасаң* ‘смотришь’), в концовке – главные члены предложений (*жәң юана* ‘душа успокаивается’). Зачин и концовка связаны между собой параллельной связью.

Второе и третье предложения формируют медиальную часть ССЦ. Второе предложение – сложноподчиненное с придаточным уступительным. Средство связи – относительное слово *шулай да* ‘все же’. Главное предложение – *Ә шулай да дуслар күбрәк* ‘А все же друзей больше’. Придаточное – *Жанга тия хәсет, гайбәт, нахак* ‘Душу тревожат зависть, сплетни, клевета.’ На стыке главного и придаточного предложений употреблен противительный союз *ә* ‘а’. Но он в данном предложении не выступает основным средством связи. По цели высказывания второе предложение побудительное. Первый компонент осложнен однородными подлежащими (*хәсет, гайбәт, нахак* ‘зависть, сплетни, клевета’).

Третье предложение – сложноподчиненное предложение с придаточным определительным. *Шул дусларым биргән* ‘которую мне дали ‘эти друзья’ – придаточное определительное предложение. Главное предложение осложнено обособленным обстоятельством образа действия.

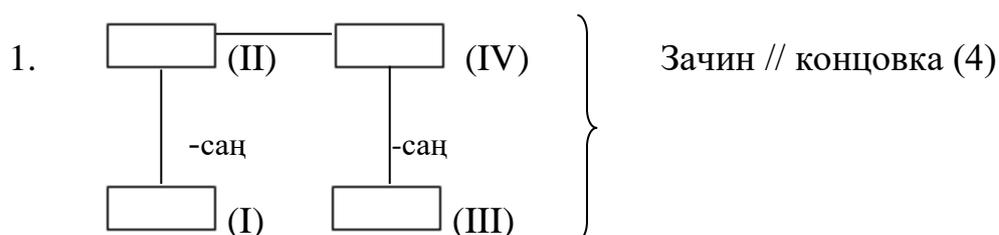
Дуслар ‘друзей’ во втором предложении и *дусларым* ‘друзья’ в третьем образуют цепную связь «лежащее – подлежащее» посредством лексического повтора между предложениями.

Между третьим и четвертым предложениями параллельная анафорическая связь (*көч (белән)* ‘силой’, (*сәю) белән* ‘любовью’, (*эш) белән* ‘работой’).

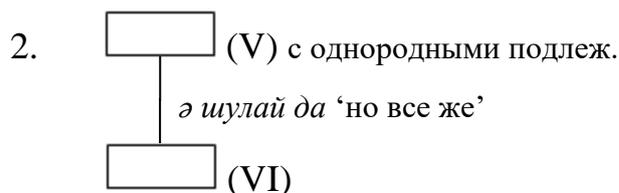
Тема ССЦ – *дәһһәда яшим* ‘живу в мире’.

Смысловое ядро – *дуслар* ‘друзья’.

Схема ССЦ:

Многочленное смешанное сложное предложение

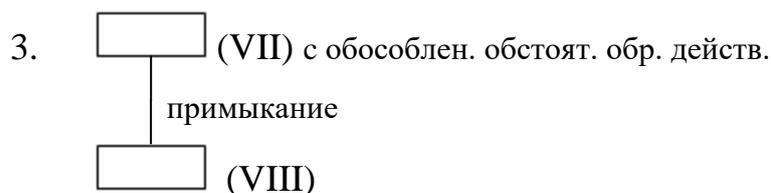

побудит. предложение

с придаточн. уступит.

2 = 3 *дуслар = дусларым* 'друзей = друзья'

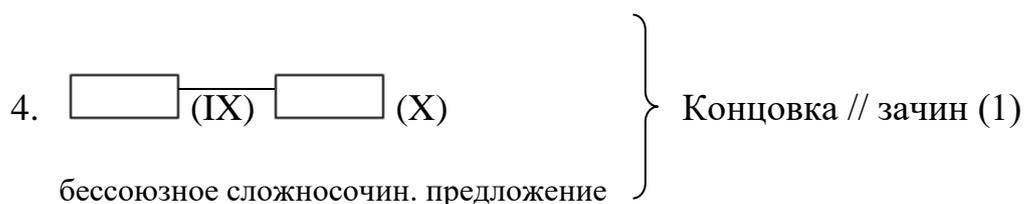
«подлежащее – подлежащее»

с придаточн. определит.

3 // 4 *көч (белән) // (сәю) белән, (эш) белән*

'силой // любовью, работой'

Зачин, медиальная часть и концовка языковой модели сочетания сложных предложений могут реализоваться только структурой сложного предложения.

2.3.3. Сложное синтаксическое целое смешанной модели

В состав ССЦ смешанной модели входят и простые, и сложные предложения, которые могут быть различных видов (виды перечислены в параграфе 2.3.1.).

Внутри данной модели выделяются:

- 1) расширяющаяся языковая модель;
- 2) периодически расширяющаяся языковая модель;
- 3) сужающаяся языковая модель;
- 4) периодически сужающаяся языковая модель;
- 5) комбинированная языковая модель «ромб»;
- 6) комбинированная языковая модель «песочные часы».

В расширяющейся языковой модели каждое последующее предложение имеет более сложную структуру, по сравнению с предыдущей. «Надо полагать, что при помощи такой матрицы язык отражает один из вариантов мыслительного процесса, построенного по индуктивному типу: от частного к общему, от простого к сложному» [Папуша, 2011, с. 88].

Для графического обозначения расширяющейся языковой модели применили предложенный И.С. Папушей знак: .

Рассмотрим пример такого ССЦ. Сложное синтаксическое целое взято из поэтического текста.

(1) Исәнмесез, Әнкәй (I)!

(2) Исәнмесез, Әткәй (II)!

(3) Сезгә хәбәр яза улыгыз (III).

(4) Хәбәрләрем әйбәт булсын өчен (IV),

Миңа берәр дога кылыгыз (V).

(5) Вакытыгыз күптер: (VI) бу хатымны

Ашыкмыйча гына укыгыз (VII).

(6) Белеп торам (VIII): безне сагына-сагына,

Качып беткән инде йокыгыз (IX) [Гыйльманов. URL: <https://ok.ru/profile/560705710946/statuses/68689620743522>]. /

‘Здравствуйте, мама!

Здравствуйте, папа!

Вам пишет ваш сын.

Чтобы мои вести были хорошими,

Вы молитесь за меня.

У вас, наверное, времени много, это мое письмо

Читайте не спеша.

Знаю: скучая по нас,

Вы уже потеряли сон.’

Сложное синтаксическое целое состоит из шести предложений. Первое и второе являются зачином данного ССЦ. Это простые предложения, осложненные обращениями *әнкәй* ‘мама’, *әткәй* ‘папа’. Между этими двумя предложениями анафорическая параллельная связь.

Шестое предложение – концовка ССЦ. Оно выражено аналитическим сложноподчиненным предложением с придаточным дополнительным, осложненным обособленным обстоятельством образа действия. Подчинительная связь выражена посредством интонации.

Предложения под номерами 3–5 формируют медиальную часть данного ССЦ.

Третье – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение, где наблюдается инверсия (*яза улыгыз* ‘пишет ваш сын’).

Четвертое предложение – синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным цели. *Миңа берәр дога кылыгыз* ‘Вы молитесь за меня’ – главное предложение. *Хәбәрләрем әйбәт булсын өчен* ‘Чтобы мои вести были хорошими’ – придаточное предложение. Средством связи между

ними выступает тандем аффикса повелительного наклонения глагола с послелогом *өчен* 'для' -сын *өчен*.

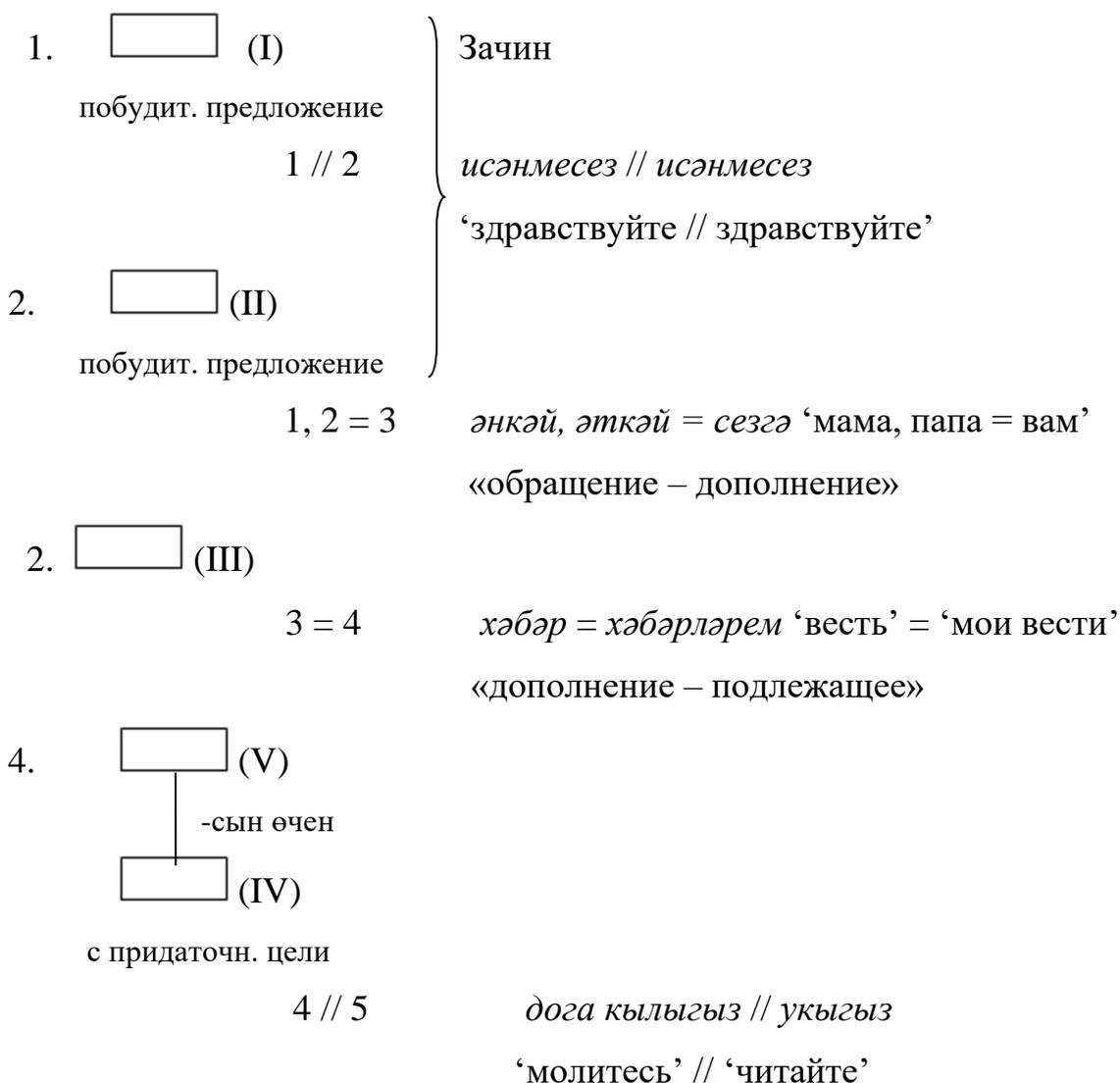
Третье и четвертое предложения связаны между собой цепной связью «дополнение – подлежащее» (*хэбэр* 'весть' – *хэбэрлэрэм* 'мои вести').

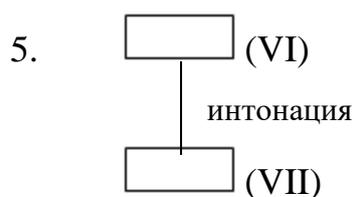
Пятое предложение – аналитическое сложноподчиненное предложение причины. Оно с четвертым связано параллельной связью. Сказуемые имеют одинаковую морфологическую форму (повелительное наклонение) *дога кылыгыз* 'молитесь', *укугыз* 'читайте'.

Тема ССЦ – *эти-энигэ хат, хэбэр* 'письмо, весть родителям'.

Смысловое ядро – *эти, эни, хэбэр* 'папа, мама, весть'.

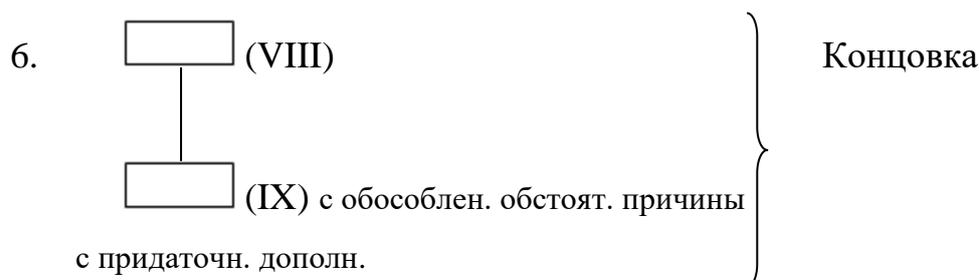
Схема ССЦ:

с придаточн. причины

5 // 6

Проанализируем ССЦ из фольклорного текста.

(1) *Карт белән карчык торган (I)*. (2) *Карчыгы бик ялкау булган (II)*. (3) *Моңа карты жеп эрләргә куша (III)*.

(4) *Бик эшлекле кыяфәт белән һәркөн (IV) карты эшкә киткәндә (V) жеп эрләп кала ул (IV)*. (5) *Ире китүгә (VI), йокларга ята (VII)*. (6) *Ире кайтуга (VIII), тагы кабасы янына утыра (IX)* [Татар халык ижаты, 1981, с. 252]. / ‘Жили старик со старухой. Старуха была очень ленивой. Ей дед велел спрядь шерсть.

Она, когда дед собирался на работу, очень важно садилась прядь шерсть. Как только муж уходит, ложится спать. Перед приходом мужа снова садится к прялке.’

ССЦ состоит из шести предложений.

Зачин выражен первым и вторым предложениями.

Первое – простое, двусоставное, нераспространенное, полное предложение. Второе – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение. Между ними параллельная связь: предложения имеют одинаковую структуру, глагольные сказуемые употреблены в одной грамматической форме (*торган* ‘жили’ – *булган* ‘была’).

Концовку формируют пятое и шестое предложения.

Пятое предложение – синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным времени. *Йокларга ята* ‘ложится спать’ – главное предложение для придаточного *ире китүгә* ‘как только муж уходит’. Средство связи между главным и придаточным аффикс имени действия с формой направительного падежа (-үгә).

Шестое предложение – синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным времени. *Тагы кабасы янына утыра* ‘снова садится к прялке’ – главное предложение. *Ире кайтуга* ‘перед приходом мужа’ – придаточное. Средство связи между главным и придаточным – аффикс имени действия с формой направительного падежа -уга.

Предложения концовки между собой связаны параллельной связью: они имеют одинаковое строение, глагольные сказуемые выражены формой настоящего времени изъявительного наклонения.

Третье и четвертое предложения формируют медиальную часть сложного синтаксического целого.

Третье – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение. Между вторым и третьим предложениями цепная связь «подлежащее – дополнение» посредством местоимения (*карчыгы* ‘старуха’ – *моңа* ‘ей’).

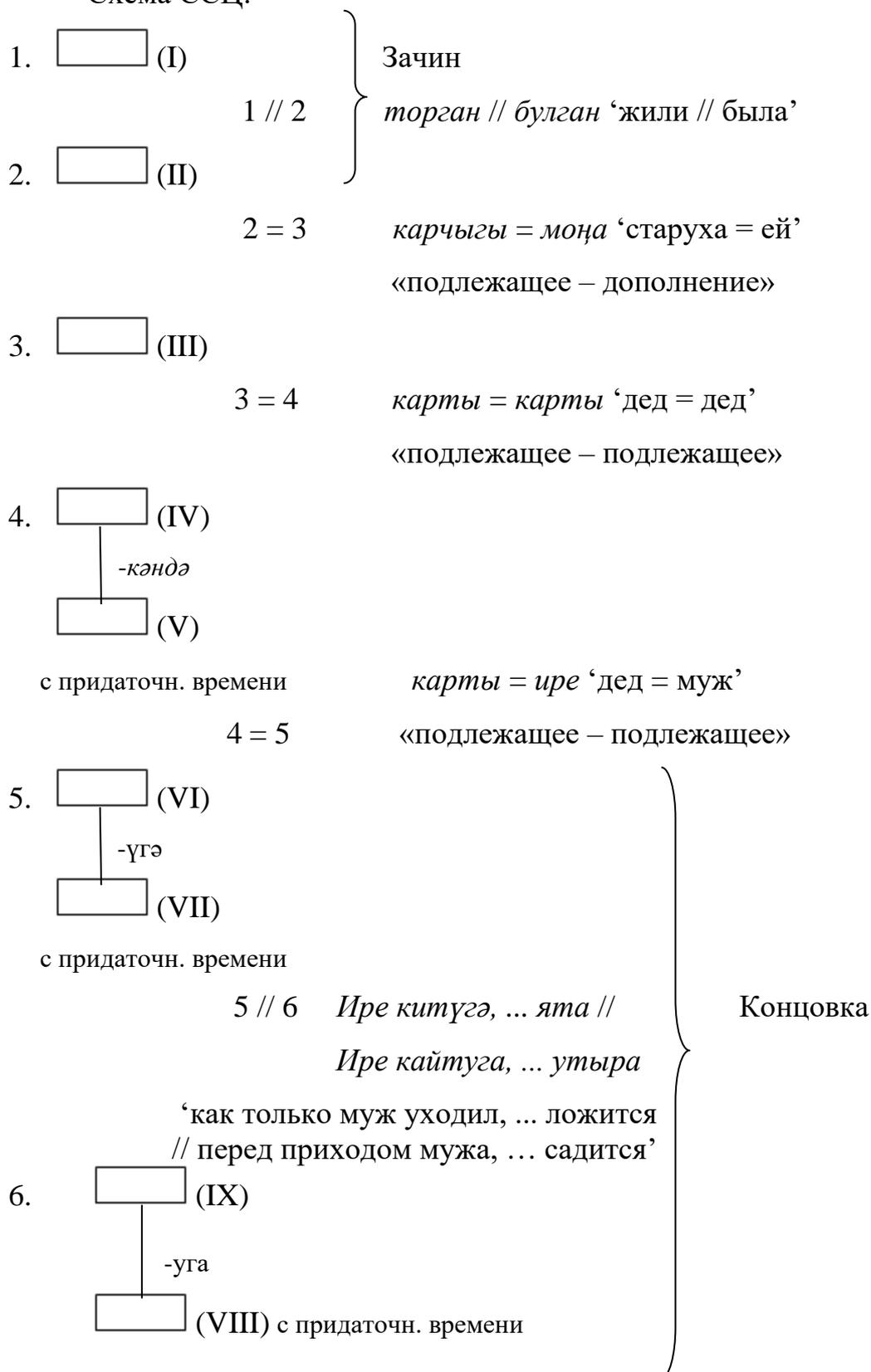
Четвертое предложение – синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным времени. *Карты эшкә киткәндә* ‘когда дед уходил на работу’ – придаточное предложение. Средство связи – аффикс местно-временного падежа, присоединенный к глаголу (-кәндә). Третье и четвертое предложения связаны цепной связью «подлежащее – подлежащее» посредством лексического повтора (*карты* ‘дед’ – *карты* ‘дед’).

Между четвертым и пятым предложениями цепная связь «подлежащее – подлежащее» посредством контекстуальных синонимов (*карты* ‘дед’ – *ире* ‘муж’).

Тема ССЦ – *ялкау карчык* ‘ленивая старуха’.

Смысловое ядро ССЦ – *карт, карчык* ‘старик, старуха’.

Схема ССЦ:

Зачин сложного синтаксического целого, построенного по расширяющейся языковой модели, всегда представлен простым предложением, двусоставным или односоставным, структура последующих предложений усложняется. Концовка ССЦ, построенного по расширяющейся модели, всегда должна быть выражена сложным предложением. Это может быть и сложносочиненное предложение, и сложноподчиненное предложение, и любые многочленные сложные предложения.

Периодически расширяющаяся языковая модель также объединяет простые и сложные предложения. Графически обозначили следующей фигурой: . По своей структуре данное сложное синтаксическое целое напоминает расширяющуюся языковую модель. В периодически расширяющейся модели расширяющаяся модель повторяется через несколько предложений. И.С. Папуша такие ССЦ рассматривает вместе. «Расширяющаяся языковая матрица сложного синтаксического целого, состоящего более чем из трех предложений, может содержать в медиальной части простое предложение, у которого также выявляется определенная роль как в картине перепадов напряжения в поле, так и в структуре внешней формы. Такие предложения мы назвали встроенными» [Папуша, 2011, с. 104]. Так как в нашей модели зафиксировано не всегда одно простое предложение, а их может быть и несколько. Решили такие ССЦ объединить в отдельную группу.

Пример данной модели разберем на следующем ССЦ.

(1) *Тышта тәңкә-тәңкә кар ява (II)*. (2) *Күрче (II): быел кыш нинди иртә килә (III)*. (3) *Әле октябрь дә бетеп житмәгән (IV), инде кар-бураннар уйный башлады (V)*. (4) *Хәер, бу ятып кала торган кар түгел әле (VI)*. (5) *Иртәгә, булмаса берсекәнгә, кояш чыгар да (VII) аның эзе дә калмас (VIII)* [Әпсәләмов, 2009, с. 452]. / ‘На улице идет снег. Смотри, как рано наступает в этом году зима. Еще не прошел и октябрь, уже начались метели. Хотя это

еще не снег, который будет лежать [всю зиму]. Завтра-послезавтра выглянет солнце, от него и следа не останется.’

Рассматриваемое сложное синтаксическое целое состоит из 5 предложений. Первое из них – зачин, пятое – концовка.

Зачин выражен простым, двусоставным, распространенным, полным предложением. Эти два компонента ССЦ связаны цепной связью «подлежащее – определение» посредством местоимения (*кар* ‘снег’ – *аның* ‘от него’).

Второе предложение – аналитическое сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным. *Быел кыш нинди иртә килә* ‘как рано идет в этом году зима’ – придаточное предложение. Между первым и вторым предложениями установлена параллельная связь с единым планом настоящего времени (*ява* ‘идет’ – *килә* ‘наступает’).

Третье предложение – бессоюзное сложносочиненное предложение. Между вторым и третьим предложением – параллельная связь.

Четвертое – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение. Слово *хәер* ‘хотя’ устанавливает уступительное значение.

Третье и четвертое предложения связаны цепной связью, посредством частичного лексического повтора (*кар-бураннар* ‘метели’, *кар* ‘снег’).

Пятое – союзное сложносочиненное предложение, осложненное обособленным обстоятельством времени.

Четвертое предложение к пятому присоединяется цепной связью «сказуемое – определение» посредством местоимения (*кар* ‘снег’ – *аның* ‘от него’).

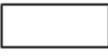
Зачины сложного синтаксического целого, построенного по периодически расширяющейся языковой модели, представляют собой простое предложение. Каждое последующее предложение имеет более сложную структуру относительно предыдущего предложения. Далее идет

одно или несколько простых предложений и продолжается расширение за счет сложных предложений.

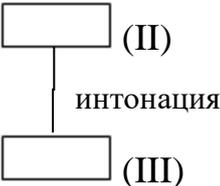
Тема ССЦ – *кыш килә* ‘наступает зима’.

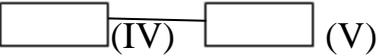
Смысловое ядро ССЦ – *кар* ‘снег’.

Схема ССЦ:

1. (I)

$\left. \begin{array}{l} \text{Зачин} = \text{концовка (5)} \\ \text{кар} = \text{аның 'снег} = \text{от него'} \\ \text{«подлежащее – определение»} \end{array} \right\}$

1 // 2 *ява // килә* ‘идет // наступает’
2. (II)
интонация
(III)
с придаточн. дополн.

2 // 3
3. (IV) — (V)
сложносочин. предложение

3 = 4 *кар бураннар = кар* ‘метели = снег’
«подлежащее – сказуемое»
4. (VI)

4 = 5 *кар = аның* ‘снег = от него’
«сказуемое – определение»
5. (VII) да (VIII)
с обособлен. обстоят. времени

$\left. \begin{array}{l} \text{Концовка} = \text{зачин (1)} \end{array} \right\}$

Сужающаяся языковая модель также состоит из простых и сложных предложений. Но в данной модели каждое последующее предложение имеет более простую структуру, по сравнению с предыдущей. Данную языковую модель графически обозначили такой фигурой: . Эту модель «отражает

другой вариант мыслительного процесса, который протекает по дедуктивному типу: от общего к частному, от сложного к простому» [Папуша, 2011, с. 89].

Рассмотрим примеры.

(1) *Кояш-йолдызлары белән бөтен дөнъя чайкала кебек (I), һәр үлән, агач, яфрак елый... (II) (2) Әй син, кеше, кылган эшләрең дөнъяның кай җирен булса да яктырттымы? (III) (3) Адам баласы көньяшәр күбәләк түгел (IV). (4) Ул – тәне-вәҗүде белән дә, рухы белән дә көчле, гайрәтле зат (V). (5) Аның тормышында бөөклек сукмагы белән фәҗигале уккыннар һәрвакыт янәшә (VI). (6) Киләчәк каршына шулар аша узарга тиешең (VII)* [Низами, 2011, с. 18]. / ‘Будто качается весь мир вместе с солнцем, звездами, плачет каждая трава, дерево, лист. Эй ты, человек, твои поступки осветили ли какую-нибудь часть мира? Человек не бабочка-однодневка. Он – существо сильное, отважное и телом и душой. В его жизни всегда рядом трагическая бездна и тропа величия. В будущее должен пройти через них.’

ССЦ состоит из шести предложений.

Первое предложение формирует зачин. Концовка – шестое предложение.

Первое предложение – бессоюзное сложносочиненное. Второй компонент осложнен однородными подлежащими.

Шестое – простое, двусоставное, распространенное, неполное предложение. Оно с пятым связывается цепной связью «подлежащее – обстоятельство» посредством местоимения (*сукмагы, уккыннар* ‘тропа, бездна’ – *шулар (аша)* ‘(через) них’).

2–5 предложения – медиальная часть.

Второе – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение, осложненное обращением *кеше* ‘человек’. По цели высказывания – вопросительное предложение. Первое и второе предложение

связаны цепной связью «подлежащее – определение» посредством лексического повтора (*дөнья* ‘мир’ – *дөньяның* ‘мира’).

Третье – простое предложение. Между ним и вторым предложением установлена цепная связь «обращение – подлежащее» посредством синонимов (*кеше* ‘человек’ – *адам баласы* ‘человек’). По цели высказывания является вопросительным предложением.

Четвертое предложение – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение, осложненное однородными определениями и однородными обстоятельствами.

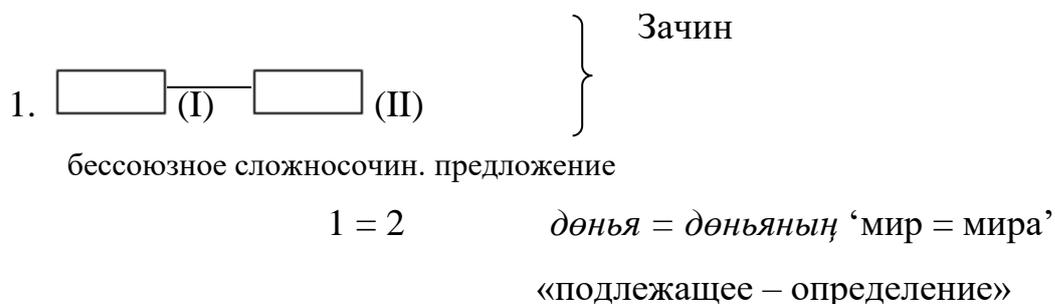
Третье и четвертое предложение связаны параллельной связью. В них именные сказуемые выражены именем существительным (*күбәләк* ‘бабочка’, *зат* ‘существо’). Подлежащее третьего предложения *адам баласы* ‘человек’ в четвертом предложении заменен местоимением *ул* ‘он’. Так как они расположены в начале предложений, являются показателем параллельной связи, а не цепной.

Пятое – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение, с однородными подлежащими (*сукмагы* ‘тропа’, *упкыннар* ‘бездна’). Пятое предложение с четвертым связано цепной связью «подлежащее – определение» посредством местоимения (*ул* ‘он’, *аның* ‘его’).

Тема ССЦ – *адам баласы* ‘человек’.

Смысловое ядро ССЦ – *кеше* ‘человек’.

Схема ССЦ:

2. (III)

вопросительн. предложение

2 = 3

кеше = адам баласы ‘человек = человек’

«обращение – подлежащее»

3. (IV)

3 // 4

адам баласы // ул ‘человек // он’4. (V)

4 = 5

ул = аның ‘он = его’

«подлежащее – определение»

5. (VI)

5 = 6

сукмагы, упкыннар = шулар (аша)

‘тропа, бездна = (через) них’

«подлежащее – обстоятельство»

6. (VII)

}

Концовка

Приведем пример из медиатекста.

(1) *Узган гасырның 90 нчы еллары белән чагыштырганда (I), Татарстанда жинаятьләр саны бер ярым-ике тапкырга кимегән (II).*
 (2) *Урамнарда тынычрак булып китте (III), ләкин жинаятьчелек юкка чыкмады (IV).* (3) *Бу хакта «Татмедиа» АЖ генераль директоры Андрей Кузьминга интервьюда Татарстан Республикасы буенча эчке эшләр министры Артем Хохорин сөйләде (V)* [Татар-информ, 2019, 16 нояб.]. / ‘По сравнению с 90 годами прошлого века, в Татарстане количество преступлений уменьшилось в полтора-два раза. На улицах стало спокойнее, но преступность не исчезла. Об этом рассказал министр внутренних дел по

Республике Татарстан Артем Хохорин в своем интервью генеральному директору АО «Татмедиа» Андрею Кузьмину.»

Сложное синтаксическое целое состоит из трех предложений. Первое предложение формирует зачин, третье – концовку.

Первое предложение – синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным условным. *Татарстанда жинаятьләр саны бер ярым-ике тапкырга кимегән* ‘в Татарстане количество преступлений уменьшилось в полтора-два раза’ является главным предложением. *Узган гасырның 90 нчы еллары белән чагыштырганда* ‘По сравнению с 90 годами прошлого века’ – придаточное предложение. Средством связи выступает аффикс местно-временного падежа, присоединенный к глаголу (-ганда).

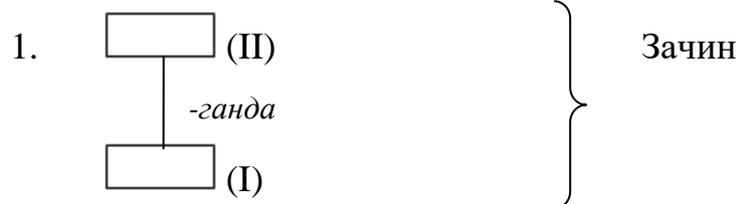
Второе – союзное сложносочиненное предложение. Средство связи – противительный союз *ләкин* ‘но’. Между первым и вторым предложением наблюдаем цепную связь «определение – подлежащее» (*жинаятьләр* ‘преступления’, *жинаятьчелек* ‘преступность’).

Третье – двусоставное, распространенное простое предложение. С предыдущим предложением оно связано параллельной связью.

Тема ССЦ – *Татарстанда жинаятьләр саны* ‘количество преступлений в Татарстане’.

Смысловое ядро ССЦ – *жинаять, жинаятьчелек* ‘преступление, преступность’.

Схема ССЦ:

с придаточн. условным

жинаятьләр = *жинаятьчелек*

1 = 2

‘преступление = преступность’

«определение – подлежащее»

2. (III) *ләкин (но)* (IV)

союзное сложносочин. предложение

2 // 3

3. (V) } Концовка

Зачин сложного синтаксического целого, построенного по сужающейся языковой модели, всегда должен быть сложным предложением или сложной синтаксической конструкцией. Структура последующих предложений упрощается.

Концовка таких ССЦ – всегда простое предложение.

Периодически сужающаяся языковая модель также объединяет простые и сложные предложения. Графически обозначили следующей фигурой: . Данная конструкция напоминает сужающуюся модель. Разница в том, что в данном случае сужающаяся модель периодически повторяется.

(1) *Бу авылның (гомумән, Арча районындагы өч Бирэзәнең дә) икешәр исеме бар икән (I): берсе – документта (II), берсе – халык телендә (III). (2) Шуңа күрә, Югары Бирэзәне эзләп, Зур, Урта Бирэзаләр һәм Бирэзәбаи авыллары арасында буталып йөрдек (IV). (3) Аннан Урта һәм Югары Бирэзаләр арасындагы барлы-юклы ике чакрым араны әсиңел машина белән үтәр өчен (V) юл юк икән (VI), шунлыктан дистәләп чакрым әйләнгечтән йөрергә мәҗбүрләр (VII). (4) Кызганычка, бу әлеге авыллардагы бердәнбер генә проблема булып чыкмады (VIII) [Ватаным Татарстан, 2013, 21 дек.]. / ‘У этой деревни (да и вообще у всех трех деревень с названием Верези в Арском районе) было по два названия: одно – в документе, другое – народное название. Поэтому в поисках верхней Верези мы запутались между деревнями Большие, Средние Верези и Верецагино. Оказывается, нет*

дороги, чтобы проехать на легковом автомобиле расстояние примерно в два километра между Средними и Верхними Верезями, поэтому вынуждены объезжать десятки километров. К сожалению, это оказалось не единственной проблемой в этих деревнях.’

ССЦ состоит из четырех предложений. Зачин выражен первым предложением, концовка – четвертым.

Первое предложение – многочленное сложноподчиненное предложение с однородным подчинением. К главному предложению *Бу авылның (гомумән, Арча районындагы өч Бирэзәнең дә) икешәр исеме бар икән* ‘У этой деревни (да и вообще у всех трех деревень с названием Верези в Арском районе) было по два названия’ относятся два зависимых предложения, которые по значению однородны. Предложения *берсе – документта, берсе – халык телендә* ‘одно – в документе, другое – народное название’ – придаточные определительные предложения.

Главное предложение осложнено пояснением (*гомумән, Арча районындагы өч Бирэзәнең дә*) ‘(да и вообще у всех трех деревень с названием Верези в Арском районе)’. Средством связи между главным и придаточными предложениями выступает интонация. Между компонентами сложной конструкции устанавливается аналитический вид связи.

Четвертое предложение – двусоставное, распространённое простое предложение. Оно с предыдущим предложением связано вводным словом *кызганычка* ‘к сожалению’ и местоимением *бу* ‘это’.

2–3 предложения формируют медиальную часть.

Второе – двусоставное, распространённое, неполное, простое предложение, осложненное обособленным обстоятельством причины. Между вторым и первым предложениями средством связи выступает относительное слово *шуңа күрә* ‘поэтому’, которое устанавливает причинное отношение.

Также цепная связь «определение – дополнение» посредством лексического повтора (*Бирэзәнең* ‘Везези’ – *Бирэзәне* ‘Везези’).

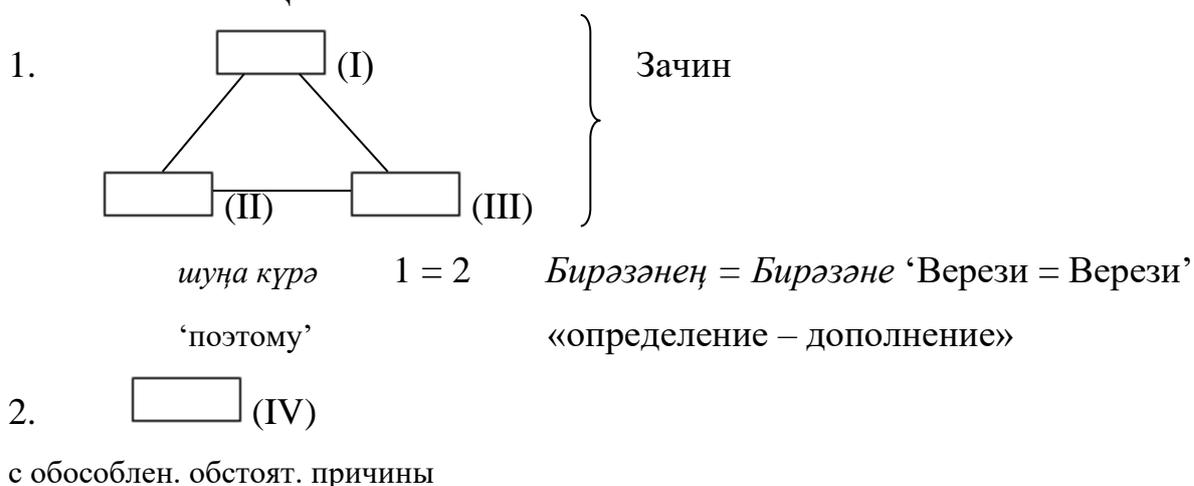
Третье предложение – многочленное сложноподчиненное предложение с неоднородным подчинением. Главное предложение – *Юл юк икән* ‘оказывается, нет дороги’. *Аннан Урта һәм Югары Бирэзаләр арасындагы барлы-юклы ике чакрым араны эңиңел машина белән үтәр өчен* ‘чтобы проехать на легковом автомобиле расстояние примерно в два километра между Средним и Верхним Везези’ – придаточное предложение цели. Средством связи между главным и придаточным выступает синтетическое средство связи *үтәр өчен* ‘чтобы проехать’. *Шунлыктан дистәләп чакрым айлангечтән йөрергә мәҗбүрләр* ‘поэтому вынуждены объезжать десятки километров’ – придаточное причинное предложение. Средством связи между главным и придаточным – относительное слово *шунлыктан* ‘поэтому’.

Второе и третье предложения ССЦ связаны цепной связью «обстоятельство – определение» посредством лексического повтора (*Бирэзаләр арасында* ‘между Везези’ – *Бирэзаләр арасындагы* ‘между Везези’).

Тема ССЦ – *Арчаның өч авылы* ‘три деревни Арска’.

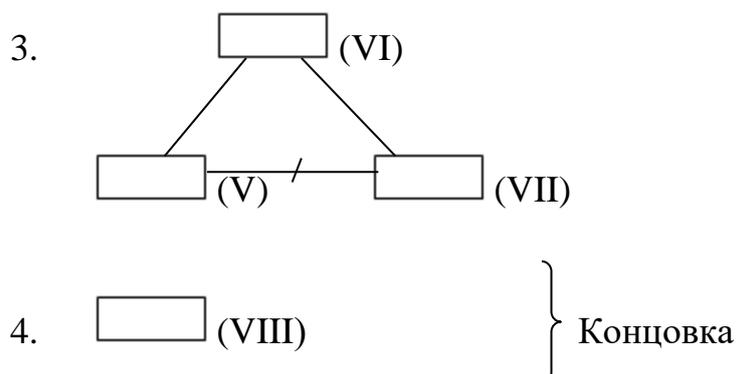
Смысловое ядро ССЦ – *өч Бирэзә* ‘три Везези’.

Схема ССЦ:

Бирэзаләр арасында = Бирэзаләр арасындагы

2 = 3 ‘между Вези = между Вези’
«обстоятельство – определение»

Зачин сложного синтаксического целого, построенного по периодической сужающейся языковой модели, представляет собой сложное предложение. Концовка – всегда простое предложение.

Комбинированная языковая модель «ромб» содержит в своем составе и простые, и сложные предложения различных видов.

Данную языковую модель графически обозначили следующей фигурой: . Она активно используется во всех функциональных стилях.

(1) *Укыргамы (I)? (2) Юкмы (II)?*

(3) *Укымаса (III), хэзер торып, кунакханәсенә кайтыр да, бер саташу итеп кенә башыннан чыгарып атып, берни булмагандай, өенә кайтып китәр (IV). (4) Гомере узган бит инде (V), кирәкме аңа бу үзгәреш (VI)? (5) Көче, сабырлыгы, саламәтлеге житәрме (VII)* [Ибраһимова, 2020. URL: <http://kazanutlary.ru/news/hikaya/kkkk-balasy-khikya>] / ‘Читать? Нет?’

Если не прочтет, то сейчас встанет, вернется в гостиницу и выкинет все из головы, будто все было как помешательство, и как ни в чем не бывало уедет домой. Жизнь ведь уже прошла, нужна ли ей эта перемена? Силы, терпения, здоровья хватит?’

Сложное синтаксическое целое состоит из пяти предложений. Зачин формируют первое и второе предложения. Концовкой являются четвертое и пятое предложения.

Первое и второе предложения односоставные, нераспространенные предложения. Второе предложение напоминает слово-предложение. Но наличие вопросительной частицы *-мы* создает возможность распространения. По цели высказывания они оба вопросительные. Между этими двумя предложениями параллельная связь. Они имеют одинаковую грамматическую форму.

Четвертое предложение – бессоюзное сложносочиненное. По цели высказывания является вопросительным предложением.

Пятое предложение – простое, двусоставное, нераспространенное, полное предложение с однородными подлежащими. По цели высказывания также вопросительное предложение. Тем самым формируется грамматическая целостность зачина и концовки. Между двумя этими компонентами ССЦ установлена параллельная связь.

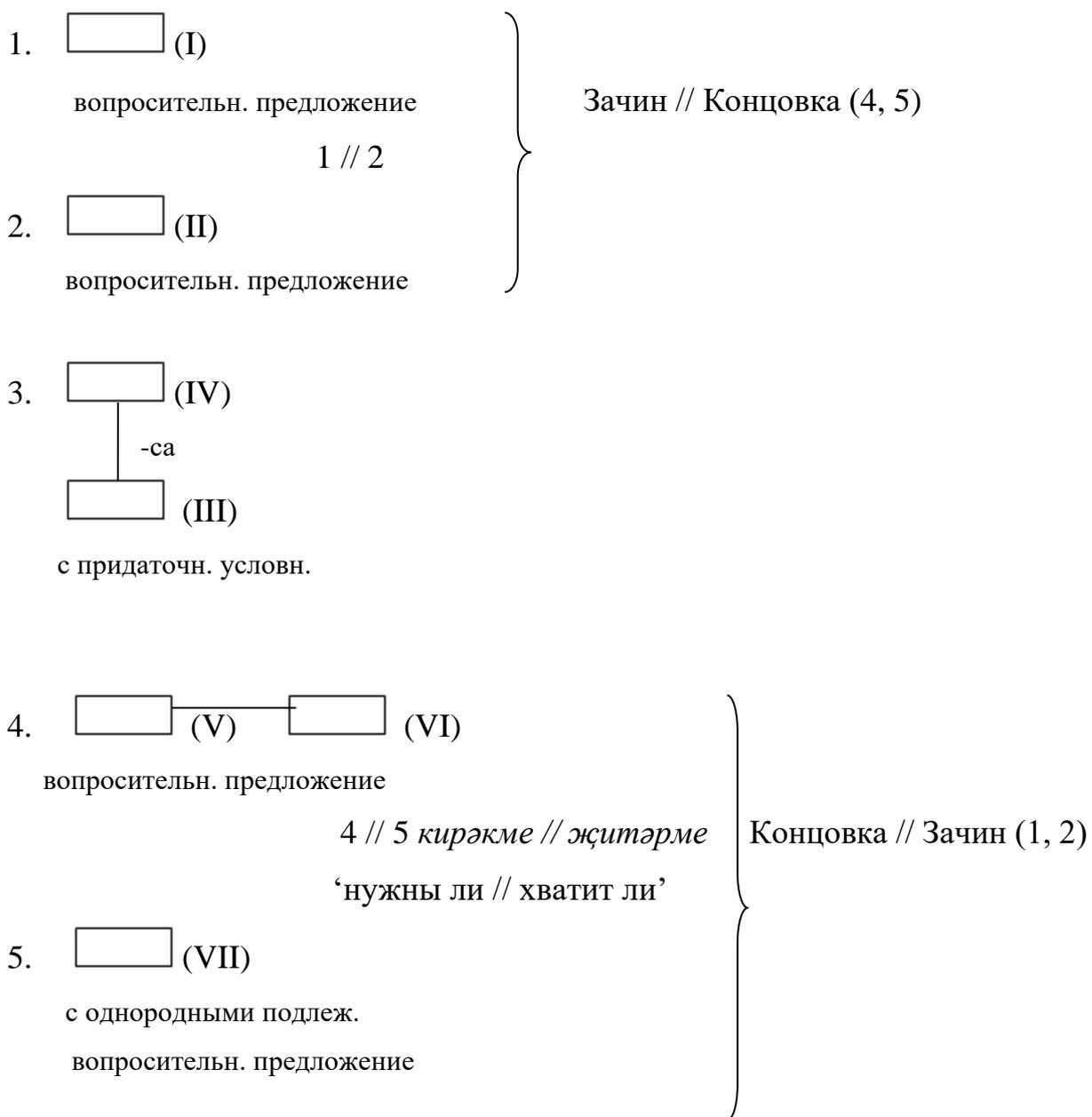
Между четвертым и пятым предложением – параллельная связь. Сказуемые употреблены в одной морфологической форме (*кирәкме* ‘нужна ли’ – *житәрме* ‘хватит ли’), и они оба вопросительные предложения.

Третье предложение формирует медиальную часть ССЦ. Это синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным условным. *Хәзер торып, кунакханәсенә кайтыр да, бер саташу итеп кенә башыннан чыгарып атып, берни булмагандай, өенә кайтып китәр* ‘то сейчас встанет, вернется в гостиницу и выкинет все из головы, будто все было как помешательство, и как ни в чем не бывало, уедет домой’ выступает главным предложением по отношению к придаточному *укымага* ‘если не прочтет’. Главное предложение осложнено обособленными обстоятельствами и однородными сказуемыми.

Тема ССЦ – *үзгәреш* ‘перемена’.

Смысловое ядро ССЦ – *укыргамы* ‘читать’.

Схема ССЦ:

Зачин и концовка сложного синтаксического целого, построенного по комбинированной модели «ромб», представляют собой простые предложения. Если эти компоненты формируются из нескольких предложений, то могут в их состав входить и сложные предложения. Но в зачине – первое, а в концовке последнее предложение должны быть простыми.

В медиальной части могут быть и простые, и сложные предложения, а наличие сложного – обязательно.

Комбинированная языковая модель «песочные часы» также объединяет в себе простые и сложные предложения. Графически данный тип ССЦ обозначили следующей фигурой:

Проанализируем пример ССЦ из медиатекста.

(1) 2014 елда (I) башкалабыз Казан төрки дөнъяның мәдәни башкаласы дип (II) игълан ителде (I). (2) Инде бер ел алдан республикабызда зур әзерлек эшләре барды (III). (3) Бу ел рамкаларында каралган мәдәни чаралар грандиоз булыр, дип (IV) көтелде (V) [Туганайлар, 2014, 30 сент.]. / ‘В 2014 году столица Казань была объявлена культурной столицей тюркского мира. За год до этого в республике шла большая подготовительная работа. Ожидалось, что культурные мероприятия, запланированные в рамках этого года, будут грандиозными.’

ССЦ состоит из трех предложений. Первое предложение формирует зачин. Оно выражено аналитическим сложноподчиненным предложением с придаточным дополнительным. *2014 елда игълан ителде* ‘В 2014 году была объявлена’ – главное предложение. *Башкалабыз Казан төрки дөнъяның мәдәни башкаласы дип* ‘столица Казань культурной столицей тюркского мира’ – придаточное предложение. Средство связи между главным и второстепенным – слово *дип*.

Третье предложение – концовка. Оно аналитическое сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным. Главное предложение – *көтелде* ‘ожидалось’. Придаточное – *бу ел рамкаларында каралган мәдәни чаралар грандиоз булыр, дип* ‘что культурные мероприятия, запланированные в рамках этого года, будут грандиозными’.

Второе предложение – двусоставное, распространенное, простое.

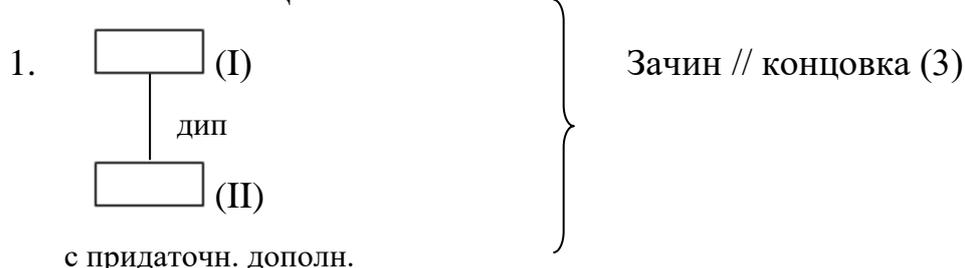
Между предложениями сложного синтаксического целого наблюдается параллельная связь. Сказуемые имеют одинаковую морфологическую форму: прошедшее категорическое время.

Это описательное сложное синтаксическое целое с единым планом прошедшего времени.

Тема ССЦ – *мәдәни башкала* ‘культурная столица’.

Смысловое ядро ССЦ – *башкала* ‘столица’.

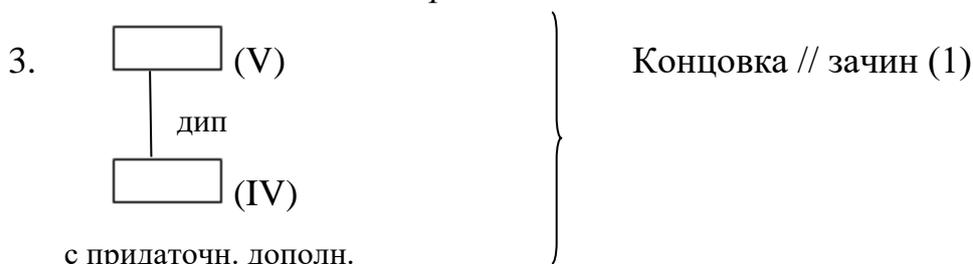
Схема ССЦ:

1 // 2 *игълан ителде // барды* ‘была объявлена // шла’

3.

2 // 3 *барды // кәтелде* ‘шла // ожидалось’

(1) *15–17 яшьлек кызлар һәм егетләр чыгыш ясаган (I) турнирда бил алышулар ике төрдә узды (II). (2) Сүз уңаеннан, ирекле стильдә Татарстан көрәшчеләре аерым команда булып чыгыш ясады (III). (3) Якташларыбыз бу төрдә барлыгы 11 медаль яулады (IV). (4) Егетләр ярышында Алексей Абрамов – көмеш, Евгений Ласточкин, Михаил Дагаев, Вадим Демидов һәм Ильяс Газизуллин бронза медаль иясе булды (V). (5) Кызлар бәйгесендә исә Регина Нуретдинова белән Рүзилә Мөхәммәтова өченче урыннарны алса (VI), берьюлы дүрт гүзәлебез – Камилла Елисеева, Диләрә Латыпова, Алина Проворова һәм Альбина Шәмсетдинова чемпион исемен яулады (VII)*

[Ватаным Татарстан, 2014, 17 дек.]. / ‘В турнире, где выступали девушки и юноши 15–17 лет, соревнования по национальной борьбе проходили в два тура. К слову, татарстанские борцы в вольном стиле выступили отдельной командой. Наши земляки в этом виде завоевали 11 медалей. Среди юношей обладателем серебрянной медали стал Алексей Абрамов, бронзовой медали – Евгений Ласточкин, Михаил Дагаев, Вадим Демидов и Ильяс Газизуллин. Среди девушек Регина Нуретдинова и Рузиля Мухамметова завоевали третье место, а четыре наши красавицы – Камилла Елисеева, Диляра Латыпова, Алина Проворова и Альбина Шамсетдинова стали чемпионками.’

ССЦ состоит из пяти предложений. Первое предложение формирует зачин. Четвертое и пятое предложения – концовку.

Первое предложение – сложноподчиненное предложение с придаточным определительным. Главное предложение – *турнирда бил алышулар ике төрдә узды* ‘В турнире соревнования по национальной борьбе проходили в два тура’. Придаточное предложение – *15–17 яшьлек кызлар һәм егетләр чыгыш ясаган* ‘где выступали девушки и юноши 15–17 лет’. Средством связи между главным и придаточным предложениями выступает примыкание.

Четвертое предложение – простое, двусоставное, распространенное, полное, осложненное однородными подлежащими и определениями.

Пятое предложение – синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным условным. *Берьюлы дүрт гүзәлебез – Камилла Елисеева, Дилярә Латыпова, Алина Проворова һәм Альбина Шамсетдинова чемпион исемен яулады* ‘четыре наши красавицы – Камилла Елисеева, Диляра Латыпова, Алина Проворова и Альбина Шамсетдинова стали чемпионками’ – главное предложение по отношению к придаточному *кызлар бәйгесендә исә Регина Нуретдинова белән Рузилә Мөхәммәтова өченче урыннарны алса*

‘среди девушек, если Регина Нуретдинова и Рузиля Мухамметова завоевали третье место’. Данное предложение осложнено однородными подлежащими.

Между предложениями концовки наблюдаем параллельную связь. Они имеют одинаковую структуру, глагольные сказуемые выражены одинаковой морфологической формой (*булды* ‘стали’ – *яулады* ‘завоевали’).

Второе и третье предложения формируют медиальную часть ССЦ. Второе предложение – простое, двусоставное, распространенное, полное, осложненное вводным словом.

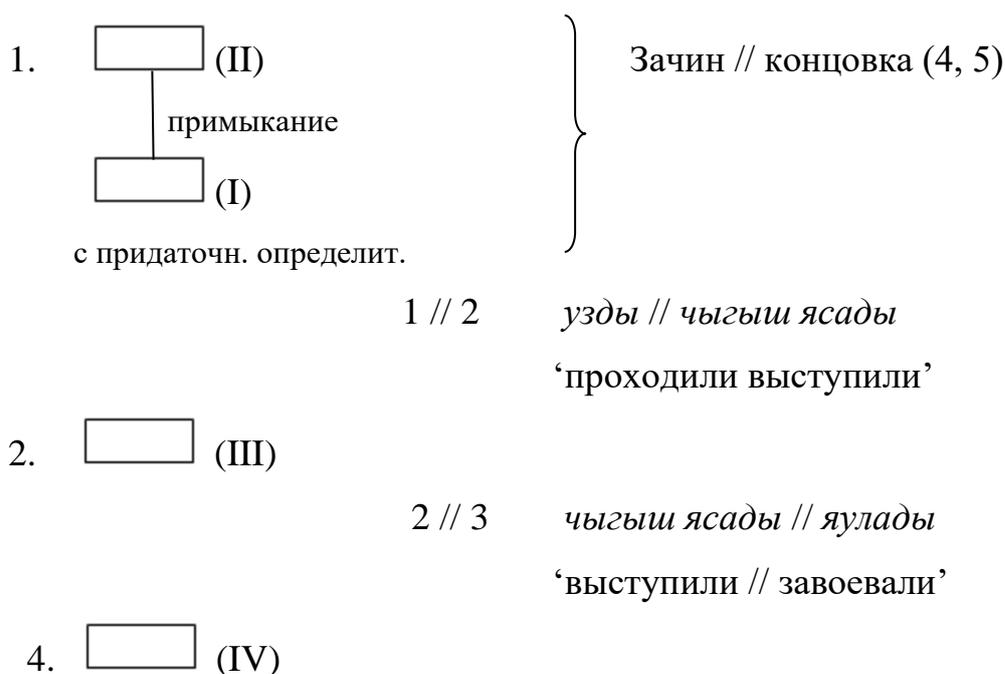
Третье предложение – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение. Третье и четвертое предложения связаны параллельной связью.

Это описательное сложное синтаксическое целое с единым планом прошедшего времени.

Тема ССЦ – *турнирда* ‘на турнире’.

Смысловое ядро ССЦ – *ярыш, бэйге* ‘соревнование’.

Схема ССЦ:

		3 // 4	<i>яулады // булды</i>	
			‘завоевали // стал’	
5.	<input type="text"/> (V)			} Концовка // зачин (1)
		4 // 5	<i>булды // яулады</i>	
			‘стал // завоевали’	
6.	<input type="text"/> (VII) -са <input type="text"/> (VI)			

с однородными подлежащ.
с придаточн. условн.

Зачин и концовка сложного синтаксического целого, построенного по смешанной модели «песочные часы», представляют собой сложное предложение. В медиальной части могут быть и простые, и сложные предложения. Но обязательно должно быть простое предложение.

Итак, рассмотрев синтаксические модели соединения предложений в сложных синтаксических целых, определили виды ССЦ по внешней форме. В ходе проведения исследования (проведен анализ 13 ССЦ) сделали выводы о том, что в татарском языке имеются следующие модели ССЦ: сложное синтаксическое целое простой модели и сложное синтаксическое целое смешанной модели. ССЦ простой модели бывает двух видов: модель, построенная на основании сочетания простых предложений и модель, построенная на основании сочетания сложных предложений.

Внутри ССЦ смешанной модели выделяются шесть видов: расширяющаяся языковая модель, периодически расширяющаяся языковая модель, сужающаяся языковая модель, периодически сужающаяся языковая модель, комбинированная языковая модель «ромб», комбинированная языковая модель «песочные часы».

Комплексный анализ внешней формы ССЦ состоит из описания структуры ССЦ, выявления темы, смыслового ядра и схемы ССЦ (порядок и образец схемы в нашем исследовании в татарском языке предлагается впервые).

Выводы по второй главе

В данной главе были рассмотрены особенности композиции сложных синтаксических целых. Проведен подробный анализ структурных типов ССЦ, роль средств связи в ССЦ и синтаксические модели соединения предложений в ССЦ.

Мы пришли к выводу о том, что синтаксическая связь между предложениями ССЦ выражается в их структурной соотнесенности. Одним из наиболее распространенных способов синтаксической связи между предложениями является цепная связь. Она выражается в существовании синтаксических соотношений между членами предложений: «подлежащее – дополнение», «дополнение – подлежащее», «подлежащее – подлежащее», «дополнение – дополнение» и др. В них средством связи выступают повтор определенной лексики, использование синонимов, антонимов, местоимений.

С синтаксической точки зрения между разновидностями цепной связи почти нет различий. Однако местоименная связь более тесно объединяет предложения, чем связь посредством повтора, синонимическая или антонимическая связь. Виды цепной связи различаются прежде всего стилистически: местоименная цепная связь, как правило, стилистически нейтральна.

Цепная связь используется во всех функциональных стилях. И все же можно отметить, что лексический повтор наиболее характерен для научного и официально-делового стиля; цепная синонимическая и цепная местоименная связи широко используются в публицистике. В художественной литературе, публицистике можно найти все виды цепной связи.

При параллельной связи наблюдается употребление в одинаковой грамматической форме одного, нескольких либо всех членов предложений.

Выделяются повествовательные, описательные и анафорические сложные синтаксические целые. Эти три вида параллельной связи употребляются в текстах всех функциональных стилей (повествовательные более характерны для литературно-художественного стиля, стиля массовой коммуникации).

В кольцевых ССЦ зачин и концовка полностью или частично лексически совпадают. Они более активны в литературно-художественном стиле.

Все аналитические виды средств подчинительной связи, сочинительные союзы, союзные слова и вводные слова применяются в сложном синтаксическом целом. Отметим, синтетические и парные аналитические средства связи не участвуют в организации грамматических связей между предложениями ССЦ. Все они, помимо смысловой функции, выполняют композиционно-синтаксическую функцию.

Все эти средства связи активно употребляются во всех стилях речи.

Сочинительные союзы выражают отношения одновременности, последовательности и отношения присоединения. Ранее утверждалось, что разделительные союзы не могут стать средством связи в ССЦ, наше исследование показало обратное.

Союз *һәм* 'и, да' в значении 'и' устанавливает сочинительные, причинно-следственные и присоединительные отношения; союзы *тағын, тағы, янә* 'снова, еще' указывают на повторяющиеся действия или следование одного процесса за другим; союзы *ә, әмма, ләкин* 'а, но, однако' противопоставляют одно действие другому; союзы *тик, бары, фәкать* 'лишь, только' выражают ограничительное противопоставление; союзы *балки, мәгәр, хәлбуки* 'может, но, однако' выражают противопоставление; союзы *яки, я, яисә* 'или, либо' перечисляют взаимоисключающие явления.

Как показывает наше исследование, подчинительные союзы также выступают средством связи между предложениями и компонентами ССЦ.

Союз *ки* вместе с вводным словом *билгеле* ‘известно’ выражает изъяснительное отношение; союз *эгәр* ‘если’ выражает условное отношение; союз *гәрчә* ‘хотя, хоть’ употребляется для связи уступительных оборотов; союз *чөнки* ‘так как, ибо, потому что’ выражает причинно-следственное отношение; союз *гүя* ‘будто, словно’ указывает на сопоставление, сравнение; союз *ягъни* ‘то есть’ выражает уточнительные, пояснительные отношения; составные союзы *ник дисәң, нигә дисәң, ник дигәндә* ‘так как, ибо’ выражают следственно-причинные отношения; союз *хәтта* ‘даже’ сохраняет усилительное значение и в то же время выступает как уточнительный союз.

Союзные слова, выступая средством связи в ССЦ, выражают процесс или явление, которому уподобляется процесс или явление, обозначенное каким-либо членом предыдущего предложения ССЦ (союзные слова *әйтерсең, әйтерсең лә* ‘будто, как будто’), временное отношение, внезапность (союзное слово *ул да түгел* ‘и вдруг’).

Относительные слова выступают средством связи и в сложных синтаксических целых. Они выражают объектные, причинно-следственные, временные, уступительные отношения, меру и степень действия и признака и др.

Вводные слова, союзы, союзные слова и относительные слова не выступают главным средством связи между предложениями ССЦ. Они лишь подчеркивают, усиливают структурные связи между предложениями, компонентами ССЦ. Вводные слова выражают следующие модальные отношения: уверенность, что сообщение соответствует действительности, что говорящий не сомневается в его достоверности; неуверенность, что сообщение соответствует действительности; определение источника данного сообщения; уверенность в том, что о сообщаемом факте давно известно; установление различных связей между высказываемыми мыслями,

выделение каких-либо оттенков, противопоставление или сравнение, обобщение и т. д.

В ходе исследования нами зафиксированы такие сложные ССЦ, в которых логико-смысловые отношения между предложениями осуществляются посредством вводных слов *чынлап та*, *чыннан да* ‘действительно’, *албатта* ‘конечно’, *шөбһәсез*, *шиксез*, *һичшиксез* ‘несомненно’, *билгеле* ‘известно’, *бәхәссез* ‘беспорно’, *ахырысы* ‘видимо, вероятно’, *никтер*, *ни өчендер* ‘почему-то’, *бәлки*, *күрәсең*, *ихтимал* ‘вероятно, возможно, видимо’, *минемчә* ‘по-моему’, *минем уемча* ‘как мне думается’, *синеңчә* ‘по-твоему’, *аның фикеренчә* ‘по его мнению’, *безнең фикеребезчә* ‘по нашему мнению’, *мисал өчен* ‘например’, *мәсәлән* ‘например’, *ниһаять* ‘наконец’, *гомумән* ‘вообще’, *киресенчә* ‘наоборот’, *беренчедән* ‘во-первых’, *димәк* ‘следовательно’, *кыскасы* ‘короче’, *әйттик* ‘скажем’, *хәер* ‘впрочем’, *асылда* ‘на самом деле, в действительности’, *ахыр килеп* ‘в конце концов’, *алайга китсә* ‘если так’, *гомумән* ‘в целом, вообще, в общем’ и др.

Между частями ССЦ, где предложения связаны посредством интонации, устанавливается три типа отношений: предикативное, конкретизирующее и пояснительное. Такие примеры зафиксированы в художественных, научных и медийных текстах.

В ходе исследования мы выявили два вида ССЦ по их внешней форме и предлагаем для их обозначения следующие термины: сложное синтаксическое целое простой модели и сложное синтаксическое целое смешанной модели. Сложное синтаксическое целое простой модели делится на два вида: модель, построенная на основании сочетания простых предложений; модель, построенная на основании сочетания сложных предложений. В модели, построенной на основании сочетания простых предложений, все компоненты выражаются простыми предложениями, в

модели, построенной на основании сочетания сложных предложений, зачин, концовка и медиальная часть всегда выражаются сложными предложениями, сложными конструкциями.

Эти языковые модели довольно продуктивны и часто используются для построения сложных синтаксических целых художественного текста, а также стиля массовой коммуникации и научного стиля.

Сложное синтаксическое целое смешанной модели бывает шести видов: расширяющаяся языковая модель; периодически расширяющаяся языковая модель; сужающаяся языковая модель; периодически сужающаяся языковая модель; комбинированная языковая модель «ромб»; комбинированная языковая модель «песочные часы».

Языковые комбинированные модели в обоих вариантах, как и модель сочетания простых и сложных предложений, довольно продуктивны в художественных, научных и медиатекстах.

В расширяющейся языковой модели обоих видов каждое последующее предложение имеет более сложную структуру, по сравнению с предыдущей. В сужающейся языковой модели, напротив, каждое последующее предложение имеет более простую структуру, по сравнению с предыдущей.

Зачин сложного синтаксического целого, построенного по расширяющейся, периодически расширяющейся модели, всегда представлен простым предложением любой структуры. Зачин сложного синтаксического целого, построенного по сужающейся, периодически сужающейся модели, всегда представлен сложным предложением.

Концовка сложного синтаксического целого, построенного по расширяющейся, периодически расширяющейся модели, всегда представлена сложным предложением любой структуры. Концовка сложного синтаксического целого, построенного по сужающейся, периодически

сужающейся модели, всегда представлена простым предложением, которое может быть как осложненным, так и неосложненным.

Комбинированная модель «ромб» имеет простое предложение как в зачине, так и в концовке, а модель «песочные часы» – сложное предложение любой структуры.

Медиальные части всех смешанных моделей могут содержать как простые, так и сложные предложения.

Глава 3. Специфика сложных синтаксических целых в зависимости от функционального стиля языка

3.1. Структурно-семантические особенности сложного синтаксического целого в художественной литературе

В татарском языке относительно вопроса классификации функциональных стилей речи существуют разные мнения. Х.Р. Курбатов, например, выделил два основных стиля: письменный и разговорный. В письменный стиль включены были стиль деловых бумаг, научный (*фәнни-иншалар*) и публицистический стиль [Курбатов, 1971, с. 12–13]. В.Х. Хаковым выделяются такие стили, как художественно-литературный, публицистический, эпистолярный и научный стили [Хаков, 1972, с. 110, 221]. М.З. Закиевым была предложена следующая классификация: литературный стиль, публицистический стиль, научный стиль, официальный стиль и разговорный стиль [Закиев, 1981, с. 149]. С.М. Ибрагимов классифицирует функциональные стили татарского языка следующим образом: литературно-художественный стиль, публицистический стиль, научный стиль, стиль официально-деловых бумаг, эпистолярный стиль (*хатлар стиле*) [Ибраһимов С. , 2008, с. 8–21].

В данной главе диссертационного исследования изучаются, анализируются ССЦ в литературно-художественном, научном и официально-деловом стилях и стиле массовой коммуникации татарского языка. Данный выбор обосновывается тем, что письменное общение опосредовано через письменный текст, а это значит, что в письменной коммуникации автор текста имеет возможность обдумать структуру текста, его композицию, а также осуществить отбор языковых средств в соответствии с главными и второстепенными целеустановками текста.

Литературно-художественный стиль – язык литературных произведений. Именно он создает основу литературного языка. Слова, словосочетания и предложения, характерные для данного стиля, воспитывают эстетические чувства, то есть основная функция художественного стиля – эстетическая функция. По данному признаку литературно-художественный стиль, отражающий эстетическую реальность, противопоставляется четырем стилям, имеющим дело с объектами реальной жизни. В науке до сих пор не утихает спор о том, следует ли литературно-художественный стиль рассматривать в одном ряду с остальными функциональными стилями. Татарские лингвисты в своих трудах выступают за включение стиля художественной литературы в ряд функциональных стилей. С.М. Ибрагимов высказал мнение о том, что стиль художественной литературы не может считаться совокупностью остальных стилей, он должен рассматриваться вместе с остальными функциональными стилями, так как на него в общественной жизни возложена своя функция. Включение в литературный текст элементов других функциональных стилей не доказывает обратное [Ибрагимов С., 2008, с. 7]. В нашем исследовании литературно-художественный стиль рассматривается наряду с остальными функциональными стилями.

При комплексном анализе художественного текста внимание акцентируется на выявлении языковых особенностей (фонетических, лексико-фразеологических, грамматических). В ходе работы опирались на труды таких ученых, как Р.С. Абдуллина, И.Б. Баширова, Г.Р. Галиуллина, Ф.Г. Галлямов, М.З. Закиев, Т.И. Ибрагимов, Х.Р. Курбатов, Г.А. Набиуллина, Ф.Ш. Нуриева, Р.К. Сагдиева, Х.Х. Салимов, Ф.С. Сафиуллина, М.Р. Сайхунов, Г.Ф. Саттаров, В.Х. Хаков, Ш.С. Ханбикова, Г.К. Хадиева, Ф.М. Хисамова, М.М. Шакурова и др.

В лингвистике ССЦ рассматривается как сочетание предложений, связанных между собой семантическими, структурными и грамматическими средствами связи.

Внешним планом структуры ССЦ называют его композицию [Папина, 2002; Реферовская, 2007; Турмачева, 1973 и др.]. В структурном плане в ССЦ выделяются зачин, содержащий начало мысли, формулирующий его микротему; медиальная часть – развитие микротемы; концовка – итог микротемы сложного синтаксического целого, подчеркивающий это не только в смысловом, но и в грамматическом отношении.

Классифицируя способы связи частей ССЦ, ученые высказывают различные мнения. Одни (Т.А. Белецкая, Ю.В. Ванников, И.И. Кобзев и др.) выделяют три группы (уровня) средств связи (собственно-синтаксические, лексико-синтаксические и лексические, другие (И.С. Папуша и др.) указывают фонетические, морфемные, лексические, морфологические и синтаксические уровни. В татарском языкознании, в основном, выделяются лексико-грамматические средства связи (Ф.С. Сафиуллина, М.З. Закиев, С.М. Ибрагимов, В.З. Гарифуллин и др.)

При анализе сложных синтаксических целых, отобранных из текстов татарской художественной литературы, выявлены особенности на всех языковых уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

В структуре ССЦ можно наблюдать такие компоненты, которые объединяют в себе языковые показатели разных уровней. По утверждению И.С. Папуши, таким компонентом может выступить слово, словосочетание, ряд однородных членов, обособленный член предложения и т.д. Но он не бывает меньше слова и больше простого предложения или предикативной части сложного предложения. В конкретном случае объем компонента определяется по синтаксической роли каждой языковой единицы, входящей

в него, по степени аккумуляции языковых показателей разных уровней, по семантико-грамматической сочетаемости составляющих. В данном исследовании для обозначения такого компонента линейной структуры сложного синтаксического целого мы решили воспользоваться термином *герм*, введенным в лингвистическую терминологию И.С. Папушей. Совокупность языковых единиц, представляющих основную тему ССЦ, мы назвали смысловым ядром (*мәгънәви үзәк*).

Наше исследование подтвердило, что для текстов художественной литературы наиболее характерными являются ССЦ с сочинительной связью, в которых компоненты выступают равноправными.

Рассмотрим пример сложного синтаксического целого:

(1) Солдат булганчы үткәргән яшиь гомер, шатлыклы көннәр аның күз алдына килә башладылар. (2) Берничә ел ул учитель булып торды, шушы учительлекнең соңгы елында Настя белән танышуы, аңа туган мәхәббәте исенә төшкәч, озын гына сулу алды да кулларын яңакларына куеп лампага караган көенчә катып калды... (3) Ах, гомер. (4) Бүгенге генә күк әле, менә кичә генә әйткәндәй, «Настя, я люблю» дигән сүзләре. (5) Настя, зур кара күзләрен аңа сирпеп карап елмайган иде. (6) Аның бу елмаюы «Я тоже» дигән сүзе иде. (7) Кайда соң хәзер ул вакытлар? (8) Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар [Тангатаров, 2007, с. 329–331]. / ‘Ему вспомнились прошедшая молодость до того, как стал солдатом, радостные дни того времени. Несколько лет он был учителем, а когда вспомнил, что в последний год работы познакомился с Настей и влюбился в нее, вздохнул и, подперев щеки руками, застыл, смотря на лампу... Ах, жизнь. Кажется, что все произошло только сегодня, как будто лишь вчера он говорил ей: «Настя, я люблю тебя». Настя улыбнулась, глядя на него большими черными глазами. Ее улыбка означала «Я тоже». Где же сейчас те времена? Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть.’

Сложное синтаксическое целое формирует восемь предложений. Зачин выражает первое предложение (*Солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр аның күз алдына килә башладылар* ‘Ему вспомнились молодость, проведенная до того, как стал солдатом, радостные дни того времени’). Смысловое ядро сложного синтаксического целого выражается сочетанием *солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр* – ‘молодость, проведенная до того, как стал солдатом, радостные дни’.

Концовку ССЦ формируют седьмое и восьмое предложения (*Кайда соң хәзер ул вакытлар? Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар*. ‘Где же сейчас те времена? Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть.’), которые по своей структуре отличаются от предыдущих.

В этих двух компонентах сложного синтаксического целого намечена микроидея ССЦ – контраст в настроении героя: *яшь гомер* ‘молодость’ и *кайтмый торган арткы гомер* ‘жизнь, которую уже не вернуть’. Информация, сообщаемая в зачине, противопоставляется информации концовки: *солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр* ‘...молодость, проведенную до того, как стал солдатом, радостные дни того времени’ – *кайда соң хәзер ул вакытлар? Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар* ‘Где же сейчас те времена? Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть’. Пропустив медиальную часть ССЦ, мы не наблюдаем искажения фактической информации.

Медиальная часть сложного синтаксического целого образуется предложениями под номерами 2–6. В них сообщается новая информация о прошлой жизни героя. В медиальной части последовательно раскрывается содержание ССЦ.

В анализируемом сложном синтаксическом целом имеются языковые особенности на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне:

- трехкратное повторение слова *гомер* ‘жизнь’, которое является центральным гермом смыслового ядра ССЦ;
- применение контекстуальных антонимов *яшь (гомер)* ‘молодая жизнь’ и *арткы (гомер)* ‘жизнь, оставшаяся позади’, которые устанавливают дистантные цепные связи между зачином и концовкой ССЦ: лексемы *яшь* ‘молодая’ и *арткы* ‘оставшаяся позади’ выражают антонимическую цепную связь «определение – определение», имена существительные *гомер* ‘жизнь’ и *гомерда* ‘в жизни’ – цепную связь посредством лексического повтора «подлежащее – сказуемое»;
- наличие в тексте предложений на русском языке: «Настя, я люблю», «Я тоже». Автор целенаправленно не перевел эти предложения на татарский язык. Именно с их помощью он передал глубокие чувства героев и трагизм судьбы представителей двух национальностей.

На морфологическом уровне:

- личные местоимения *аның* ‘его’ в первом предложении и *ул* ‘он’ во втором образуют контактную цепную связь посредством местоимения «определение – подлежащее»;
- *ул* ‘он’ во втором и *аңа* ‘ему’ в пятом предложениях образуют дистантную цепную связь посредством местоимения «подлежащее – дополнение»;
- имя собственное *Настя* в пятом предложении и местоимение *аның* ‘ее’ в шестом обеспечивают контактную цепную связь между предложениями ССЦ посредством местоимения «подлежащее – определение»;
- *ул вакытлар* ‘те времена’ и *алар* ‘они’ в седьмом и восьмом предложениях образуют контактную параллельную связь между этими предложениями. Данная параллельная связь усиливается употреблением в

форме множественного числа подлежащих зачина и концовки, что объединяет их в функциональном, семантическом и грамматическом плане;

– наречия времени *кичә* ‘вчера’, *хәзер* ‘сейчас’ и наречие места *артта* ‘позади’ противопоставляют действия, о которых идет речь в ССЦ, связывают предложения сложного синтаксического целого цепной связью и помогают раскрыть чувства героя, в данном случае чувство сожаления. Междометие *ах* ‘ах’ усиливает это чувство лирического героя.

На синтаксическом уровне:

– третье предложение *Ах, гомер* ‘Ах, жизнь’ употреблено для выражения начала воспоминаний героя;

– инверсия в двух предложениях концовки ССЦ подчеркивает в грамматическом плане границы компонента сложного синтаксического целого. Такую же функцию выполняет и форма «вопрос-ответ» в этих двух предложениях: *Кайда соң хәзер ул вакытлар?* ‘Где же сейчас те времена?’, *Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар.* ‘Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть.’ В семантическом плане эти предложения усиливают то чувство сожаления, которое переживает лирический герой рассказа.

На фонетическом уровне:

– сочетание пятикратного повторения увулярного звука *р* и наличие слога с двумя согласными звуками подряд в одном предложении (*Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар* ‘Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть’) подтверждают финальную точку развития микроидеи ССЦ.

На морфемном уровне:

– однокоренные слова *елмайган* (*иде*) ‘улыбнулась’ в пятом предложении и *елмаю* ‘улыбка’ в шестом предложении выражают контактную цепную связь «сказуемое – подлежащее».

Анализ выборочной совокупности ССЦ позволил выявить сложные синтаксические целые с такими смысловыми отношениями частей, как противительные, сопоставительные, причинно-следственные, условные, временные, пояснительные и присоединительные.

В текстах художественной литературы много зафиксировано сложных синтаксических целых с противительным отношением между предложениями и компонентами. Предложения, входящие в состав таких сложных синтаксических целых, создают семантико-грамматическое единство.

Продемонстрируем данное положение на примере:

(1) Ул уксез бала шул!

(2) Гаёт көнне мин ишек алдына яңа киёмнәремне киенеп чыктым. (3)

Күлмәк, кәләпүш һәм читекләрем генә түгел, минем казакием дә өр-яңа. (4)

Шушы гаётка генә тектерелгән казаки иде.

(5) Безнең ишек алдында минем белән яшьтәш малайлар аз түгел иде.

(6) Алар да бүген яңа киёмнәр киенгәннәр, үзләренчә купшыланганнар,

матурланышканнар иде. (7) Бары бер генә, бер кечкенә генә малай бүген

безнең ишекке киенмәгән, үзенең һәрвакыттагы иске киёмндә иде. (8) Бу

малай, былтыр ата-анасы үлгәнлектән, бу ел берәүдә хезмәт итеп торган

асрау малай Нури [Әмирхан. URL: <http://beznenmiras.ru/uksez-bala/>]. / ‘Он

ведь сирота!

В день религиозного праздника я вышел во двор в новой одежде. У меня новые не только рубашка, тюбетейка и ичиги, но и мой казакин. Это был казакин, специально сшитый к празднику. У нас во дворе мальчиков моего возраста было немало. И они сегодня были одеты в новую одежду, по-своему нарядные, красивые. Лишь один, один маленький мальчик, был сегодня одет не так, как мы, он был в своей повседневной старой одежде. Это

был мальчик Нури, который жил в приемной семье, так как в прошлом году умерли его родители.’

Сложное синтаксическое целое сформировано из восьми предложений. Зачин выражен первым предложением, которое является заголовком микротекста (*Ул уксез бала шул!* ‘Он ведь сирота!’).

Смысловым ядром является словосочетание *уксез бала* ‘сирота’.

Концовку ССЦ формирует последнее восьмое предложение.

Контекстуальные синонимы, расположенные в зачине (*уксез (бала)* ‘сирота’) и в концовке (*асрау (малай)* ‘(мальчик), который живет в приемной семье’), обеспечивают структурную и семантическую целостность ССЦ. Мальчик – сирота, поэтому вынужден жить в другой семье. Тем самым в концовке раскрывается и причина противоречий, описанных в медиальной части ССЦ.

Структурно медиальная часть разделена на два сегмента. Первый сегмент составляют со второго по шестое предложения. В нем описываются мальчики, живущие в достатке, у них есть родители, которые к празднику купили новую одежду. Второй сегмент формирует седьмое предложение. В нем описывается мальчик-сирота. Он отличается от тех детей, о которых дана информация в первом сегменте медиальной части.

В сложном синтаксическом целом зафиксированы особенности на всех языковых уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

На лексическом уровне:

- контекстуальные синонимы *уксез* ‘сирота’ и *асрау* ‘живущий в приемной семье’ образуют дистантную цепную связь «определение – определение» между зачином и концовкой ССЦ;
- повторяющаяся лексема *кием* ‘одежда’ выступает средством связи между предложениями ССЦ и указывает на то, что лирический герой,

именно сравнив одежду, сделал выводы о статусе других детей. Имена существительные *киемнаремне* ‘одежду’ во втором предложении и *киемнар* ‘одежда’ в шестом выражают дистантную цепную связь «дополнение – дополнение» между этими двумя предложениями;

- антонимы *яңа* ‘новый’ и *иске* ‘старая’, контекстуальные антонимы *шушы гаеткә генә тектерелгән (казаки)* ‘(казакин) сшитый на этот праздник’, *һәрвакыттагы (кием)* ‘повседневная (одежда)’ участвуют в выражении противительного отношения между предложениями ССЦ;

- антонимы *яңа* ‘новая’ во втором и *иске* ‘старая’ в седьмом предложениях выражают дистантную цепную антонимическую связь «определение – определение» между предложениями;

- синонимы *бала* ‘ребенок’, *малай* ‘мальчик’ определяют возраст и пол героев; они же вместе с вышеназванными контекстуальными синонимами *үксез* ‘сирота’, *асрау* ‘живущий в приемной семье’ объединяют компоненты ССЦ в структурном плане и выражают дистантную параллельную связь.

На морфологическом уровне выявлены следующие языковые особенности:

- личные местоимения *мин* ‘я’ во втором предложении и *минем* ‘мой’ в третьем образуют цепную местоименную связь «подлежащее – определение» между предложениями;

- *минем* ‘мой’ в третьем и *минем (белән)* ‘со мой’ в пятом предложениях обеспечивают дистантную цепную связь «определение – дополнение» посредством местоимения;

- *малайлар* ‘мальчики’ в пятом и *алар* ‘они’ в шестом предложениях выражают контактную цепную местоименную связь «подлежащее – подлежащее»; *малайлар* ‘мальчики’ в пятом и *малай* ‘мальчик’ в седьмом предложениях образуют дистантную параллельную

связь; повтор слова *малай* ‘мальчик’ в седьмом и восьмом предложениях обеспечивает контактную параллельную связь;

- указательное местоимение *бу* ‘этот’, которое повторяется в концовке ССЦ два раза, отделяет конкретного мальчика от его сверстников и привязывает происходящее к определенному отрезку времени;

- применение форм степени сравнения прилагательного *яңа* ‘новый’ делает акцент именно на том, что вся одежда мальчика новая, не ношенная (*казакием дә әр-яңа* ‘и мой казакин совершенно новый’);

- прилагательные *яңа* ‘новый’ и *әр-яңа* ‘совершенно новый’ образуют контактную цепную связь «определение – сказуемое» между вторым и третьим предложениями;

- повтор конструкции *числительное + ограничительная частица генә* (‘лишь’) еще раз подчеркивает то, что такого плохо одетого ребенка больше нет, т.е. данная конструкция участвует в создании противительного отношения;

- наличие наречия времени *бүген* ‘сегодня’ привязывает действия к конкретному дню;

- положительная и отрицательная форма глагола *киенгәннәр* ‘надели’, *киенмәгән* ‘не надел’ подтверждают противительное отношение между сегментами медиальной части и устанавливают цепную связь.

На синтаксическом уровне:

- противительный союз *бары* ‘лишь’ выступает основным показателем противительного отношения между двумя сегментами медиальной части ССЦ;

- однородные подлежащие, связывающиеся между собой интонацией перечисления, сочинительным союзом *һәм* ‘и’, частицами *генә түгел* ‘не только’ в третьем предложении (*күлмәк, күләпүш һәм читекләрем генә түгел казакием дә* ‘не только рубашка, тюбетейка и ичиги, но и

казакин’), и однородные сказуемые в шестом предложении (*киенгәннәр, купшыланганнар, матурланышканнар* ‘оделись, принарядились, прихорошились’) акцентируют внимание на сходстве мальчика-рассказчика и других его сверстников: они все в новой одежде, они все красивые, нарядные;

- повторяющаяся форма сказуемых, имеющих в составе вспомогательный глагол *иде*, переносит действие в прошедшее время и создает параллельную связь, а отсутствие данной формы в последнем предложении в грамматическом плане подтверждает, что именно это предложение является концовкой ССЦ;

- выражение зачина восклицательным предложением является грамматическим показателем границы данного компонента ССЦ;

- сходство грамматической структуры предложений зачина и концовки образует дистантную параллельную связь между компонентами;

- парцелляция в ССЦ (четвертое предложение) подчеркивает, что казакин мальчика не только совершенно новый, а он шит именно на этот праздник.

На фонетическом уровне:

- многосложные слова *купшыланганнар* ‘принарядились’, *матурланышканнар* ‘прихорошились’ с шипящей *ш* в составе, расположенные в последнем предложении одной из противопоставляемых сегментов медиальной части, вместе с послелогом *шикелле* ‘как’ в первом предложении другого компонента также участвуют в создании противительного отношения между компонентами ССЦ. Слова *купшыланганнар* ‘принарядились’, *матурланышканнар* ‘прихорошились’ содержат более четырех слогов. Тем самым фиксируют внимание воспринимающего за счет физиологического напряжения органов речевого аппарата.

На морфемном уровне:

– однокоренные слова *үзләренчә* ‘по-своему’, *үзенең* ‘свой’ помогают выразить противительное отношение между компонентами. Те мальчики одеты в новую одежду, они по-своему нарядные, красивые, а этот был в своей повседневной старой одежде. Также они формируют цепную связь «обстоятельство – определение» посредством частичного лексического повтора;

– ряд однокоренных слов *кием* ‘одежда’, *киенеп* ‘одевшись’, *киенгәннәр* ‘оделись’ соединяют предложения ССЦ между собой цепной связью.

В сложных синтаксических целых противительные союзы могут выражать и сопоставительное отношение.

Рассмотрим пример.

(1) Салихны иң нык әсәрткәне икенче нәрсә иде. (2) Гармун! (3) Менә кайда якыннан күрдә ул аны. (4) Бер абый кулындагы гармунын сайратагына! (5) Ачылып-ачылып киткән яшел күрекләренә сандугач кереп оялаган диярсен... (6) Сыгылмалы бармаклары гармун телләрендә, әле берсенә, әле икенчесенә күчә-күчә, елдам бишләр. (7) Кара төймәле бакаларына басып, кайчакны аккордлар да биреп куя ул. (8) Гармунның елтыр яңаклары исә кояш нурларында чагылып-чагылып китә... (9) Бу инде сиңа әргән ише генә түгел!

(10) Берәздән гармунчы озын моңлы бер көйгә күчте. (11) Нинди көй икән бу? (12) Ул чакта кечкенә Салихҗан моның «Шахта көе» икәннен каян белсен, ди!

(13) Ташаяк ярминкәсеннән энә шулай әсәрләнен кайтты Салих. (14) Нәсретдин җизнәсенә эштән, сәүдә юлыннан бушаганы юк, гармун артыннан йөрергә вакыты тар аның.

(15) *Ә шулай да сүзедә торды ул: малайга Вараксиннар остаханәсеннән жыйнак кына бер гармун күтәрәп кайтты.* (16) *Салихның бер-ике көннән соң «Эпипә» көен уйнап күрсәтүе өйдәгеләрнең исен китәргән иде* [Низами, 2011, с. 12–13]. / ‘Больше всего удивило Салиха другое. Гармонь! Вот где он ее увидел так близко. Дядя легко играет на гармошке! Словно в распахнутых зеленых мехах гнезвился Соловей... Гибкие пальцы танцуют на клавишах гармонии, плавно переходя от одной к другой. Иногда он брал аккорды, нажимая на черные клавиши. А блеск гармошки отражается в лучах солнца... Это тебе уже не орган!

Через некоторое время гармонист переключился на длинную мелодию. Что это за мелодия? Откуда же мог знать тогда маленький Салихзян, что это «Шахта көе»!

Вот таким взволнованным вернулся Салих с ярмарки Ташаяк. Зять Насретдин был всегда сильно занят на работе, у него не было времени пойти купить гармошку.

И все же он сдержал слово: в мастерской Вараксинных купил мальчику гармонь. Когда Салих через день-два сыграл мелодию «Эпипә», все домочадцы были сильно удивлены.’

ССЦ сформирован из шестнадцати предложений. Зачином выступают первые два предложения (*Салихны иң нык әсәрткәне икенче нәрсә иде. Гармун!* ‘Больше всего удивило Салиха, другое. Гармонь!’).

Смысловое ядро выражают слова *әсәрткән* ‘то, что сильно удивило’, *гармун* ‘гармонь’.

Концовку сложного синтаксического целого образует шестнадцатое предложение, которое от предложений медиальной части отличается формой глагольного сказуемого. В медиальной части глагольные сказуемые выражены прошедшим категорическим временем, в концовке употреблена форма преждепрошедшего времени изъявительного наклонения глагола.

Медиальную часть сложного синтаксического целого в семантическом плане условно можно поделить на три сегмента. В первый из них включаем предложения с третьего по двенадцатое. В них описываются впечатления Салиха, полученные после того, как он увидел гармонию. Ко второму сегменту можем отнести тринадцатое и четырнадцатое предложения. Пятнадцатое предложение составляет третий сегмент медиальной части. Информация, сообщаемая в последнем, сопоставляется с микротемой второго. Эти три сегмента раскрывают одно смысловое ядро, поэтому они входят в одно сложное синтаксическое целое, а не рассматриваются отдельными самостоятельными ССЦ.

В итоге медиальная часть сложного синтаксического целого содержит четырнадцать предложений.

В ССЦ нами выявлены языковые показатели на всех уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

На лексическом уровне:

- шестикратное повторение слова *гармун* ‘гармонь’, которое является центральной лексемой смыслового ядра ССЦ;
- *гармун* ‘гармонь’ и *гармунын* ‘гармонь’ выражают дистантную цепную связь «подлежащее – дополнение» посредством полного лексического повтора между вторым и четвертым предложениями;
- *гармунын* ‘гармонь’ в четвертом и *гармун* ‘гармони’ в шестом предложениях формируют дистантную цепную связь «дополнение – определение» между предложениями;
- *гармун* ‘гармони’ в шестом и *гармунның* ‘гармони’ в восьмом предложении выражают дистантную цепную связь «определение – определение» посредством полного лексического повтора;

- контекстуальные антонимы *гармун* ‘гармонь’ и *эргән* ‘орган’ образуют дистантную цепную связь между вторым и девятым предложениями;
- повторение лексемы *көй* ‘мелодия’ в конце первого сегмента медиальной части подряд в трех предложениях указывает на его завершение, а употребление ее в последнем предложении концовки, во-первых, связывает предложения ССЦ, во-вторых, подтверждает завершение ССЦ;
- лексемы *көйгә* ‘к мелодии’ и *көй* ‘мелодия’ являются показателями контактной цепной связи «дополнение – сказуемое» между десятым и одиннадцатым предложениями;
- подлежащее тринадцатого предложения, выраженное именем собственным Салих, заменяется в пятнадцатом предложении словом *малайга* ‘мальчику’. Таким образом эта пара образует дистантную цепную связь «подлежащее – дополнение»;
- *малайга* ‘мальчику’ и *Салихның* ‘Салиха’ формируют контактную цепную связь «дополнение – определение» между пятнадцатым и шестнадцатым предложениями;
- выражения *гармунын сайрата* (букв. ‘заставляет гармонь петь как соловей’), *сандугач кереп оялаган диярсең* ‘словно гнезвился соловей’, *бармаклары бишләр* ‘пальцы танцуют’, *гармунның елтыр яңаклары* ‘блеск гармошки’ поясняют, почему именно Салих был очарован этим инструментом;
- фразеологизм *исен китәргән* ‘удивил’ и его синоним *әсәрткән* ‘очаровал’ служат для связи зачина и концовки ССЦ в семантическом плане: сначала Салих сам был сильно удивлен, а в конце сам удивил своих близких; синонимы *әсәрткән* ‘очаровал’, *исен китәргән* ‘удивил’ образуют цепную синонимическую связь.

На морфологическом уровне:

- личные местоимения в разных падежных формах обеспечивают цепную связь между предложениями ССЦ;
- лексема *гармун* ‘гармонь’ во втором и местоимение *аны* ‘его’ в третьем образуют контактную цепную местоименную связь «подлежащее – дополнение» между зачином и предложением медиальной части;
- лексема *абый* ‘дядя’ и *ул* ‘он’ выражают дистантную параллельную связь между четвертым и седьмым предложениями;
- указательные местоимения *энә* ‘вот’, *шулай* ‘так’ в первом предложении второго сегмента медиальной части заменили все сказанное в первом сегменте и обеспечили связь между ними.

На синтаксическом уровне:

- восклицательные и вопросительные предложения в семантическом плане помогают читателю понять, как сильно был потрясен Салих, его эмоции. В грамматическом плане они подчеркивают границы компонентов ССЦ и устанавливают параллельную связь между предложениями;
- в одиннадцатом и двенадцатом предложениях форма «вопрос – ответ» выражает отношение автора к происходящему и формируют параллельную связь между предложениями;
- противительный союз *ә* ‘а’ выражает сопоставительное отношение между сегментами медиальной части сложного синтаксического целого. Да, Насретдин очень занятой человек, но он нашел время для того, чтобы сходить и купить гармонь Салиху. Союз *ә* ‘а’ также помогает автору раскрыть характер Насретдина. Он – человек слова;
- номинативные предложения зачина определяют границу зачина и смысловое ядро ССЦ;
- инверсия в третьем, тринадцатом и пятнадцатом предложениях подтверждают наше предположение об условном делении медиальной части

на семантическом уровне на три сегмента. Третье, тринадцатое и пятнадцатое предложения являются первыми предложениями каждого сегмента;

– повторяющийся вспомогательный глагол *иде* в зачине и в концовке, который не встречается в медиальной части, доказывает грамматическую целостность ССЦ и устанавливает между этими двумя компонентами параллельную связь.

На фонетическом уровне можем выделить восклицательную интонацию, которая служит для выражения сильного чувства восторга (Гармун! ‘Гармонь!’ *Бер абый кулындагы гармунын сайратагына!* ‘Дядя только так играет на гармошке!’ *Бу инде сиңа эргән ише генә түгел!* ‘Это тебе уже не орган!’), удивления (*Ул чакта кечкенә Салихжан монның «Шахта көе» икәннен каян белсен, ди!* ‘Откуда же мог знать тогда маленький Салихзян, что это «Шахта көе!»). Таким образом, интонация участвует в формировании параллельной связи между предложениями ССЦ.

На морфемном уровне:

– парные слова *ачылып-ачылып* (*киткән күреклар*) ‘распахнутые (меха)’, *күчә-күчә* (*бишлар*) ‘плавно переходя (танцуют)’ употреблены для выражения повторяющихся действий и образуют параллельную связь между предложениями;

– однокоренные слова *гармун* ‘гармонь’, *гармунчы* ‘гармонист’ связывают предложения ССЦ частичным лексическим повтором.

В текстах художественной литературы имеются сложные синтаксические целые с причинно-следственным отношением частей. В них синтаксическими показателями становятся союз *чөнки* ‘потому что’, относительное слово *шуңа* ‘поэтому’ и др.

Предлагаем анализ примера ССЦ.

(1) Бу юлы конференциягә соңга калып килде Мәрхәбә. (2) Темасы аның фәнни хезмәте белән аваздаш, үзен кызыксындырган сорауларга кагылышы булса да, әллә нигә анда һич барасы килми йөрде. (3) Аягым тартмый, дип уйлады ул. (4) Аннары ерак, чит эңир. (5) Башта самолет белән очасы, аннан соң күпмедер вакыт автобуска утырып барасы икән. (6) Самолет белән генә очасы булса, берсүзсез риза да иде кебек. (7) Шуңа ул бер эңиенды, бер сүрелде. (8) Әле юлга чыгар алдыннан да кич буена һаман төгәл генә бер фикергә килә алмый, инде юл сумкасына салынган эйберләре тирәсендә әйләнчек бәрән шикелле әйләнде дә тулганды, икеләнде, пошаланды.

(9) Коллегалары белән кат-кат шалтыратышып сөйләшкәннән соң, ул якларда булган юк бит әле, әйдә, күреп кайтыйм, дигән бер уйга килеп, барырга ниятләде.

(10) Һәм икенче көнне улына SMS белән хәбәр генә эңибәрде дә, эңиңелчә сумкасын эңилкәсенә асып, юлга чыгып китте [Ибраһимова, 2020. URL: <http://kazanutlary.ru/news/hikaya/kkkk-balasy-khikya>]. / ‘На этот раз Мархаба опоздала на конференцию. Несмотря на то, что тема перекликалась с ее научной работой, затрагивала интересующие ее вопросы, почему-то не хотела туда ехать. Ноги не шли. Потом далекая, чужая земля. Оказывается, сначала нужно лететь на самолете, потом некоторое время ехать на автобусе. Казалось, если бы она летала только самолетом, то безоговорочно согласилась бы. Поэтому она то хотела ехать, то нет. Весь вечер перед тем, как отправиться в путь, она все еще не могла прийти к единому мнению, кружилась и вертелась вокруг вещей, которые она положила в дорожную сумку, все сомневалась, беспокоилась.

После неоднократных звонков и разговоров с коллегами она решила, что еще не бывала в этих краях, решила съездить, увидеть.

И на следующий день она отправила сыну лишь SMS-сообщение и, повесив легкую сумочку через плечо, отправилась в путь.’

ССЦ формируют десять предложений. Смысловое ядро – *соңга калып килде Мәрхәбә* ‘Мархаба опоздала’.

Зачин выражен первым предложением. Остальные предложения последовательно раскрывают причину опоздания женщины.

Девятое и десятое предложения формируют концовку ССЦ. Сказуемые *барасы килми йөрде* ‘не хотела ехать’ в зачине и *барырга ниятләде* ‘решила поехать’ в концовке в семантическом и структурном плане объединяют эти два компонента.

Медиальная часть состоит из двух сегментов, которые связываются между собой относительным словом *шуңа* ‘поэтому’. Во втором сегменте излагается причина микротемы, обозначенной в первом. Тем самым именно второй сегмент становится стержневым, а первый выступает «подготовительным» сегментом ССЦ.

В сложном синтаксическом целом выделены языковые особенности на всех уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом, фонетическом и морфемном.

На лексическом уровне:

– синонимы *барасы килми* ‘не хочет ехать’, *аягым тартмый* ‘ноги не шли’ связывают предложения ССЦ цепной связью и избавляют от повторов;

– употребив в медиальной части контекстуальные синонимы *ерак* ‘далекая’, *чит (жир)* ‘чужая (земля)’, антонимы *башта* ‘сначала’, *аннан соң* ‘потом’, контекстуальные антонимы *очасы* ‘лететь’, *утырып барасы* ‘ехать’, *бер жыенды* ‘то собиралась’, *бер сүрелде* ‘то остывала’, автор пытается оправдать опоздание героя, показывает неуверенность героя в своих действиях;

– выражение *эйләнчек бәрән шикелле эйләнде* ‘кружилась как баран, вертится вокруг себя’ особенно сильно подчеркивает внутреннее состояние, переживания женщины.

На морфологическом уровне:

– конструкция существительное + послелог *самолет белән* в пятом и шестом предложениях образует контактную цепную связь «дополнение – допонение» посредством лексического повтора;

– указательное местоимение *бу* ‘это’ в сочетании *бу юлы* ‘на этот раз’ показывает, что такое опоздание происходит в первый раз;

– *һаман* ‘все еще’ указывает на продолжительность действий;

– в сочетании *риза да иде кебек* ‘вроде была и согласна’ послелог *кебек* ‘как’ выражает сомнение женщины;

– имя существительное *конференциягә* ‘на конференцию’ в первом предложении во втором заменен местоимением *анда* ‘туда’, в результате образуется контактная цепная местоименная связь «обстоятельство – обстоятельство»;

– имя собственное *Мәрхәбә* ‘Мархаба’ и личное местоимение *ул* ‘она’ образуют дистантную параллельную связь между первым и третьим предложениями;

– имя собственное *Мәрхәбә* ‘Мархаба’ и личное местоимение *ул* ‘она’ формируют дистантную цепную связь «подлежащее – подлежащее» между первым и седьмым предложениями;

– однородные сказуемые седьмого предложения *жыенды* ‘собиралась’, *сүрелде* ‘остывала’ и однородные сказуемые восьмого предложения *тулганды* ‘кружилась и вертелась’, *икеләнде* ‘сомневалась’, *пошаланды* ‘беспокоилась’ выражают контактную параллельную связь;

– *SMS белән хәбәр генә жиһәрде дә* ‘отправила лишь SMS сообщение’ также показывает эмоциональное состояние героя. Она

решилась, и стало легко в душе. *SMS белән хәбәр генә җибәрде да* ‘отправила лишь SMS сообщение’ и *самолет белән генә очасы булса* ‘если бы она летала только самолетом’ образуют дистантную параллельную связь между предложениями.

На синтаксическом уровне:

- однородные сказуемые *әйләнде да тулганды* ‘кружилась и вертелась’, *җибәрде да чыгып китте* ‘отправила и отправилась в путь’, соединенные сочинительным союзом *да* ‘и’, расположенные в последних предложениях медиальной части и концовки, указывают на завершение определенной части ССЦ и формируют параллельную связь между предложениями;

- относительное слово *шуңа* ‘поэтому’ – показатель причинно-следственного отношения между двумя сегментами медиальной части ССЦ;

- союз *һәм* ‘и’ указывает на сочинительную связь между двумя предложениями концовки;

- инверсия в первом предложении отделяет зачин от других предложений;

- неполные предложения (6, 8, 9, 10) образуют параллельную связь;

- односоставные предложения (2, 4, 5, и предикативные части сложных предложений (3, 6) определяют границу первого сегмента медиальной части.

На фонетическом уровне:

- употребленные подряд три слова с буквой *ж* *җибәрде* ‘отправила’, *җиңелчә* ‘легкая’, *җилкәсенә* ‘на плечо’ также показывают, что, приняв решение, женщина сбросила гору с плеч, почувствовала какую-то легкость и указывают на завершение ССЦ.

На морфемном уровне:

– повтор слов с аффиксом *-асы* (*очасы, барасы, очасы* ‘лететь, ехать’) подчеркивает тайное желание женщины поехать на конференцию, но она не может решиться, так как *-асы* – показатель аналитической формы желательного наклонения глагола, хотя в данном тексте аффикс употреблен не в тандеме со вспомогательным глаголом *килэ* ‘хочет’;

– используя однокоренные слова *эйләнчек* ‘вертячка’, *эйләнде* ‘кружилась’ в одном предложении, автор концентрирует внимание на данном герме для того, чтобы лишний раз подчеркнуть внутреннее состояние женщины.

Следующий пример ССЦ интересен своей структурой медиальной части и языковыми особенностями на фонетическом уровне.

(1) *Башымны күтәрдем, күккә карадым. (2) Гәм кинәт шунда бөтен кайгы-хәсрәтләрем, юып алгандай, юкка чыкты. (3) Күктә-биектә, зәңгәр тәпсез тирәнлектә ике генә өем ак болыт йөзә иде. (4) Күземне томалаган мөлдәрәмә томан аша, ниндидер сихри тамаша булып күренделәр миңа алар, ак болытлар. (5) Моңа кадәр бер дә күргәнем булмаганмы шуларны? (6) Әнием арыш урганда, айман күлгәсендә чүпрәк имезлек имеп ятканда күзем төшмәгәнме?*

(7) *Бәбкә чирәмендә аунап-аунап уйнаган чакларда искәргәнем булмаганмы?*

(8) *Юктыр, ахрысы, беренче күрүем шушы булгандыр. (9) Күрдәм дә күңелемне әсир иттеләр.*

(10) *Ак болытлар, ак болытлар! (11) Шул көннән соң гомерем буена юлдаш булды алар миңа. (12) Урманнарда йөрсәм, яфрактарны аралап, зәңгәр күктән эзләдем. (13) Су коенсам, дулкыннарга чалкан ятып, һаман күккә бактым. (14) Жырласам, жырларыма керде шул өем болытлар, ятсам – төшләремә [Сабитов, 2011]. / ‘Я поднял голову, посмотрел на небо. И вдруг вся моя печаль вмиг исчезла. В небе, высоко в голубой бездне, плавали две*

кучки белых облаков. Они, белые облака, сквозь туман, окутавший мои глаза, показались мне каким-то волшебным зрелищем. Неужели я их раньше не видел? Когда мама убирала рожь, а я в тени сосал соску, я не увидел?

Не замечал ли я, когда играл на траве?

Нет, я впервые их увидел, наверное. Как только увидел, они пленили меня.

Белые облака, белые облака! С тех пор они стали для меня спутниками на всю жизнь. Когда ходил по лесам, сквозь листья искал их в голубом небе. Когда я купался, я лежал на волнах и все время смотрел в небо. Если пел, то в мои песни вливались эти облака, если ложился – в мои сны.'

Сложное синтаксическое целое состоит из четырнадцати предложений. Смысловое ядро сконцентрировано в словосочетании *ике өем ак болыт* 'две кучки белых облаков'.

Зачином являются первые четыре предложения.

Последние пять предложений формируют концовку ССЦ.

Медиальная часть состоит из двух сегментов. Второй сегмент начинается с восьмого предложения.

Пояснение *ак болытлар* 'белые облака', расположенное в зачине, повторившись в концовке, отвечает за структурную целостность сложного синтаксического целого, образуя кольцевое ССЦ.

Порядок слов в предложениях зачина и концовки, перестановка местами местоимения *миңа* 'мне' и *алар* 'они' в четвертом и одиннадцатом предложениях связывают, объединяют в одно целое компоненты ССЦ, образуя синтаксический параллелизм.

Структура первого сегмента своеобразна. Он состоит из анафорических вопросов.

В анализируемом сложном синтаксическом целом нами выявлены языковые особенности на всех уровнях.

На лексическом уровне:

– синонимы в медиальной части *күзем төшмәгәнме* ‘не замечал’, *күргәнем булмаганмы* ‘не видел’, *искаргәнем булмаганмы* ‘не обращал внимания’ образуют анафорическую параллельную связь между пятым, шестым и седьмым предложениями и определяют границу первого сегмента медиальной части;

– употребление в роли синонима к слову *карадым* ‘смотрел’, расположенному в зачине, устаревшего слова *бактым* ‘смотрел’ в концовке также создает целостность между компонентами ССЦ, образуя дистантную параллельную связь;

– лексемы *күккә* ‘на небо’ *күктә-биектә* ‘высоко в небе’ устанавливают дистантную цепную связь «обстоятельство – обстоятельство» посредством частичного лексического повтора между первым и третьим предложениями зачина;

– *ак болыт* ‘белое облако’ *ак болытлар* ‘белые облака’ создают контактную цепную связь между третьим и четвертым предложением;

– слово *кинәт* ‘вдруг’ указывает на мгновенные изменения в душе героя.

На морфологическом уровне:

– функция личных местоимений *миңа* ‘мне’, *алар* ‘они’ описана выше;

– *ак болыт* ‘белое облако’ в третьем предложении и личное местоимение, которое заменяет это словосочетание в четвертом предложении, образуют контактную цепную местоименную связь;

– личное местоимение *алар* ‘они’ и указательное местоимение *шуларны* ‘их’ выражают контактную местоименную связь «подлежащее – дополнение» между четвертым и пятым предложениями;

– *ак болытлар* ‘белые облака’ и *алар* ‘они’ устанавливают

контактную параллельную связь между десятым и одиннадцатым предложениями;

- имя существительное *болытлар* ‘облака’, повторившись в десятом и четырнадцатом предложениях, образует дистантную параллельную связь;

- трехкратное выражение сомнения *юктыр* ‘нет, наверное’, *ахрысы* ‘наверно’, *булгандыр* ‘возможно был’ подтверждают неуверенность героя в своих словах;

- употребление глаголов в отрицательной форме и вопросительная частица *-мы/-ме* уже предполагают отрицательный ответ на вопросы, сформулированные в первом компоненте;

- прилагательные, обозначающие цвет *зәңгәр* ‘голубой’, *зәп-зәңгәр* ‘голубой-голубой’, *ак* ‘белый’, подтверждают чистоту детского сердца и формируют цепную связь между предложениями ССЦ;

- повторение прилагательного *зәңгәр* ‘голубой’ в превосходной степени в зачине и в положительной степени в концовке связывает эти две части дистантной цепной связью «определение – определение»;

- в конструкции *ике генә өем* ‘лишь две кучки’ частица *генә* ‘лишь’ указывает на малое количество облаков. Их мало, но они сотворили чудо.

На синтаксическом уровне:

- определенно-личные предложения (5, 6, 7 предложения) являются грамматическим показателем границ второго сегмента медиальной части;

- инверсия в предложениях зачина и концовки (4, 11 предложения) образует параллельную связь;

- номинативное предложение *Ак болытлар, ак болытлар!* ‘Белые облака, белые облака!’ еще раз выделяет лексемы смыслового ядра, является показателем начала концовки ССЦ и, как было уже отмечено, отвечает за

структурную целостность сложного синтаксического целого;

– одинаковая структура двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого предложений является показателем параллельной связи между ними.

На фонетическом уровне:

– постепенное уменьшение количества слогов в концовке, интонационно завершает сложное синтаксическое целое: *ур-ман-нар-да йөр-сам* (6 слогов) ‘если буду ходить в лесу’, *су ко-ен-сам* (4 слога) ‘если искупаюсь’, *жыыр-ла-сам* (3 слога) ‘если буду петь’, *ят-сам* (2 слога) ‘если лягу’.

На морфемном уровне:

– различные грамматические формы слов (*күр* ‘увидь’, *күрү* ‘увидеть’, *күрдем* ‘увидел’, *күренделәр* ‘показались’, *күргәнем булмаган* ‘не видел’) связывают предложения ССЦ.

В ходе анализа выявлены примеры сложного синтаксического целого с условным отношением между компонентами.

Рассмотрим следующий пример.

(1) *Бар идеме ялган алар гаиләсендә?*

(2) *Әтисенең үзен күкрәгенә кысып иркәләп, күзләре яшьләнгәнән күрсәтергә теләми йөзен яшергәндә, аның үзенә нәрсәндер әйтеп бетермәгәнлеген яисә ачылып сөйләргә базмаганлыгын тоя иде.* (3) *Бу аз сүзле, тыйнак, сабыр гаиләдә һәр кешенең үз сәре булып һәм аның белән алар бер вакытта да, бернинди сәбәпкә дә алданмый күңел йозакларын ачып, хәтта якыннары белән дә бүлешергә, уртаклашырга теләмәделәр.* (4) *Әгәр дә ки бәрәп чыга калса, ул сер күз карасы кебек саклаган өйнең тулылыгын, жылылыгын кырау суккан кебек кырып төшерер һәм барчасын бәхетсез итәр иде кебек.*

5) *Белде ул серне Мархаба* [Ибраимова, 2020. URL: <http://kazanutlary.ru/news/hikaya/kkkk-balasy-khikya>]. / ‘Была ли ложь в их семье?’

Когда отец ласкал ее, прижимая к груди, и скрывал лицо, не желая показывать слез, она чувствовала, что он ей что-то не договаривает или не решается рассказать. В этой немногословной, скромной, терпеливой семье у каждого человека была своя тайна, и с ней они не хотели делиться никогда, ни по какой-либо причине, даже с близкими. Казалось, если бы эта тайна раскрылась, то она бы, разрушила всю полноту, тепло дома, и сделала бы всех несчастными.

Мархаба узнала эту тайну.’

Сложное синтаксическое целое сформировано из пяти предложений.

Смысловое ядро ССЦ образуют контекстуальные синонимы *ялган* ‘ложь’, *сер* ‘тайна’.

Зачином является первое предложение (*Бар идеме ялган алар гаиләсендә?* ‘Была ли ложь в их семье?’).

Концовкой ССЦ выступает пятое предложение (*Белде ул серне Мархаба* ‘Мархаба узнала эту тайну’). В концовке сформулирован ответ на вопрос, поставленный в зачине. Зачин и концовка выражены предложениями с инверсией, что образует параллельную связь между этими компонентами.

Медиальная часть делится на два сегмента. В первом автор ищет ответ на вопрос, поставленный в зачине. Во втором делает вывод о том, что если такая ложь существует, то она никому из членов этой семьи добра не принесет.

Выделены языковые особенности на всех уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

На лексическом уровне:

– трехкратное повторение местоимения *уз* ‘свой’ в различных

формах, помимо того, что связывает предложения ССЦ, на семантическом уровне еще и подчеркивает то, что в семье каждый человек жил своей жизнью, у них были свои секреты, свои заботы, которыми они не делились. Данную микроидею раскрывают и синонимы *бүлешергә* ‘делиться’, *уртаклашырга* ‘делиться’, *теләмәү* ‘не хотеть’, *базмау* ‘не решаться’;

– синонимы (*сөйләргә*) *базмаганлыгын* ‘то, что не решается (рассказать)’, (*бүлешергә, уртаклашырга*) *теләмәделәр* ‘не хотели (делиться)’ устанавливают контактную цепную связь «дополнение – сказуемое» между вторым и третьим предложениями;

– *гаиләсендә* ‘в их семье’, *гаиләдә* ‘в семье’ выражают дистантную цепную связь «обстоятельство – обстоятельство» посредством лексического повтора между первым и третьим предложениями;

– лексемы *сере* ‘тайна’, *сер* ‘тайна’ формируют контактную параллельную связь между третьим и четвертым предложениями;

– лексемы *сер* ‘тайна’, *серне* ‘тайну’ образуют контактную цепную связь «подлежащее – дополнение» между четвертым и пятым предложениями;

– фразеологизм *күңел йозагы* ‘замок души’ подчеркивает, что тайна у каждого была скрыта под семью замками; *күз карасы кебек саклаган (өй)* ‘(дом), который берегли как зеницу ока’ – подтверждает мысль о том, что в семье царила любовь и забота друг о друге.

На морфологическом уровне:

– прилагательные *аз сүзле, тыйнак, сабыр (гаилә)* ‘немногословная, скромная, терпеливая (семья)’ располагает читателя к персонажам;

– личные местоимения *алар* ‘они’, *аның* ‘ее’ создают контактную цепную связь между первым и вторым предложениями;

– форма будущего неопределенного времени изъявительного

наклонения глагола сказуемого четвертого предложения определяет границу второго сегмента медиальной части;

– отрицательная форма глаголов в первом компоненте медиальной части в структурном плане создает единое целое.

На синтаксическом уровне:

– союз *эгэр дэ ки* ‘если’ выступает между компонентами ССЦ средством связи, выражающим условное отношение;

– инверсия в предложениях зачина и концовки создает параллельную связь между этими компонентами ССЦ.

На фонетическом уровне:

– выражения *куз карасы кебек саклаган* ‘который оберегал как зеницу ока’, *кырау суккан кебек кырып төшерер кебек* ‘погубят как заморозки’ с буквой *к* в каждом слове усиливают условное отношение, которое переходит в противопоставление.

На морфемном уровне:

– однокоренные слова *кырау* ‘заморозки’, *кырып* ‘губить’ усиливают трагизм ситуации.

Анализ следующего текста подтвердил еще одно отношение между частями ССЦ – временное. Грамматически компоненты таких сложных синтаксических целых связываются между собой посредством относительных слов. Примеры данных отношений чаще встречаются в фольклорных текстах, особенно в сказках.

Рассмотрим пример сложного синтаксического целого из текста мифа.

(1) *Жир ничек яралган?*

(2) *Элек заманнарда дөнъя тоташ судан гына торган.* (3) *Кешеләр әле булмаган.* (4) *Суда балыклар һәм су кошлары гына яшәгәннәр.* (5) *Шунда бер үрдәк су төбенә чумып, борыны белән бер кисәк балчык алып чыккан.* (6)

Бу зурайган һәм шуннан җир хасил булган, ди [Татар халык иҗаты, 2004, с. 23]. / ‘Как образовалась Земля?’

В прежние времена мир состоял только из сплошной воды. Людей еще не было. В воде жили только рыбы и водоплавающие птицы. Тут утка нырнула на дно и достала носом кусок глины. Говорят, что он увеличился и из него образовалась Земля.’

Текст небольшого по объему мифа состоит из одного ССЦ. Его формируют шесть предложений.

Смысловое ядро выражено гермом *җир* ‘земля’.

Заголовок формирует зачин сложного синтаксического целого (*Жир ничек яралган?* ‘Как образовалась Земля?’).

Шестое предложение образует концовку (*Бу зурайган һәм шуннан җир хасил булган, ди* ‘Говорят, что он увеличился и из него образовалась Земля.’).

Зачин и концовка связаны лексемой *җир* ‘земля’ и синонимами *яралган* ‘образовалась’, *хасил булган* ‘образовалась’. Также в концовке содержится ответ на вопрос, сформулированный в зачине.

Медиальная часть состоит из двух сегментов. В первом (2–4 предложения) описывается то время, когда еще земли не было. Во втором раскрывается то основное событие, которое повлияло на процесс возникновения земли. Относительное слово *шунда* ‘тогда’ связывает эти два сегмента.

В ходе анализа выявлены особенности на морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом языковых уровнях.

На лексическом уровне:

- выражение *элек заманнарда* ‘в прежние времена’ указывает на время события, все это произошло очень давно;
- антонимы *җир* ‘земля’ и *судан* ‘из воды’ образуют контактную цепную связь между первым и вторым предложениями;

– повторение лексемы *су* ‘вода’ обеспечивает цепную связь между предложениями ССЦ: *судан* ‘из воды’ и *суда* ‘в воде’ формируют дистантную цепную связь между вторым и четвертым предложениями; *суда* ‘в воде’ и *су тәбенә* ‘на дно’ обеспечивают контактную цепную связь между четвертым и пятым предложениями;

На морфологическом уровне:

– местоимение *бу* ‘это’ в роли личного местоимения *ул* ‘она’ употребляется для того, чтобы избежать тавтологии;

– лексемы *балчык* ‘глина’ и *бу* ‘он’ образуют контактную цепную местоименную связь «дополнение – подлежащее» между пятым и шестым предложениями;

– форма неопределенного прошедшего времени привязывает события ко времени и формирует параллельную связь.

На синтаксическом уровне:

– в зачине и медиальной части употреблены лишь простые предложения, в них описываются события, которые в итоге привели к кардинальным переменам. Им в структурном плане противопоставляется концовка, которая выражена сложносочиненным предложением. Из нее читатель узнает конечный результат, в ней ставится точка микроидее ССЦ;

– форма глагольного сказуемого (прошедшее результативное время глагола изъявительного наклонения) во всех предложениях обеспечивает параллельную связь.

На морфемном уровне:

– однокоренные слова *су* ‘вода’, *су кошлары* ‘водоплывающие птицы’, *су тәбе* ‘под водой’ объединяют предложения в семантическом плане и создают цепную связь между предложениями ССЦ.

В сложных синтаксических целых из художественного текста редко формируются ССЦ с пояснительным отношением между предложениями,

компонентами. Рассмотрим пример такого ССЦ.

– (1) *Бу афәтләрдән котылу юлы бер дә юкмыни соң, Хак Тәгалә хәзрәтләре?*

– (2) *Бар, Гайсә бине Әбел-Харрас, бик бар. (3) Ул – табигать белән тартышмау, аның кануннарын бозмау, аңа зарар салмау, жәмгыять үсешен, аның алга таба хәрәкәтен ашықтырмау, һәр акыл иясенең, һәр эсан иясенең үзенә бер аерым дөнья икәнлеген истә тотып, бер генә гомерне дә вакытыннан алда кисмәү. (4) Җир халкы бу кануннарның берсен дә үтәми. (5) Димәк, әлеге һәлакәт аның өчен котылгысыз [Дәрзаман, 2015, с. 200]. /*

‘ – Благочестивый, неужели нет никаких путей, чтобы избежать эти беды ?

– Есть, Гайса ибн Абль-Харрас, есть. Это – не противостоять природе, не нарушать ее законов, не причинять ей вреда, не торопить развитие общества, его дальнейшее движение, не прерывать ни одну жизнь преждевременно, помня о том, что каждый разум и каждая душа – это отдельный мир. Жители Земли не соблюдают ни одного из этих законов. Значит, эта катастрофа для нее неизбежна.’

Сложное синтаксическое целое состоит из пяти предложений.

Смысловое ядро ССЦ выражено словами синонимами *афәт* ‘беда’, *һәлакәт* ‘катастрофа’.

Зачин данного ССЦ – первое предложение (*Бу афәтләрдән котылу юлы бер дә юкмыни соң, Хак Тәгалә хәзрәтләре?* ‘Благочестивый, неужели нет никаких путей, чтобы избежать эти беды’). По цели высказывания – это вопросительное предложение. Тем самым отличается от других предложений ССЦ.

Концовка ССЦ – четвертое и пятое предложения. При помощи вводного слова *димәк* ‘значит’ поясняется, к чему приведет все то, что было высказано в предыдущих компонентах ССЦ. Зачин и концовка связаны

дистантной цепной связью посредством синонимов *афэт* ‘беда’, *һалакэт* ‘катастрофа’.

Медиальная часть формируется вторым и третьим предложениями. В них дается ответ на вопрос, сформулированный в зачине, делаются выводы.

Выделены следующие языковые особенности:

На лексическом уровне:

– вышеупомянутые синонимы (*афэт* ‘беда’, *һалакэт* ‘катастрофа’) являются средством связи между зачином и концовкой. Они образуют дистантную цепную связь «дополнение – подлежащее»;

– противопоставление слов *котылу* ‘избегание’, *котылгысыз* ‘неизбежна’, употребленные в зачине и концовке, также являются дистантным средством связи, образующим цепную связь «определение – сказуемое»;

– антонимы *юкмыни* ‘нет’, *бар* ‘есть’ связывают параллельной связью зачин и первое предложение медиальной части.

На морфологическом уровне:

– указательное местоимение *ул* ‘это’ в третьем предложении, заменив имя существительное *юлы* ‘путь’, связывает первое и третье предложения между собой дистантной цепной связью «подлежащее – подлежащее»;

– указательное местоимение *бу* ‘этих’ в четвертом предложении, заменив однородные сказуемые третьего предложения, образует контактную цепную местоименную связь «сказуемое – определение»;

– употребление имен действий в качестве однородных сказуемых усиливает динамичность.

На синтаксическом уровне:

– вопросительная форма зачина выделяет границу данного компонента;

- однородные сказуемые в третьем предложении выделяют данный компонент от остальных и завершают медиальную часть ССЦ;
- вводное слово *димәк* ‘значит’ выражает пояснительное отношение.

На морфемном уровне:

- однокоренные слова *котылу* ‘избегание’, *котылгысыз* ‘неизбежна’ противопоставляют два предложения ССЦ и связывают зачин с концовкой дистантной цепной связью «определение – сказуемое» посредством частичного лексического повтора.

В текстах художественной литературы мы выявили примеры сложного синтаксического целого и с присоединительными отношениями частей. При возникновении присоединительных отношений между компонентами ССЦ оно структурно делится на две части, где в первой части передается основная мысль, а во второй присоединительной части сообщается информация о данной главной мысли. Такая информация, в основном, выражает мнение автора. И она в комплексе с первой основной частью раскрывает целостное содержание темы, предмета речи.

Присоединительная конструкция в данном примере используется для усиления прагматического эффекта, а также для выражения авторского мнения. Рассмотрим пример такого ССЦ.

(1) Әнә шул тулган айга карагыз әле! (2) Ул шундый түгәрәк, шундый бөтен, шундый тулы һәм якты. (3) Ләкин аның яктысында әллә нинди бер моң, бер уйчанлык, бер кайгы бар. (4) Алар акрын гына кешенең йөрәгенә килеп бәреләләр дә акрын гына, аз-аз гына, йомшак кына итеп жәнны, күкрәкне кысарга тотыналар; кысалар-кысалар, аннан соң әллә нинди бер томан белән каплап моңландыра, уйга төшерә, әллә нәрсәне сагындыра, әллә нәрсә өчен кайгырттыра башлыйлар.

(5) *Беләсезме, ул ай бик карт бит инде. (6) Ул безнең бабаларыбызныгына түгел, аларның бабаларының бабаларының... бабаларын да күргән, үзенең биек урыныннан аларның ниләр эшләгәнән, ниләр төзөгән, ниләр бозганнарын, ничек дөньяда торганнарын – һәммәсен-һәммәсен карап торган.*

(7) *Их, ул безнең белән сөйләшсә, безгә аларның хәлләрен, тарихларын берәм-берәм хикәя итсә иде* [Әмирхан. URL: <http://ae-books.online/roditelyam/detskie-knigi/knigi-dlya-detey/20834-book/#player>]/
 ‘Посмотрите на эту полную луну! Она такая круглая, такая целая, такая полная и светлая. Но в ее свете есть какая-то грусть, какая-то задумчивость, какая-то печаль. Они медленно прикасаются к сердцу человека и медленно, мало-помалу, нежно сжимают его душу, грудь; сжимают его, потом, окутав каким-то туманом, заставляют грустить, задуматься, тосковать по чему-то, заботиться о чем-то.

Знаете, она уже очень стара. Она принадлежит не только нашим предкам, но и их предкам... Она видела не только наших дедов, но даже их предков, смотрела с высоты, что они делали, что строили, что разрушали, как жили в мире.

Эх, если бы она поговорила с нами, рассказала бы нам по порядку все о них, об их истории.’

Сложное синтаксическое целое сформировано из семи предложений. Смысловое ядро выражено словосочетанием *тулган ай* ‘полная луна’.

Зачин выражен первым предложением (*Әнә шул тулган айга карагыз ала!* ‘Посмотрите на эту полную луну!’).

Концовку ССЦ составляет седьмое предложение. В данном ССЦ и зачин и концовка выражены восклицательными предложениями, тем самым обеспечивается целостность композиции сложного синтаксического целого и устанавливается между этими компонентами параллельная связь.

Медиальная часть состоит из трех сегментов. В первый входит второе предложение. В нем дополняется, расширяется смысловое ядро – *тулган (ай)* ‘полная (луна)’ – *түгәрәк* ‘круглая’, *бөтен* ‘целая’, *тулы* ‘полная’, *якты* ‘светлая’. Второй сегмент состоит из третьего и четвертого предложений. В третьем предложении противопоставляются чувства героя, которые он испытывал тогда, когда смотрел на луну. Да, луна красивая, полная, но она вызывает грусть.

Третий сегмент формируют пятое и шестое предложения. Это – присоединительная часть. Средство связи – вводное слово *беләсезме* ‘знаете’. В нем дается дополнительная информация и выражается мнение автора.

В сложном синтаксическом целом выявлены языковые особенности на всех уровнях.

На лексическом уровне:

- синонимы *түгәрәк* ‘круглая’, *бөтен* ‘целая’, *тулы* ‘полная’, как уже было отмечено, дополняют смысловое ядро;
- контекстуальные синонимы *акрын* ‘медленно’, *аз-аз* ‘понемногу’, *йомшак* ‘нежно’, *моңландыра* ‘заставляет грустить’, *уйга төшерә* ‘заставляет задуматься’, *сагындыра* ‘заставляет тосковать’, *кайгырттыра* ‘заставляет заботиться’ выражают противоречивые чувства в душе героя;
- лексемы *айга* ‘на луну’, *ай* ‘луна’ устанавливают между первым и пятым предложением дистантную цепную связь «дополнение – подлежащее» посредством лексического повтора.

На морфологическом уровне:

- указательное местоимение *шул* ‘эта’ в зачине концентрирует внимание на луне. Хотя луна она и одна, автор, употребив данный герм, смог подчеркнуть важность данной лексики;
- повторяющееся указательное местоимение *шундый* ‘такая’ помогает преувеличить все качества луны;

- неопределенные местоимения во втором и третьем предложениях (*алла нинди* ‘какой-то’, *алла нәрсә* ‘что-то’) на грамматическом уровне подтверждают, что эти два предложения действительно составляют отдельные компоненты данного ССЦ;
- лексема *айга* ‘на луну’ и личное местоимение *ул* ‘она’ устанавливают цепную местоименную связь «дополнение – подлежащее» между первым и вторым предложениями;
- личное местоимение *ул* ‘она’ и его измененная форма *аның* ‘ее’ выражают контактную цепную связь «подлежащее – определение» между вторым и третьим предложениями;
- однородные подлежащие *моң* ‘грусть’, *уйчанлык* ‘задумчивость’, *кайгы* ‘печаль’ и личное местоимение *алар* ‘они’ образуют контактную цепную местоименную связь «подлежащее – подлежащее»;
- имя существительное *ай* ‘луна’ с личным местоимением *ул* ‘она’ формируют контактную параллельную связь между пятым и шестым предложениями;
- имя существительное *ай* ‘луна’ и личное местоимение *ул* ‘она’ образуют дистантную параллельную связь между пятым и седьмым предложениями;
- указательные местоимения *шул* ‘эта’ в первом предложении и *ул* ‘эта’ в пятом предложении связывают третий компонент ССЦ с зачином, устанавливают параллельную связь;
- междометие *их* ‘эх’ выражает эмоциональную реакцию автора на действительность, также является показателем присоединительного отношения между компонентами ССЦ.

На синтаксическом уровне:

– противительный союз *ләкин* ‘но’, выступает средством связи между первым и вторым компонентом ССЦ. Он устанавливает противительное отношение между ними;

– однородные сказуемые (2, 6, 7 предложения), подлежащие (3 предложение), обстоятельства (4 предложение), дополнения (4, 6, 7 предложения), которые имеются в каждом предложении медиальной части и концовки, во-первых, доказывают описательный характер данного ССЦ, во-вторых, помогают определить границы ССЦ;

– вводное слово *беләсезме* ‘знаете’, как уже было отмечено, выражает присоединительное отношение между компонентами;

– восклицательные предложения в зачине и в концовке на грамматическом плане связывают эти два компонента ССЦ и формируют параллельную связь между ними.

На фонетическом уровне:

– лексемы *бабаларыбызны* ‘наших дедов’, *бабаларының* ‘их дедов’, *бабаларын* ‘их дедов’ с буквой *б* в 6 предложении акцентирует внимание на том, что луна очень стара. Для подтверждения данного утверждения в пятом предложении имеется еще одно слово с буквой *б* (*бик* ‘очень’).

На морфемном уровне:

– парные слова *аз-аз* ‘мало-помалу’, *кысалар-кысалар* ‘сжимают’, *һәммәсен-һәммәсен* ‘все-все’, *берәм-берәм* ‘по порядку’, образованные путем повторения лексемы, также помогают выделить границы ССЦ.

Таким образом, исследовав структурно-семантические особенности примеров сложного синтаксического целого в художественной литературе, мы установили, что для связи частей ССЦ в художественных текстах применяются языковые особенности на всех уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Фонетические и морфемные особенности сложных синтаксических целых в

татарском языке лингвистами ранее не рассматривались. В данном исследовании они описываются, анализируются впервые.

Для обозначения совокупности языковых единиц, представляющих основную тему ССЦ, нами предложен термин смысловое ядро (*магънэви үзэж*).

В ССЦ художественных текстов между компонентами устанавливаются противительные, сопоставительные, причинно-следственные, условные, временные и присоединительные отношения. Несмотря на то, что были выявлены различные синтаксические отношения между компонентами ССЦ, они являются целостными грамматическими и семантическими единицами.

На лексическом уровне нами выявлены следующие характерные языковые особенности: повторение лексем, употребление антонимов, синонимов, контекстуальных антонимов и синонимов, фразеологизмов и др. Они помогают связать предложения ССЦ, обеспечивают цепную связь, участвуют в выражении синтаксических отношений между компонентами ССЦ.

Морфологические особенности сложных синтаксических целых (употребление личных местоимений, придающих тексту искренность; частое использование глаголов, придающих речи динамичность; большое количество прилагательных и причастий, передающих образное описание предмета, употребление одной формы определенных частей речи в предложениях, которые объединяют компоненты ССЦ и др.) выполняют различные функции в семантическом и грамматическом плане.

На синтаксическом уровне имеются такие языковые особенности, как союзы, союзные слова, которые являются всегда показателем синтаксических отношений между компонентами; употребление одного типа предложений, однородных членов предложений, инверсии отвечают за структурную и

грамматическую целостность ССЦ. В сложных синтаксических целых в художественной литературе используется весь арсенал имеющихся в языке синтаксических средств.

Структура и смысловое строение в ССЦ тесно взаимосвязаны. Это способствует возникновению специфической структурно-семантической особенности ССЦ. Изменение любой структурной составляющей ССЦ влечет за собой переориентацию акцентов смысла.

Сложному синтаксическому целому из текстов художественной литературы свойственны цепные местоименные, синонимические, антонимические связи и связи посредством лексического повтора, а также параллельные связи. Чаще выявлены такие типы цепной связи, как «подлежащее – подлежащее», «подлежащее – дополнение», «дополнение – подлежащее», «подлежащее – обстоятельство» и др.

3.2. Структурно-семантические особенности сложного синтаксического целого в медиатекстах

Стиль массовой коммуникации – это стиль газет, радио, телевидения и т.д. В стиле массовой коммуникации создаются газетные и журнальные статьи, критические материалы, очерки, репортажи и др. Данный стиль отличается наличием коммуникативной и воздействующей функций. Его основная задача – сообщение новости, донесение до читателя мыслей автора. В данном труде для исследования ССЦ отобраны материалы из современных медиатекстов.

Языковая специфика функциональных стилей – результат действия стилеобразующих экстралингвистических факторов, таких, как особая сфера применения, круг тем, условия коммуникации, общая установка и прочие,

которые «определяют особую системность в употреблении тех, а не иных языковых средств, структур, текстовых единиц внутри текстового целого» [Чернявская, 2006, с. 22]. Фонетика, морфемика, лексика, грамматика языка едины. В соответствии со своей установкой каждый функциональный стиль по-своему использует их, в каждом стиле отдается предпочтение тем или иным формам, конструкциям.

Исследованию языка печати в русской лингвистике обратили внимание такие ученые как Г.О. Винокур (1929), Г.Я. Солганик (1973, 1986, 2008), В.Г. Костомаров (1971), А.Н. Васильева (1982), Т.С. Дроняева (2008) и др.

Структурным и лексико-грамматическим особенностям языка татарской периодической печати посвящены работы Ш.А. Рамазанова (1954), А.Г. Ишмуратова (1956), В.Х. Хакова (1961, 1965, 1970 и др.), С.М. Ибрагимова (1971), И.М. Низамова (1981, 1995, 1996), В.З. Гарифуллина (1990; 1998). В последнее время наиболее активно развивается исследования функционально-стилистического характера (Л.В. Ахметшина, 2009; Л.Р. Сабирова, 2009; А.А. Гусейнова, 2019; Б.К. Миннуллин, 2021 и др.).

Как было отмечено ранее, в лингвистике ССЦ рассматривается как сочетание предложений, связанных между собой семантическими, структурными и грамматическими средствами связи. При комплексном анализе сложных синтаксических целых из медиатекстов внимание акцентируется на выявлении языковых особенностей.

В ходе исследования был отобран фактический материал из общественно-политической газеты на татарском языке, издающейся в Татарстане «Ватаным Татарстан» (номера за последние 15 лет) и тексты сообщений информационного агентства «Татар-информ». В результате их анализа были выявлены ССЦ с нижеследующими смысловыми отношениями частей:

- ССЦ с противительными отношениями между компонентами;
- ССЦ с сопоставительными отношениями между предложениями;
- ССЦ с причинно-следственными отношениями между компонентами;
- ССЦ с условными отношениями между предложениями;
- ССЦ с присоединительными отношениями частей;
- ССЦ с временными отношениями между предложениями;
- ССЦ с пояснительными отношениями между компонентами.

Проведенное нами исследование подтвердило, что для современных медиатекстов наиболее характерными являются сложные синтаксические целые с сочинительной связью.

Например:

(1) Татарстанның тулы вәкаләтле вәкилләре җанисәпкә багышланган киңәшмәдә катнашты.

(2) Татарстан Президенты аппараты җитәкчесе Әсгать Сәфәров республиканың субъектлардагы вәкилләре белән 2021 елгы җанисәпкә багышланган онлайн-киңәшмә уздырды, дип хәбәр итә Татарстан Республикасының Россиядәге Тулы вәкаләтле вәкиллегең матбугат хезмәте.

(3) Киңәшмәдә Татарстан Премьер-министры урынбасары, Бөтендөнья татар конгрессының Милли шура рәисе Васил Шәйхразиев, Татарстанның Башкортстандагы, Санкт-Петербурктагы һәм Ленинград өлкәсендәге, Свердловск өлкәсендәге даими вәкилләре дә катнашты.

(4) Алар күпмилләтле Россия өчен җанисәпнең мөһимлеген искәртте.

(5) Халык санын алу мәгълүматлары социаль-икътисади үсеш, мәдәни этникара мөнәсәбәтләр формалаштыру нигезенә салыначак.

(6) *Татарстан Премьер-министры урынбасары – Татарстан Республикасының Россиядәге тулы вәкаләтле вәкиле Равил Әхмәтшин вәкиллекең җанисәпкә әзерлек буенча еллык эшчәнлеге турында сөйләде.*

(7) *Җанисәп баиланырга бер атна кала, вәкиллекең Россиянең атказанган юристы Гөлнара Сергеева белән очрашу узган.* (8) *Ул җанисәп бланкларын ничек тутырырга икәннен аңлаткан, сорауларга җавап биргән.* (9) *Шулай ук, зур шәһәрләрдә туган телләргә саклауга багышланган түгәрәк өстал узды.*

(10) *Равил Әхмәтшин әйткәнчә, Яшьләр советы порталында җанисәп турында мәгълүматлар белән даими уртаклашып торалар.* (11) *Күптән түгел уздырылган сораштыруда күренгәнчә, яшьләрнең 85 проценты җанисәпне узган яки аны Дәүләт хезмәтләре порталы аша узарга планлаштыра.*

(12) *БөтенРоссия халык санын алу 2021 елның 15 октябреннән 8 ноябренә кадәр уза* [Татар-информ, 2021, 30 окт.]. / ‘Полномочные представители Татарстана приняли участие в заседании, посвященном переписи населения.

Как сообщает пресс-служба Полномочного представительства Республики Татарстан в Российской Федерации, руководитель Аппарата Президента РТ Асгат Сафаров провел онлайн-совещание, посвященное вопросам переписи населения 2021 года, где приняли участие представители республики в субъектах.

В совещании приняли участие заместитель Премьер-министра РТ, председатель Национального совета «Милли Шура» Всемирного конгресса татар Васил Шайхразиев, постоянные представители Татарстана в Башкортостане, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Свердловской области.

Они подчеркнули важность переписи населения для многонациональной России.

Данные переписи будут взяты за основу в процессе социально-экономического развития и формирования культурных межэтнических отношений.

Заместитель Премьер-министра Республики Татарстан –полномочный представитель Республики Татарстан в России Равиль Ахметшин рассказал о годовой деятельности представительства по подготовке к переписи населения.

За неделю до начала переписи в представительстве была организована встреча с заслуженным юристом России Гульнаррой Сергеевой. Она объяснила, как заполнять бланки переписи, и ответила на вопросы. Также прошел круглый стол на тему сохранения родных языков в крупных городах.

По словам Равиля Ахметшина, на портале Молодежного совета регулярно публикуют информацию о переписи населения. Согласно недавнему опросу, 85 процентов молодых людей приняли участие в переписи или планируют пройти через портал государственных услуг.

Всероссийская перепись населения пройдет с 15 октября по 8 ноября 2021 года.'

Сложное синтаксическое целое сформировано из двенадцати предложений. Смысловое ядро сконцентрировано в словосочитании *жәнисәпкә багышланган киңәшмә* 'совещание, посвященное переписи населения'. Зачин ССЦ выражен первым предложением, которое является заголовком (*Татарстанның тулы вәкаләтле вәкилләре жәнисәпкә багышланган киңәшмәдә катнашты* 'Полномочные представители Татарстана приняли участие в совещании, посвященном переписи населения').

Двенадцатое предложение выступает концовкой сложного синтаксического целого. В нем сообщается дополнительная информация о предстоящем мероприятии. Медиальная часть делится на два сегмента.

Практические функции языка требуют работы над языковыми единицами с целью как можно более точного, ясного и общедоступного выражения информации. Данное сложное синтаксическое целое является примером того, как неуспешно использованные языковые единицы мешают общедоступности выражения информации.

Первый сегмент медиальной части ССЦ состоит из второго, третьего, четвертого, шестого, десятого, одиннадцатого предложений. Пятое предложение в ССЦ автором размещено неверно, что подтверждается отсутствием связи и с предыдущими, и с последующими предложениями. Будет правильно, если предложение *Халык санын алу мәгълүматлары социаль-икътисади үсеи, мәдәни этникара мөнәсәбәтләр формалаштыру нигезенә салыначак* 'Данные переписи будут взяты за основу в процессе социально-экономического развития и формирования культурных межэтнических отношений' переместить в концовку сложного синтаксического целого.

Второй сегмент медиальной части – седьмое, восьмое предложения. Девятое предложение также является лишним в данном сегменте, так как не наблюдается ни грамматическая, ни семантическая связь с остальными предложениями. Либо данное предложение грамматически оформлено неправильно.

Таким образом, правильно оформленное сложное синтаксическое целое должно выглядеть следующим образом:

(1) *Татарстанның тулы вәкаләтле вәкилләре җанисәпкә багышланган киңәшмәдә катнашты.*

(2) *Татарстан Президенты аппараты җитәкчесе Әсгать Сәфәров республиканың субъектлардагы вәкилләре белән 2021 елгы җанисәпкә багышланган онлайн-киңәшмә уздырды, дип хәбәр итә Татарстан Республикасының Россиядәге Тулы вәкаләтле вәкиллегең матбугат хезмәте.*

(3) *Киңәшмәдә Татарстан Премьер-министры урынбасары, Бөтендөнья татар конгрессының Милли шура рәисе Васил Шәйхразиев, Татарстанның Башкортстандагы, Санкт-Петербурктагы һәм Ленинград өлкәсендәге, Свердловск өлкәсендәге даими вәкилләре дә катнашты.*

(4) *Алар күпмилләтле Россия өчен җанисәпнең мөһимлеген искәртте.*

(5) *Татарстан Премьер-министры урынбасары – Татарстан Республикасының Россиядәге тулы вәкаләтле вәкиле Равил Әхмәтишин вәкиллекең җанисәпкә әзерлек буенча еллык эшчәнлеге турында сөйләде.*

(6) *Равил Әхмәтишин әйткәнчә, Яшьләр советы порталында җанисәп турында мәгълүматлар белән даими уртаклашып торалар. (7) Күптән түгел уздырылган сораштырудан күренгәнчә, яшьләрнең 85 проценты җанисәпне узган яки аны Дәүләт хезмәтләре порталы аша узарга планлаштыра.*

(8) *Җанисәп башланьрга бер атна кала, вәкиллектә Россиянең атказанган юристы Гөлнара Сергеева белән очрашу узган. (9) Ул җанисәп бланкларын ничек тутырырга икәннен аңлаткан, сорауларга җавап биргән. (10) (Шулай ук, зур шәһәрләрдә туган телләргә саклауга багышланган түгәрәк өстәл уздырылган).*

(11) *Бөтенроссия халык санын алу 2021 елның 15 октябреннән 8 ноябренә кадәр уза. (12) Халык санын алу мәгълүматлары социаль-икътисади үсеш, мәдәни этникара мөнәсәбәтләр формалаштыру нигезенә салыначак. / ‘Полномочные представители Татарстана приняли участие в заседании, посвященном переписи населения.*

Как сообщает пресс-служба Полномочного представительства Республики Татарстан в Российской Федерации, руководитель Аппарата Президента РТ Асгат Сафаров провел онлайн-совещание, посвященное вопросам переписи населения 2021 года, где приняли участие представители республики в субъектах.

В совещании приняли участие заместитель Премьер-министра РТ, председатель Национального совета «Милли Шура» Всемирного конгресса татар Васил Шайхразиев, постоянные представители Татарстана в Башкортостане, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Свердловской области.

Они подчеркнули важность переписи населения для многонациональной России.

Заместитель Премьер-министра Республики Татарстан –полномочный представитель Республики Татарстан в России Равиль Ахметшин рассказал о годовой деятельности представительства по подготовке к переписи населения.

По словам Равиля Ахметшина, на портале Молодежного совета регулярно публикуют информацию о переписи населения. Согласно недавнему опросу, 85 процентов молодых людей приняли участие в переписи или планируют пройти через портал государственных услуг.

За неделю до начала переписи в представительстве была организована встреча с заслуженным юристом России Гульнаррой Сергеевой. Она объяснила, как заполнять бланки переписи, и ответила на вопросы. (Также прошел круглый стол на тему сохранения родных языков в крупных городах.)

Всероссийская перепись населения пройдет с 15 октября по 8 ноября 2021 года. Данные переписи будут взяты за основу в процессе социально-

экономического развития и формирования культурных межэтнических отношений.’

Вышесказанное подтверждает, что в каждом тексте правильно оформленные сложные синтаксические целые обеспечивают точность, ясность и общедоступность информации, что особенно важно для медиасферы.

В ССЦ выявлены языковые особенности на морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне:

– употребление слова *онлайн-киңәшмә* ‘онлайн-совещание’ к лексеме *киңәшмә* ‘совещание’ уточняет форму проведения данного совещания;

В данном примере слово *онлайн-киңәшмә* ‘онлайн-совещание’ оформлено ошибочно. В татарском языке принято такие слова писать без дефиса. Ф.И. Тагирова уточняет причину таких ошибок: «ошибочно оформляются (раздельно вместо слитного, слитно вместо раздельного, через дефис вместо слитного или раздельного и т.д.) сложные конструкции по аналогии с языковыми единицами других языков (в основном – русского) вследствие неправильного их перевода на татарский язык» [Тагирова, 2004, с. 22].

– лексемы *киңәшмә* ‘совещание’, *вәкилләр* ‘представители’, *жәнисәп* ‘перепись населения’ в разных грамматических формах образуют цепную связь между предложениями (анализируется наш вариант ССЦ): *киңәшмәдә* ‘на совещании’ и *онлайн-киңәшмә* ‘онлайн-совещание’ устанавливают контактную цепную связь «обстоятельство – дополнение» посредством частичного лексического повтора между первым и вторым предложениями; *онлайн-киңәшмә* ‘онлайн-совещание’ и *киңәшмәдә* ‘на совещании’ формируют контактную цепную связь «дополнение –

обстоятельство» между вторым и третьим предложениями; *жәнисәпкә* ‘переписи населения’ и *жәнисәпнең* ‘переписи населения’ образуют дистантную цепную связь «дополнение – определение» между вторым и четвертым предложениями; *жәнисәпнең* ‘переписи населения’ и *жәнисәпкә* ‘переписи населения’ являются показателями контактной цепной связи «определение – дополнение» между четвертым и пятым предложениями; *жәнисәпкә* ‘переписи населения’ и *жәнисәп турында* ‘о переписи населения’ формируют контактную цепную связь «дополнение – дополнение» между пятым и шестым предложениями; *жәнисәп турында* ‘о переписи населения’ и *жәнисәпне* ‘перепись населения’ образуют контактную цепную связь «дополнение – дополнение» между шестым и седьмым предложениями; *жәнисәпне* ‘перепись населения’ и *жәнисәп* ‘перепись населения’ показатели контактной цепной связи «дополнение – подлежащее» между седьмым и восьмым предложениями, повторяющаяся лексема *жәнисәп* ‘перепись населения’ в двух смежных предложениях (8, 9) образует контактную цепную связь «подлежащее – определение»;

- для избавления от тавтологии автором использованы синонимы *халык санын алу* ‘перепись населения’ и *жәнисәп* ‘перепись населения’, которые в свою очередь образуют дистантную цепную связь между зачином и концовкой сложного синтаксического целого;

- в ССЦ очень много употреблено имен собственных, что является особенностью, характерной для новостных текстов;

- использование огромного количества лексем, образованных путем калькирования (*жәнисәп* ‘перепись населения’, *социаль-икътисади* ‘социально-экономический’, *этникара* ‘межэтнический’, *күпмилләтле* ‘многонациональный’, *Бөтендөнья* ‘Всемирный’), заимствованных слов из русского языка и через него (*Президент аппараты* ‘аппарат Президента’, *республика*, *субъект*, *онлайн*, *Премьер-министр*, *конгресс*, *формалаштыру*

‘формирование’, *бланк* и др.), из арабского языка (*важил* ‘представитель’, *вакалатле* ‘полномочный’, *важиллек* ‘представительство’, *раис* ‘председатель’ и др.) указывают на то, что в тексте сообщается информация, касающаяся политической и общественной жизни республики.

На морфологическом уровне:

- частое употребление глагола *уз* ‘проходи’ в различных грамматических формах (*узган* ‘прошел’ – прошедшее результативное время изъявительного наклонения, *узды* ‘прошел’ – прошедшее категорическое время изъявительного наклонения, *уздырылган* ‘проведенный’ – причастие прошедшего времени, *узарга* ‘проходить’ – инфинитив) не украшают данное ССЦ, а, напротив, создают тавтологию. Заменяв их синонимами, можно было данные глаголы задействовать в оформлении ССЦ;

- имя существительное *важилларе* ‘представители’ и личное местоимение *алар* ‘они’ формируют контактную цепную связь «подлежащее – подлежащее» между третьим и четвертым предложениями;

- наречие с отрицательной частицей *түгел* ‘не’ (*күптән түгел* ‘недавно’) указывает на время проведения опроса;

- употребление глаголов в форме прошедшего категорического времени во всех предложениях медиальной части в структурном плане объединяет их в одно целое и устанавливает параллельную связь между предложениями медиальной части. Следует отметить, что форма будущего времени глагольного сказуемого в предложении *Халык санын алу магълуматлары социаль-икътисади үсеи, мэдәни этникара мөнәсәбәтләр формалаштыру нигезенә салыначак* ‘Данные переписи будут взяты за основу в процессе социально-экономического развития и формирования культурных межэтнических отношений’ подтверждает наше мнение о том, что данное предложение следует переставить, так как оно ни в семантическом, ни в грамматическом плане не соответствует данному компоненту ССЦ;

– глагол в форме настоящего времени *уза* ‘проходит’ в концовке ССЦ употреблено в значении будущего времени, так как сообщается о сроках Всероссийской переписи населения, которая будет проходить до 8 ноября. Сама же информация от 30 октября. Данный факт также доказывает, что четвертое предложение должно входить именно в концовку сложного синтаксического целого;

– наблюдается неправильное употребление падежной формы (*сораштыруда күренгәнчә* ‘как видно в опросе’ – должно быть *сораштырудан күренгәнчә* ‘как видно из опроса’).

На синтаксическом уровне:

– вводные слова в предложениях (*Равил Әхмәтшин әйткәнчә* ‘по словам Рауиля Ахметшина’, *күптән түгел уздырылган сораштыруда күренгәнчә*, ‘согласно недавнему опросу’) подчеркивают источники информации, их достоверность;

– однородные подлежащие (третье предложение), определения (третье предложение), сказуемые (седьмое, девятое предложения) конкретизируют событие в плане исполнителей, места, цели и выполненных действий в рамках данного мероприятия;

– в десятом предложении имеется стилистическая ошибка в виде синтаксической омонимии: обстоятельство места *зур шәһәрләрдә* ‘в больших городах’ создает двоякое понимание предложения: 1) На круглом столе обсуждался вопрос сохранения родных языков в больших городах; 2) Круглый стол проводился в крупных городах.

На морфемном уровне можем выделить такие языковые особенности:

– прилагательные, образованные от существительных с аффиксом -*дагы* (*Башкортстандагы* ‘в Башкортостане’, *Санкт-Петербургтагы* ‘в Санкт-Петербурге’, *Ленинград өлкәсендәге* ‘в Ленинградской области’,

Сверловск өлкәсендәге ‘в Свердловской области’), употреблены автором для обозначения местонахождения участников совещания.

Наличие недостатков в формировании текста и сложных синтаксических целых, в частности в информационных текстах сегодняшнего дня, подтолкнуло к анализу следующего медиатекста, опубликованного значительно ранее.

(1) Алар дүрт тел белә.

(2) Күптән түгел башкалабызның Ш.Мәрҗани исемендәге 2 нче татар гимназиясе Швейцариядән кунаклар кабул итте. (3) Болар – әңдә тел белүче, тарих, рус теле укытучысы Клара Сокол белән тарих, француз теле мөгаллиме Адриан Кунзи һәм 16 укучысы. (4) «Күпмилләтле Россия» дип исемләнгән проект әзерләгән кунакларның Россиядә яшәүче халыклар тормышы белән кызыксынасы килгән.

(5) Алар Милли музейда, Казан Кремлендә булды, Бөтендөнья татар конгрессында яшьләр белән очрашып, татар мәдәнияте турында татарча чыгышлар тыңлады. (6) Гимназиядә уздырылган «түгәрәк өстәл»дә укучылар татар мәдәнияте, Казан, Универсиада кебек темаларга, ә кунаклар Швейцариядәгә сәясәт, белем бирү системасы, халык мифлары турында кызыклы чыгышлар ясады. (7) Изге Болгар әңирләренә дә сәяхәт кылдылар. (8) КФУның филология һәм сәнгать институтының инглиз теле укытучысы Алсу Әширәпова һәм аның студентлары яңа дусларын татарча биергә, «Йөзек салыш» уенын уйнарга өйрәтте.

(9) Берничә дәүләт теле булган Швейцариядә һәр телне дә камил белгән яшьләргә карап сокланмый мөмкин түгел. (10) Гимназистларның күбесе кимендә дүрт тел белә [Ватаным Татарстан, 2013, 20 дек.]. / ‘Они знают четыре языка.

Недавно татарская гимназия № 2 имени Ш. Марджани, расположенная в столице, принимала гостей из Швейцарии. Это – учитель истории, русского

языка Клара Сокол, владеющая семью языками, учитель истории, французского языка Адриан Кунзи и 16 учеников. Гости, подготовившие проект «Многонациональная Россия», хотят узнать о жизни людей, проживающих в России.

Они посетили Национальный музей, Казанский Кремль, встретились с молодежью на Всемирном конгрессе татар, прослушали выступления на татарском языке о татарской культуре. На круглом столе, проведенном в гимназии, ученики выступили на такие темы, как татарская культура, Казань, Универсиада, а гости рассказали о политике, образовании в Швейцарии и народных мифах. Они также побывали в Древнем Булгаре. Алсу Ашрапова, преподаватель английского языка Института филологии и культуры КФУ, и ее студенты научили своих новых друзей танцевать татарские танцы и играть в игру «Йөзек салыш». Невозможно восхищаться молодыми людьми, в совершенстве владеющими всеми государственными языками Швейцарии. Большинство из гимназистов знают как минимум четыре языка.'

Сложное синтаксическое целое состоит из десяти предложений.

Первое предложение формирует зачин (*Алар дүрт тел белә* 'Они знают четыре языка'). Смысловое ядро – слово *тел* 'язык', которое в ССЦ повторяется 13 раз, и местоимение *алар* 'они'.

Медиальная часть содержит шесть предложений. В них последовательно описываются действия, которые совершали гости, приехавшие в гимназию. Предложения, в основном, связываются цепной связью.

Концовку составляют девятое и десятое предложения. Во всем ССЦ утверждается, что гости владеют четырьмя языками. Какими именно языками поясняется в концовке (девятое предложение). Это государственные языки Швейцарии. А из десятого предложения читатель узнает, что

большинство гимназистов знают как минимум четыре языка. Таким образом, именно в девятом и десятом предложениях выражена финальная точка ССЦ.

В сложном синтаксическом целом выявлены языковые особенности на морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне:

- контекстуальные синонимы *кунаклар* ‘гости’ и *яңа дуслар* ‘новые друзья’, которые употреблены в первом и последнем предложениях медиальной части, в грамматическом плане определяют границы данного компонента;

- в пятом предложении повтор слова *татар* ‘татарский’ не воспринимается как тавтология, так как помогает подчеркнуть и то, что речь шла о татарской культуре и что выступления также были на татарском языке;

- пассивный вариант вспомогательного глагола *ит – кыл* (*сәяхәт кылдылар* ‘путешествовали’) в седьмом предложении еще раз подчеркивает древность Болгарского городища;

- слова *кунаклар* ‘гостей’ и *кунакларның* ‘гостей’ образуют дистантную цепную связь посредством лексического повтора между вторым и четвертым предложениями;

- слова *кунакларның* ‘гостей’ и *кунаклар* ‘гостей’ формируют дистантную цепную связь «определение – подлежащее» между четвертым и шестым предложениями;

- слова *кунаклар* ‘гостей’ и *(яңа) дусларын* выступают контекстуальными синонимами и образуют дистантную синонимическую цепную связь «подлежащее – дополнение» между шестым и восьмым предложениями;

- *Швейцариядән* ‘из Швейцарии’, *Швейцариядә* ‘в Швейцарии’ формируют дистантную цепную связь «обстоятельство – обстоятельство» между зачином и концовкой;

– лексема *тел* ‘язык’, расположенная в первом и третьем предложениях, образует дистантную цепную связь «дополнение – дополнение»; повторившись в девятом предложении, она формирует дистантную цепную связь «дополнение – дополнение» между первым и девятым предложениями.

На морфологическом уровне:

– в тексте много употреблено прилагательных, они показывают описательный характер ССЦ;

– в ССЦ неоднократно встречаются числительные. Например, утверждается, что гости владеют четырьмя языками, в самом тексте также упоминается о четырех языках (*рус* ‘русский’, *татар* ‘татарский’, *француз* ‘французский’, *инглиз* ‘английский’); цифры 2, 7, 16 конкретизируют информацию;

– местоимения, чередуясь с существительными *кунаклар* ‘гости’ и *дуслар* ‘друзья’, создают цепную связь между предложениями: *кунаклар* ‘гости’ и *болар* ‘они’ – контактную местоименную цепную связь «дополнение – подлежащее» между вторым и третьим предложениями;

– отрицательная частица *түгел* ‘не’ в первых предложениях медиальной части и концовки в грамматическом плане связывают части ССЦ;

– *сокланмый мөмкин түгел* ‘невозможно не восхищаться’ – двухкратное отрицание служит для увеличения смыслового оттенка и концентрации внимания читателя;

– форма желательного наклонения *-асы кил* в третьем предложении подчеркивает цель приезда гостей.

На синтаксическом уровне:

– одинаковая форма сказуемых в пятом, шестом, седьмом и восьмом предложениях образует параллельную связь между ними;

– предложение *Алар дүрт тел белә* ‘Они знают четыре языка’ повторяется во втором предложении концовки, в несколько измененной форме (*Гимназистларның күбесе дүрт тел белә* ‘Большинство из гимназистов знают как минимум четыре языка’) и формирует кольцевой тип ССЦ;

– во втором предложении однородные сказуемые оформлены неправильно: *Клара Сокол, Адриан Кунзи, 16 укучысы* ‘16 учеников’. Словосочетание *16 укучысы* ‘16 учеников’ с аффиксом принадлежности 3 лица единственного числа является синтаксическим омонимом: не совсем понятно чьи эти ученики. Возможно, употребление местоимения *аларның* ‘их’ или *аның* ‘ее’ внесло бы ясность в данное предложение;

– такая стилистическая ошибка наблюдается и в третьем предложении. *«Күпмилләтле Россия» дип исемләнгән проект әзерләгән кунакларның Россиядә яшәүче халыклар тормышы белән кызыксынасы килгән* – гости подготовили проект или же гости приехали в рамках данного проекта. В данном предложении форма желательного наклонения также использована неуместно. *Кызыксынасы килгән* ‘хотели интересоваться’ следовало заменить глаголом *танышасы килгән* ‘хотели ознакомиться’, *кунаклар кызыксыналар* ‘гости интересуются’;

– седьмое предложение ССЦ неполное. Но в данном случае в предложении следовало употребить подлежащее, так как не понятно о ком идет речь: только о гостях или к гостям присоединились и учащиеся гимназии.

На морфемном уровне:

– однокоренные слова *татар* ‘татарский’, *татарча* ‘на татарском’ также помогают избежать повтор: *Алар Милли музейда, Казан Кремлендә булды, Бөтендөнья татар конгрессында яшьләр белән очрашып, татар мәдәнияте турында татарча чыгышлар тыңлады* ‘Они посетили

Национальный музей, Казанский Кремль, встретились с молодежью на Всемирном конгрессе татар, прослушали выступления на татарском языке о татарской культуре’.

Анализ сложных синтаксических целых из более ранних источников, подтверждает, что в них при наличии некоторых стилистических ошибок не наблюдается недостатков в оформлении ССЦ, оказывающих отрицательное влияние на содержание медиатекста.

В ССЦ с сочинительной связью между компонентами наблюдается тесная смысловая связь частей. В них последовательно раскрывается микротема сложного синтаксического целого. Целостность компонентов ССЦ обусловлена тесной внутренней связью, направленностью на выражение единого глубинного смысла.

В нашем первом примере видно, что смысловое ядро (*жәнисәпкә багышланган киңәшмә* ‘совещание, посвященное переписи населения’) раскрывается в последующих четырех предложениях, которые, в свою очередь, дополняют друг друга. Во втором примере все предложения сложного синтаксического целого помогают раскрыть, уточнить смысловое ядро (*алар* ‘они’).

Таким образом, содержание всех предложений подчинено одному предмету речи. Между компонентами в данном случае наблюдается цепная связь, которая отражает последовательное развитие основной мысли: *онлайн-киңәшмә уздырды* ‘провел онлайн-совещание’ – *киңәшмәдә даими вәкилләре катнашты* ‘в совещании приняли участие постоянные представители’ – *алар искәртте* ‘они подчеркнули’ и т.д.; *кунаклар кабул итте* ‘приняла гостей’ – *кунакларның кызыксынасы килгән* ‘гости хотели узнать’ – *алар тыңлады* ‘они слушали’ – *кунаклар чыгышлар ясады* ‘гости выступили’ и т.д. В проанализированных ССЦ устанавливаются перечислительные отношения между предложениями.

Сочинительная связь частей ССЦ может представляться еще и сочинительным союзом *һәм* ‘и’:

Бездә уку-укыту системасы дәүләтнең төп законына буйсынган. Теләсә кем аны теләсә ничек үзгәртә алмый. Һәм үзгәртмәскә тиеш [Татаринформ, 2021, 21 сент.]. / ‘У нас образовательная система подчиняется основному закону государства. Любой желающий не вправе его менять. И не должен.’

Между предложениями установлена цепная местоименная связь, которая представлена словосочетанием *төп закон* ‘основной закон’ и личным местоимением *аны* ‘его’.

В современных медиатекстах зафиксированы примеры сложного синтаксического целого с противительным отношением между компонентами. Предложения, которые входят в состав таких ССЦ создают семантико-грамматическое единство. В них главным является то, что такие сообщения строятся именно путем передачи присущих отдельным предложениям ССЦ противоречий. Противопоставление в таких ССЦ передается также различными средствами связи. Чаще всего употребляется противительный союз *әмма* ‘но’. Рассмотрим пример.

(1) *«Иделем акчарлагы»нда кызлар күп, ләкин егетләр көчлерәк иҗат итә.*

(2) *16–19 ноябрь көннәрендә Казанда ХХ «Иделем акчарлагы» яшь язучылар бәйгесе өченче туры узачак.* (3) *«Идел» яшьләр үзәге директоры Ләйсән Сафина бәйгедә катнашучылар арасында кызларның бихисап булуын, әмма егетләрнең иҗатлары көчле икәнлеген әйтте.* (4) *Бу хакта ул «Татаринформ» агентлыгында узган матбугат очрашуында сөйләде.* (5) *«Бәйгегә быел 104 гариза кабул ителде.* (6) *438 әсәр килде, барлыгы 94 катнашучы бар.* (7) *Шулар арасыннан 43 кеше сайланып алынды һәм аларга әдәби мәктәпкә юллама бирелде.* (8) *43 кешенең өчесе – егетләр.* (9) *Әдәбиятта*

кызлар күп, ләкин егетләр көчлерәк. (10) Гран-причылар исемлегенә күз салсагыз, егетләрнең өстенлек алуы күренә», – диде ул. (11) Ләйсән Сафина бәйгедә бер авторның берьюлы берничә номинациядә катнаша алуын искәртте. (12) Поэзия, проза, драматургия һәм балалар әдәбияты номинацияләре тәкъдим ителгән. (13) Жюри әгъзалары әсәрләргә октябрь ае дәвамында тикшереп чыккан. (14) «Алар сафына кайчандыр бәйгедә җиңеп чыккан Ленар Шәех белән Рифат Салах та кушылды, киләчәктә жюри әгъзалары саны артачак», – диде ул. (15) «Драма әсәрләре йомшаграк, икенче һәм өченче урыннар белән чикләнербез дип торам. (16) Прозада югары балл куйарлык әсәр бар. (17) Әмма гомуми баллар башка әгъзалар белән киңәйләшкәннән соң гына куела, без объектив булырга тырышабыз», – диде жюри, әдәбият галиме Әлфәт Закирҗанов. (18) Яшьләр өчен дүрт көн дәвамында жюри белән мастер-класслар, язучылар, «Иделем акчарлагы» бәйгесендә алдагы елларда Гран-при алган яшьләр, татар телендә чыгучы матбугат чаралары вәкилләре белән очрашулар, әңгәмәләр оештырылачак. (19) Әлеге турда катнашкан егетләр-кызларның әсәрләре «Иделем акчарлагы» дип исемләнгән ел саен чыга торган җыентыкка керәчәк. (20) Чараның төп максаты – талантлы яшь каләм ияләрен барлау, берләштерү, иҗатларын активлаштыру. (21) Оештыручылар: Татарстан Республикасы Яшьләр эшләре министрлыгы, Татар федераль милли-мәдәни автономиясе, «Идел» яшьләр үзәге. (22) «Быел бәйгедә Татарстанның 17 районыннан һәм Башкортостан республикасы белән Киров өлкәсеннән егетләр-кызлар килүе көтелә», – диде оештыручылар [Татар-информ, 2020, 16. нояб.]. / «В «Иделем акчарлагы» девушек больше, но в творчестве ребята лидируют.

16–19 ноября в Казани пройдет третий тур XX конкурса молодых писателей «Иделем акчарлагы». Лейсан Сафина, директор Молодежного центра «Волга», сказала, что среди конкурсантов было много девушек, но в творчестве ребята сильнее. Об этом она заявила на пресс-конференции в

«Татар-информ». «В этом году на конкурс было принято 104 заявки. Поступило 438 работ, 94 участника. Из них 43 были отобраны и им были вручены путевки в школу творчества. Трое из 43 человек – юноши. В литературе много девушек, но ребята сильнее. Если посмотреть на список победителей Гран-при, можно увидеть, что ребята лидируют», – сказала она. Лейсан Сафина отметила, что один автор может принять участие сразу в нескольких номинациях. Были представлены номинации по поэзии, прозе, драматургии и детской литературе. Члены жюри проверяли работы в течение октября. «К ним присоединились Ленар Шаих и Рифат Салах, которые однажды выиграли конкурс, и в будущем число членов жюри будет увеличиваться», – сказала она. «Драматические произведения слабые, думаю, что ограничимся вторыми и третьими местами. В прозе имеются произведения, заслуживающие высокие баллы. Но общие баллы будут выставлены лишь после того, как посоветуемся с остальными членами, мы стараемся быть объективными», – сказал член жюри, литературовед Альфат Закирзянов. В течение четырех дней жюри проведет мастер-классы с писателями, встречи, интервью с молодыми людьми, завоевавшими Гран-при в конкурсе «Иделем акчарлагы» в предыдущие годы, представителями татароязычных СМИ. Работы юношей и девушек, принявших участие в этом туре, войдут в ежегодный выпуск «Иделем акчарлагы». Основная цель мероприятия – выявить, объединить и активизировать талантливых молодых творцов. Организаторы: Министерство по делам молодежи Республики Татарстан, Татарская федеральная национально-культурная автономия, Молодежный центр «Волга». «В этом году в конкурсе примут участие юноши и девушки из 17 районов Татарстана, Республики Башкортостан и Кировской области», – сказали организаторы.

ССЦ состоит из двадцати двух предложений. Зачин выражен первым предложением *«Иделем акчарлагы»нда кызлар күп, ләкин егетләр көчлерәк*

иҗат итә ‘В «Иделе́м акча́рлагы» девушек больше, но в творчестве ребята лидируют’, которое является заголовком. Смысловое ядро сконцентрировано в словосочетании «Иделе́м акча́рлыгы» ‘досл. «Чайка моей Волги»’.

Концовка ССЦ выражена двадцать вторым предложением.

Медиальная часть состоит из двух сегментов. В первый входят предложения со второго по семнадцатое. Из второго предложения читатель узнает о том, что «Иделе́м акча́рлыгы» – это название конкурса. В последующих предложениях описывается суть данного конкурса. Четырнадцатое предложение лишнее в данном компоненте, так как с остальными предложениями в грамматическом плане связь не наблюдается.

В зачине и в первом сегменте медиальной части встречаются противительные союзы *ләкин* ‘однако’, *әмма* ‘но’, которые выступают средством связи в сложносочиненных предложениях. Союз *әмма* ‘но’ связывает шестнадцатое и семнадцатое предложения ССЦ. В структурном плане семнадцатое предложение противопоставляется лишь пятнадцатому и шестнадцатому предложениям. Но в содержательном плане наблюдаем противопоставление всему тому, что было сказано ранее: девушек много, но баллы скажут свое; среди получивших гран-при юношей больше, но баллы все могут изменить; в прозе есть произведения, заслуживающие высокие баллы, но общее количество баллов все решит. Предложения сложного синтаксического целого представляют семантико-синтаксическое единство.

Границы второго сегмента медиальной части ССЦ определяют предложения под номерами 18–21. В нем предполагаются дальнейшие действия конкурсантов.

Слова *егетлар* ‘ребята’, *кызлар* ‘девушки’, употребленные в зачине по отдельности, в концовке объединяются в одно парное слова *егетлар-кызлар* ‘девушки и юноши’. Если в медиальной части они противопоставлялись, то в данном случае объединяют эти две части сложного синтаксического целого.

Благодаря данным лексемам, образуется дистантная цепная связь посредством частичного лексического повтора между зачином и концовкой.

При анализе ССЦ обнаружены языковые особенности на лексическом, морфологическом, синтаксическом и морфемном уровнях.

На лексическом уровне:

– образное выражение *эдэби мактәнкә юллама бирелде* ‘была вручена путевка в школу творчества’ показывает, что речь идет о творческом конкурсе;

– контекстуальные антонимы *егетләр* ‘ребята’, *кызлар* ‘девушки’ в первом сегменте все время противопоставляются друг другу и усиливают противительное отношение между предложениями. Они также создают цепную связь между компонентами ССЦ;

– употребление лексемы *бихисап* ‘бесчисленно’ вместо *бик күп* ‘очень много’ акцентирует внимание на количестве девушек, принимающих участие, подтверждая микроидею ССЦ;

– слово *яшьләр* ‘молодежь’, повторившись в одном предложении два раза (восемнадцатое предложение), создало тавтологию;

– в семнадцатом предложении употребление лексемы *жюри* для обозначения одного члена жюри себя не оправдывает. Следовало употребить словосочетание *жюри әгъзасы* ‘член жюри’;

– существительное *бәйге* ‘конкурс’ в разных грамматических формах обеспечивает цепную связь между предложениями: *бәйгесенең* ‘конкурса’ и *бәйгедә* ‘на конкурсе’ образуют контактную цепную связь «определение – обстоятельство» между вторым и третьим предложениями; *бәйгедә* ‘на конкурсе’ и *бәйгегә* ‘на конкурс’ дистантную цепную связь «обстоятельство – обстоятельство» между третьим и пятым предложениями;

– контекстуальные синонимы *катнашучы* ‘участник’, *кеше* ‘человек’, *кешенең* ‘человека’, *кызлар* ‘девушки’, *егетләр* ‘ребята’,

егетларнең ‘ребят’, *авторның* ‘автора’ также устанавливают цепную связь между предложениями.

На морфологическом уровне:

– числительные употреблены для подтверждения достоверности информации (*16–17 ноябрь* ‘16–17 ноября’, *104 гариза* ‘104 заявления’, *438 әсәр* ‘438 произведений’, *94 катнашучы* ‘94 участника’ и др.). Также можно выделить неудачно употребленное автором римскую цифру XX, что никак не привлекает внимания читателя. Подача данной информации в форме *егерменче тапкыр уздырыла торган* ‘который проводится в двадцатый раз’ читателю бы запомнилась;

– в предложении *16–19 ноябрь көннәрендә Казанда XX «Иделем акчарлагы» яшь язучылар бәйгесе өченче туры узачак* ‘16–19 ноября в Казани пройдет третий тур XX конкурса молодых писателей «Иделем акчарлагы»’ слово *бәйгесе* ‘конкурс’ употреблено в неправильной падежной форме. Должно быть *бәйгесенең өченче туры* ‘третий тур конкурса’;

– сравнительная степень прилагательного (*көчле* ‘сильный’, *көчлерәк* ‘сильнее’) выражает сравнительное отношение и устанавливает цепную связь между предложениями ССЦ;

– форма будущего времени глагола в тринадцатом предложении подтверждает наше мнение о том, что данное предложение лишнее в этом сложном синтаксическом целом.

На синтаксическом уровне:

– противительные союзы *ләкин* ‘но, однако’, *әмма* ‘но’ являются средством связи между компонентами сложносочиненного предложения;

– предложения с прямой речью способствуют передаче мнения директора центра и члена жюри без искажения;

– оформление двадцать первого предложения не соответствует структуре анализируемого сложного синтаксического целого.

На морфемном уровне:

– парное слово *егетләр-кызлар* ‘девушки и юноши’ в концовке ССЦ аннулирует противительное отношение, выраженное этими словами по отдельности в предыдущих предложениях.

Следующее ССЦ состоит из двух противопоставленных компонентов. Второй из них с противительным союзом *эмма* ‘но’ противопоставленная часть, помимо союза *эмма* ‘но’, выделяется еще и абзацем – композиционно-выделительной единицей, которая служит для графического и интонационного выделения семантически значимых частей. Выделение противопоставленной части абзацем подчеркивает ее семантическую значимость.

(1) *Коронавирус инфекциясе үпкәнең стеналарында «тишекләр» барлыкка килүгә сәбәпче булырга мөмкин.* (2) *Бу хакта uga.ru агентлыгы табиб-пульмонолог Сергей Пурясева сылтама белән хәбәр итә.*

(3) *Белгеч искәрткәнчә, тишек яки куышлык – үлекләгән урын ул.* (4) *Бу канның агулануына китерергә мөмкин.*

(5) *«Үлекләгән урынны чистарту өчен бары тик антибиотиклар, бронхоскопия белән генә дәваланырга кирәк.* (6) *Аны хирургия юлы белән дәвалавы кыен, чөнки тегәргә ярамый», – диде табиб.*

(7) *Аның сүзләренчә, мондый тишекләр күбесенчә эчкечеләрдә, трофик тайпылышлар күзәтелгән пациентларда, шулай ук начар тукланучы кешеләрдә ачыклана.*

(8) *«Эмма мондый очраклар да була: агрессив инфекция «очып» килеп, сау-сәламәт кешеләр багана кебек авып төшәргә дә мөмкин», – дип өстәде Пурясев [Татар-информ, 2021, 31 окт.]. / ‘Коронавирусная инфекция может стать причиной образования «дырок» в легких. Об этом сообщает агентство uga.ru, ссылаясь на слова врача-пульмонолога Сергея Пурясева.*

По мнению специалиста, дыра или полость – это место, где накопился гной. Это может привести к заражению крови.

«Очистить от гноя ее можно лишь антибиотиками, бронхоскопией. Ее трудно лечить хирургическим путем, потому что нельзя накладывать шов», – сказал врач.

По его словам, такие дыры чаще всего выявляются у алкоголиков, пациентов с трофическими нарушениями, а также у людей, плохо питающихся.

«Но бывают и такие случаи, когда агрессивная инфекция может повалить и здорового человека», – добавил Пуряев.

Данное ССЦ передает единый смысл – характеристику парадоксального явления: доктор, с одной стороны, сообщает, что такие дыры чаще всего выявляются у людей с определенными болезнями, а с другой стороны, говорит, что агрессивная инфекция может повалить и здорового человека.

Сложное синтаксическое целое состоит из восьми предложений. Зачином выступают первые два предложения. Смысловое ядро формирует выражение *коронавирус вакытында үпкәдә тишеклар барлыкка килү* ‘образование дырок в легких при коронавирусе’.

В концовке (восьмое предложение) высказывается противоположное мнение сказанному ранее. Суть сообщения состоит именно в передаче присущих ему противоречий.

Медиальная часть состоит из предложений под номерами 3–7. В ней сообщается источник информации, причина возникновения, к чему может привести это образование, способы лечения и определяется группа риска.

В ходе анализа выделены языковые особенности на лексическом, морфологическом, синтаксическом и морфемном уровнях.

На лексическом уровне:

- использование в большом объеме заимствованной лексики, калек показывает, что оригинальный текст был на русском языке, мы читаем его перевод;
- профессионализмы, медицинские термины в тексте определяют микротему ССЦ;
- контекстуальные антонимы (*сау-саламат (кешеләр)* ‘здоровые (люди)’ противопоставляются словам *эчкечеләр* ‘алкоголики’, *трофик тайпылышлар күзәтелгән (пациентлар)* ‘(пациенты) с трофическими нарушениями’, *начар тукланучы (кешеләр)* ‘те, кто плохо питается’) формируют цепную связь между предложениями;
- словосочетания с контекстуальными синонимами в составе *коронавирус инфекциясе* ‘коронавирусная инфекция’ в первом предложении и *агрессив инфекция* ‘агрессивная инфекция’ в концовке объединяют части ССЦ дистантной анафорической связью;
- слова *табиб-пульмонолог* ‘врач-пульмонолог’ и *белгеч* ‘специалист’, *тишек* ‘дыра’ и *тишеклар* ‘дыры’, *табиб-пульмонолог* ‘врач-пульмонолог’ и *табиб* ‘врач’ образуют различные виды цепной связи между предложениями ССЦ;
- *Сергей Пурясевка* ‘на Сергея Пурясева’ в зачине и Пурясев в концовке образуют дистантную цепную связь «дополнение – подлежащее»;
- употребление слова *очып килеп* ‘прилетев’ в переносном значении поясняет читателю, что заболеть данной инфекцией можно мгновенно;
- фразеологизм *багана кебек авып төшә* ‘валится как столб’ усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

На морфологическом уровне:

– наличие имен действий (*барлыкка килү* ‘появление’, *агулану* ‘отравление’, *чистарту* ‘очищение’, *дэвалау* ‘лечение’) обозначает действие, процесс в общем виде безотносительно к наклонению и времени;

– выражения с предикативным словом *мөмкин* ‘можно’ *сәбәпче булырга мөмкин* ‘может стать причиной’, *китерергә мөмкин* ‘может привести’ подчеркивают лишь возможность проявления данных последствий заболевания, но это не факт и устанавливают параллельную связь между предложениями;

– употребление ограничительных частиц *бары тик* ‘только’, *генә* ‘лишь’ в одном предложении разграничивает способы лечения (лишь антибиотиками и бронхоскопией);

– указательное местоимение *бу* ‘это’, заменив первое предложение целиком, устанавливает цепную связь между предложениями.

На синтаксическом уровне:

– вводные слова *белгеч искәрткәнчә* ‘по мнению специалиста’, *аның сүзләренчә* ‘по его словам’ подчеркивают источник информации;

– предложения с прямой речью передают слова доктора без изменений;

– инверсия в пятом и восьмом предложениях формирует дистантную параллельную связь между предложениями ССЦ.

На морфемном уровне:

– однокоренное парное слово *табиб-пульмонолог* ‘врач-пульмонолог’ к слову *табиб* ‘врач’ использовано для конкретизации профессии врача и они выражают дистантную цепную связь посредством частичного лексического повтора.

Союз *гарчә* ‘хотя’ может выражать противительное отношение между предложениями ССЦ, хотя данное средство связи встречается не часто.

Балтач районьында заманында элекке СССР күләмендә данланган (рекорд арты рекорд куйган комсомол-яшьлар фермасы белән танылды) Салавыч Сәрдегәне дигән авыл бар. Биредә электән бик булган, тырыш халык яши. Шушы жңирлектә үскән Ирек тә искәрмә түгел. Гәрчә тамырлары белән бу авылдан булмаса да [Ватаным Татарстан, 2019, 25 июнь]. / 'В Балтасинском районе расположена деревня Салаусь-Сардыган, которая в свое время была известна всему СССР (прославилась фермой комсомольской молодежи, ставившей рекорд за рекордом). Тут издавна живет очень умелый, старательный народ. Не является исключением и Ирек, выросший в этой местности, хотя он и не является коренным жителем.'

Часто в ССЦ средством связи выступают противительные союзы *ләкин* (но), *тик, бары тик* (но, только), которые также противопоставляют два мнения:

Базар системасына керү безнең алда шактый проблемалар тудырачак. Ләкин кыенлыктан куркып, бу процесска керми калу мөмкин түгел [Татар-информ, 2021, 21 сент.]. / 'Переход к рыночной системе перед нами создаст много проблем. Но нельзя, испугавшись трудностей, оставаться в стороне от этого процесса.'

Т.е., да, рыночная система, несомненно, создаст для нас трудности, но мы не должны их бояться. Или же:

Үз эшемне яратам. Бары тик акчасы аз булу гына берәз кимсетә [Татар-информ, 2020, 9 окт.]. / 'Свою работу люблю. Только немного смущает маленькая зарплата.'

Противительные союзы в ССЦ выражают и сопоставительное отношение.

Например:

(1) Ил халкының яртысы (52 процент) доллар бәясе алга таба да артачак дип саный. (2) 2008 елгы кризис чорында мондый фикердә

торучылар саны 30 процент тирәсе генә булган. (3) Икътисадтагы хәлләр бар кешене нефть кенә түгел, доллар һәм евро бәяләрен дә күзәтәп барырга өйрәтте. (4) Ә сез нефть һәм чит ил акчасының бәясен күзәтәп барасызмы? [Ватаным Татарстан, 2015, 25 дек.]. / ‘Половина населения (52 процента) считает, что курс доллара в ближайшее время будет расти. При кризисе 2008 года сторонники такого мнения составляли всего 30 процентов. Ситуация в экономике научила людей следить не только за ценой нефти, но и за курсом доллара и евро. А вы следите за курсом нефти и иностранной валюты?’

Сложное синтаксическое целое сформировано из четырех предложений. Зачином выступает первое предложение. Смысловое ядро выражено компонентом сложного предложения *доллар бәясе артачак* ‘курс доллара будет расти’.

Концовкой является четвертое предложение.

Медиальную часть составляют второе и третье предложения.

В ходе анализа выделены языковые особенности на лексическом, морфологическом, синтаксическом и морфемном уровнях.

На лексическом уровне:

– заимствованная экономическая лексика из русского и через русский язык определяет, к какой области относится медиатекст;

– синонимы *чит ил акчасы* ‘иностранные деньги’, *доллар, евро* избавляют от тавтологии и формируют параллельную связь между предложениями;

– синонимы *доллар һәм евро* ‘доллар и евро’ и *чит ил акчасының* ‘иностранной валюты’ образуют цепную связь «определение – определение» между третьим и четвертым предложениями.

На морфологическом уровне:

– указательное местоимение *мондый* ‘такой’ во втором предложении, заменив целиком первое предложение, выступает средством связи, образующим цепную связь между ними;

– определительное местоимение *бар* ‘весь’ подчеркивает, что данная тема интересует всех, и конкретно ты не можешь отличиться;

– при помощи личного местоимения *сез* ‘вы’ автор обращается к читателю.

На синтаксическом уровне:

– словосочетание *нефть баясен* ‘цену нефти’ связывает анафорической связью третье и четвертое предложения;

– вопросительное предложение в концовке, адресованное читателю, сближает автора с читателем и выделяет данный компонент от остальных компонентов ССЦ;

– пояснение в первом предложении (*52 процент* ‘52 процента’) участвует в оформлении цепной связи между первым и вторым предложением.

На морфемном уровне:

– сложные слова *күзәтәп барырга* ‘следить’, *күзәтәп барасызмы* ‘следите’ подчеркивают продолжение действия и формируют параллельную связь между медиальной частью и концовкой.

В данном ССЦ сопоставляются население страны и конкретный читатель, которому адресован вопрос. То есть в подобных ССЦ, наряду с противительным союзом *ә* ‘а’, средством связи является и риторический вопрос. Тем самым концовка ССЦ подчеркивает сопоставление, а не противопоставление.

Следующий пример подтверждает данное утверждение:

(1) *Төзелеш, архитектура һәм торақ-коммуналь хуҗалык министрлары Ирек Фәйзуллин эҗитештерү һәм куллану калдыклары белән эш итүнең яңа*

системасына күчүнең беренче йомгаклары турында чыгыш ясаган иде. (2) Бездә көнкүреш калдыклары елына 1 млн. 600 мең тонна жыела икән. (3) Дәүләт реестрына кергән полигоннар, күп булса, 4–5 елдан тулачак. (4) Ә аннан соң чүпне кая куярбыз? (5) Көнкүреш калдыкларын аерып жыю һәм аларны термик эшкәртү, гади итеп әйткәндә, чүп яндыру заводлары төзү тирәсендә эштән битәр сүзләр күбрәк кебек тоела [Ватаным Татарстан, 2019, 25 июнь]. / ‘Министр строительства, архитектуры и ЖКХ Ирек Файзуллин рассказал о первых итогах перехода на новую систему обращения с отходами производства и потребления. У нас в год накапливается, оказывается, 1 миллион 600 тысяч тонн бытовых отходов. Полигоны, внесенные в Госреестр, наполняются максимум за 4–5 лет. А куда потом девать мусор? Похоже, что о сборе и термической обработке бытовых отходов, проще говоря, о строительстве мусоросжигающих заводах больше говорится, чем делается.’

Что касается ССЦ с причинными отношениями частей, то в таких ССЦ синтаксическими показателями становятся союзы *чөнки* ‘потому что’, относительное слово *шуңа күрә* ‘поэтому’, вводные слова *димәк* ‘значит’, *хәер* ‘хотя’, *ник дигәндә* ‘почему’ и др. Союз *әгәр* ‘если’, союзное слово *юкса* ‘иначе’ являются показателями условного отношения между частями ССЦ.

(1) *Бушлай укыту үзен бик аклап җиткерми.*

(2) *Уку-укыту эшләрендә кайбер мәсьәләләрне гади генә, базар стихиясенә җибәрергә ярамый.* (3) *Чөнки тәрбия эше, укыту эше ул гадәти «күпмегә алдым, күпмегә саттым» принцибына буйсынып яши алмый.* (4) *Монда беренче урында әхлак, мораль һәм айнык акыл принциплары торырга тиеш.* (5) *Ә менә базар системасына керү шушы әхлак-мораль принциплары белән базар системасының гел матдилеккә корылган принциплары арасында каршылыклар тудырырга мөмкин.*

(6) Хәзер студентларны түләүле итеп укытумы, түләүсез итеп укытумы мәсьаләсенә дә тукталып киттик. (7) Бездә уку-укыту системасы дәүләтнең төп законына буйсынган. (8) Теләсә кем аны теләсә ничек үзгәртә алмый. (9) Һәм үзгәртмәскә тиеш. (10) Әгәр үзгәрә икән, ул вакытта закон нигезендә үзгәрергә тиеш. (11) Канунга буйсынырга тиеш. (12) Юкса, башбаштаклык барлыкка киләчәк.

Гомумән, мин үзем бездә яшәп килгән элеккеге план системасына каршы булабыз дип, гомумән, кешелек дөньясында яшәп килгән элементар план системасын кире кагарга ярамый. Монда акыл белән эш итәргә кирәк.

(13) Базар системасына керү безнең алда шактый проблемалар тудырачак. (14) Ләкин кыенлыктан куркып, бу процесска керми калу мөмкин түгел.

(15) Кайберәүләр әйтә: бездә бөтен уку-укыту процессы түләүле булырга тиеш. (16) Ләкин бу бик бәхәсле фикер. (17) Түләүнең кайбер элементларын кертү, минемчә, уку-укытуның сыйфатын күтәрер иде. (18) Бөтенләй исан-хисап бирми торган бушлай укыту да үзен бик аклап эңгиткерми. (19) Мәсәлән, яшьләребезнең бер өлеше бик тырышып укымый. (20) Чөнки университетка килде ни, китте ни. (21) Аның бернинди матди файда яки зарар күрәсе юк. (22) Биш-алты ел гына стипендия алып укыган булып йөрү белән канәгатьләнмичә, кайбер вакытта ул процессны эңгидесигезгә эңгиткерүчеләр бар. (23) Әгәр дә бер кадәр студент үзен матди яктан җаваплы итеп сизсә, алай итеп башын эңгүләргә салып, биш ел укыйсы урынга ун ел ыштан туздырып йөрмәс иде.

(24) Димәк, минем фикеремчә, түләү принципларын күпмедер кадәр кертү урынлы. (25) Ләкин ул чамалы булырга тиеш. (26) Акыл белән уйланып эшләнәргә тиеш [Татар-информ, 2021, 21 сент.]. / ‘Бесплатное образование не оправдывает себя.

Некоторые вопросы в образовательном процессе не следует взять и подчинить рыночной стихии. Потому что воспитательная и образовательная работа не может соответствовать обычному принципу «за сколько купил, за столько продал». В первой очереди должны стоять принципы морали и трезвого ума. Однако переход к рыночной системе может привести к конфликту между этими моральными и этическими принципами и принципами рыночной системы, которые всегда основаны на материальности.

А теперь остановимся на вопросе платного или бесплатного образования студентов. У нас образовательная система подчиняется основному закону государства. Любой желающий не вправе его менять. И не должен. Если будут правки, то они должны быть обоснованы законом. Иначе получится самоуправство.

В общем, неправильно отвергать элементарную систему плана, существовавшую в человеческом мире, говоря, что мы против старой системы планов, в которой живем. Тут нужно действовать с умом.

Так что, на мой взгляд, уместно ввести некоторые принципы оплаты. Но это должно быть умеренно. Это нужно делать с умом.

Переход к рыночной системе перед нами создаст много проблем. Но нельзя, испугавшись трудностей, оставаться в стороне от этого процесса. Некоторые говорят, что весь учебный процесс должен быть платным. Но это очень спорный вопрос. Я думаю, что введение некоторых элементов оплаты улучшило бы качество обучения. Бесплатное обучение, не требующее какого-либо отчета, не совсем оправдывает себя. Например, часть молодежи не старается хорошо учиться. Потому что разницы нет: пришел в университет или нет. Он не испытывает ни финансовой выгоды, ни ущерба. Есть и те, кому кажется мало этих 5–6 лет учебы, и они затягивают данный процесс на 7–8 лет. Если бы часть студентов почувствовала материальную

ответственность, она бы не стал притворяться дураком и не потратила бы десять лет вместо того, чтобы учиться пять лет.’

Прежде чем начать анализ ССЦ, абзац «*Гомумэн, мин үзем бездэ яшэп килгэн элеккеге план системасына каршы булабыз дип, гомумэн, кешелек дөнъясында яшэп килгэн элементар план системасын кире кагарга ярамый. Монда акыл белэн эш итэргэ кирэк*» следует исключить из данного сложного синтаксического целого. Первое предложение абзаца содержит и грамматические, и стилистические ошибки. Поэтому анализ ССЦ произведем без учета этих двух предложений.

Сложное синтаксическое целое состоит из двадцати шести предложений. Заголовок выступает зачином ССЦ. Смысловое ядро выражено простым предложением *Бушлай укыту үзен аклап житкерми* ‘бесплатное обучение не совсем оправдывает себя’.

Медиальная часть состоит из четырех сегментов. Первый составляют 2–5 предложения; второй – 6–12 предложения; третий – 13 и 14 предложения; четвертый – 15–23 предложения. Концовкой является три последних предложения (24–26 предложения).

Структура всех четырех сегментов одинакова. В каждом из них имеется противительное отношение между предложениями, выраженное противительными союзами *ә* ‘а’, *әгәр* ‘если’, *ләкин* ‘но’.

В первом, втором и четвертом сегментах зафиксировано наличие причинного отношения между предложениями. В предложениях с союзами *чөнки* ‘потому что’ (3, 20 предложения), союзным словом *юкса* ‘иначе’ (12 предложение) выражается причина того, что было высказано в предыдущих предложениях.

Союз *әгәр* ‘если’ в десятом предложении, союзное слово *юкса* ‘иначе’ в двенадцатом предложении обеспечивают условное отношение между компонентами ССЦ.

В данном сложном синтаксическом целом выделены языковые особенности на лексическом, морфологическом, синтаксическом и морфемном уровнях.

На лексическом уровне:

- калькированное из русского языка словосочетание *базар стихиясе* ‘рыночная стихия’ (стихия – явление природы, обнаруживающееся как мощная сила, независимая от воздействий со стороны человека [Большой словарь иностранных слов, 2007. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-big/index.htm>]) употреблено автором для того, чтобы показать мощь рыночных отношений;

- употребление синонимов *эхлак* ‘мораль’, *мораль*; *бушлай* ‘бесплатно’, *түләүсез* ‘без оплаты’; *закон / канун* ‘закон’; *проблема, кыенлык* ‘трудность’ избавляет от ненужных повторов; обеспечивает цепную связь между предложениями (третье и четвертое; девятое и десятое; двенадцатое и тринадцатое предложения);

- антонимы *түләүле* ‘платно’, *түләүсез* ‘бесплатно’, *файда* ‘польза’, *зарар* ‘вред’ использованы для оформления предложений с однородными членами (шестое, двадцать первое предложения);

- слова *принцибына* ‘принципу’ и *принциплары* ‘принципы’ образуют цепную связь «дополнение – подлежащее»; *принциплары* ‘принципы’ и *принциплары (арасында)* ‘(между) принципами’ формируют цепную связь «подлежащее – обстоятельство»;

- фразеологизмы *башын жүләргә салу* ‘прикидываться дураком’, *ыштан туздырып йөрү* ‘штаны протирать’ использованы в двадцать третьем предложении. При помощи них доказывается необходимость в переходе на рыночные отношения и в образовательном процессе.

На морфологическом уровне:

– аналитическая форма глагола *аклап жѣткерми* ‘не полностью оправдывает’ уже в первом предложении подчеркивает мнение автора о том, что нужно переходить к рыночным отношениям и в образовательном процессе, но не целиком;

– предикативные слова *тиеш* ‘должен’, *ярамый* ‘невозможно’, *мѣмкин* ‘можно’ в сочетании с инфинитивом обозначают необходимость, невозможность, возможность совершения действия и образуют параллельную связь между предложениями ССЦ;

– предикативное слово *мѣмкин* ‘можно’ в сочетании с отрицательной формой *-ми* (*керми калу мѣмкин тѣгел* ‘нельзя не войти’) выражает невозможность совершения действия;

– выражение *укыган булып йѣру* ‘притворяется что учится’ также подтверждает необходимость перехода к рыночным отношениям;

– вопросительная частица в повествовательном предложении *укытумы* ‘обучение’ (шестое предложение) подчеркивает сомнения автора, хотя было бы правильнее оформить данное предложение без частицы *-мы* в слове *укытумы* ‘обучение’, которая повторяется два раза.

На синтаксическом уровне:

– противительные союзы *э* ‘а’, *лѣкин* ‘но’ связывают предложения ССЦ и выражают противительное отношение;

– подчинительный союз *чѣнки* ‘потому что’ связывает предложения и выражает причинное отношение;

– союзное слово *юкса* ‘иначе’ связывает компоненты ССЦ и выражает причинно-следственное отношение;

– аналитическое сложноподчиненное предложение *Кайберѣулѣр айта: безда бѣтен уку-укыту процессы тѣлѣле булырга тиеш* ‘Некоторые говорят: у нас весь учебный процесс должен быть платным’ следовало бы оформить иначе, так как нарушается грамматическая связь с последующими

предложениями. Например: *Кайберәүләр бездә бөтен уку-укыту процессының түләүле булырга тиешлеге турында әйтә* ‘Некоторые сообщают о том, что у нас весь учебный процесс должен быть платным’;

– вводное слово *минемчә* ‘по моему мнению’ указывает на источник информации; предложение с *мәсәлән* ‘например’ подтверждает сказанное автором примером; *димәк* ‘следовательно’ завершает микроидею ССЦ, является средством связи между компонентами сложного синтаксического целого и выражает причинно-следственное отношение.

На морфемном уровне:

– разные залоговые формы глагола: *үзгәртә* ‘меняет’, *үзгәрә* ‘меняется’ также подчеркивают микроидею компонента ССЦ (любой человек не вправе менять, измениться должен на основе закона) и формируют цепную связь между предложениями;

– имеются не свойственные татарскому языку сложные слова образованные при помощи послелого *кадәр* ‘как’: 1) с неопределенным местоимением *күпмедер* (*күпмедер кадәр*) ‘несколько’, 2) с числительным *бер* (*бер кадәр*) ‘несколько’, хотя в татарском языке имеется форма неопределенного местоимения *беркадәр* [Татарская грамматика, 1997, с. 261]. Эти слова образуют параллельную связь между последним предложением медиальной части и первым предложением концовки;

– корневые слова *әхлак* ‘мораль’, *мораль* и парное слово *әхлак-мораль* ‘мораль’, образованное соединением двух заимствований, формируют цепную связь между предложениями.

Рассмотрим следующий пример сложного синтаксического целого:

(1) *Бишенче чакырылыш Дәүсоветның 48 нче утырышы тиз генә үтеш китәр шикелле иде.* (2) *Чөнки көн тәртибендәге мәсьәләләр арасында үзбезнең законнарны федераль законнар белән тәңгәлләштерүгә шактый урын бирелгән иде.* (3) *Әмма «чүп» дигәннәре бөтен эшне бозды да куйды.*

[Ватаным Татарстан, 2019, 25 июнь]. / ‘Казалось, что 48 заседание Госсовета пятого созыва пройдет очень быстро. Потому что среди вопросов, вынесенных на повестку дня, были такие, которые касались приведения в соответствие наших законов с федеральным законодательством. Но так называемый «мусор» все испортил.’

Хотя данное сложное синтаксическое целое состоит всего из трех предложений, оно богато гермами, объединяющими в себе различные языковые уровни. Второе предложение к первому присоединено союзом *чөнки* ‘потому что’ – показателем причинного отношения между данными предложениями. Третье предложение ко второму – союзом *амма* ‘но’, который устанавливает противительное отношение между ними. Также вспомогательное слово *иде* обеспечивает параллельную связь между предложениями. Лексема *Дәүсовет* ‘Госсовет’ (букв. Большой совет) – авторский неологизм. Автор образовал сложное слово, удачно сократив два слова *дәүләт* ‘государство’ и *совет*.

В следующем ССЦ с причинным отношением частей синтаксическим показателем является относительное слово *шуңа күрә* (поэтому):

Депутатлар арасында: «Кайберәүләр, берни дә эшләмичә, чүптән акчагына ясап ятмый микән?» – дип шикләнүчеләр дә бар иде. Бу мәсьәләгә депутат Марат Галиев берәз ачыклык кертте. Баксаң, чүп өчен җаваплы операторларны өстәмә бәягә салымнан (НДСтан) азат итмәкче булганнар, амма рәсми документ эшләнмәгән. Шуңа күрә операторлар зыян күрә икән
[Ватаным Татарстан, 2019, 25 июнь]. / ‘Среди депутатов были те, кто выразил сомнение: «Нет ли таких, кто, ничего не делая, зарабатывает на мусоре?»
Некоторый свет на этот вопрос пролил депутат Марат Галиев. Оказывается, операторов, ответственных за мусор, хотели освободить от НДС, но официальный документ так и не был подготовлен. Поэтому пострадали операторы.’

Как показывают примеры, во второй части ССЦ указывается причина микротемы, обозначенной в первой части. Тем самым именно вторая часть становится стержневым компонентом ССЦ, а первая часть становится «подготовительным» компонентом ССЦ.

В современных медиатекстах довольно часто встречаются ССЦ с причинно-следственными отношениями между предложениями. Они состоят из двух частей, вторая из которых представляет следствие, вытекающее из содержания первой части. Стержневым компонентом в данном ССЦ в смысловом плане является вторая часть, которая как бы «втягивает» в себя препозитивную часть синтаксического построения, являющуюся для него опорой, подготовительным компонентом структуры. Вторая часть таких сложных синтаксических целых присоединяется к первой вводными словами *димәк* ‘значит’, *дәрес* ‘правда’, *әйттик* ‘скажем’, *хәер* ‘хотя, впрочем’, *кыскасы* ‘словом’, *чыннан да* ‘действительно’, *ник дигәндә* ‘почему’ и др. Рассмотрим пример.

(1) *Кечкенә генә бер районда ничек итеп мондый ярыш уздырырга алынганнар?* (2) *Көрәш жәмәгатьчелегендә еш яңгырады бу сорау соңгы көннәрдә.* (3) *«Ничек әзерләнгәнне үзезгә генә беләбез инде.* (4) *Бер алынган, туктарга ярамый бит.* (5) *Инде ничә көн йоклаган юк», – ди әнә райондагы түрәләренң берсе.* (6) *Хәер, йоклый алмаганнарына үзләре «гаепле».* (7) *Ник дигәндә, Татарстанда мондый зур ярыш уздырырга карар кылган федерация вәкилләренң нәкъ менә Теләчене сайлавы гажәп тә түгел* [Ватаным Татарстан, 2014, 17 дек.]. / ‘Как в одном небольшом районе решили провести такое соревнование? В последние дни в борцовском сообществе этот вопрос часто звучал. «Как готовились, знаем только сами. Раз решились, нельзя же останавливаться. Сколько дней уже не спим», – говорит один из чиновников района. Впрочем, сами во всем «виноваты». Неудивительно, что

представители Федерации, решившие провести в Татарстане такое крупное соревнование, выбрали именно Тюлячинский район.’

Сложное синтаксическое целое состоит из 7 предложений. Зачин выражен первым предложением. Концовкой является седьмое предложение, и в нем высказывается мнение относительно вопроса, поставленного в зачине.

Медиальная часть состоит из двух сегментов. Первый сегмент состоит из 2–5 предложений. Второй формирует шестое предложение. Вводное слово в шестом предложении выражает причинно-следственное отношение между первым и вторым сегментами. В данном ССЦ внимание читателя акцентируется на следствиях, вытекающих из шестого предложения.

В анализируемом ССЦ выявлены языковые особенности на лексическом, морфологическом, синтаксическом, фонетическом уровнях.

На лексическом уровне:

– синонимы, образованные различными языковыми вариантами слов *жәмәгатьчелек* ‘общество’ и федерация, хотя слово не совсем раскрывает значение слова: федерация – всякий союз, состоящий из отдельных обществ или организаций (книжн.). Федерация советских писателей. [Словарь Ушакова. URL: https://ushakovdictionary.ru/view_search.php]; *жәмәгатьчелек* – *аерым бер коллективның төп массасы* ‘основная масса отдельного коллектива’ [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2013]. Эти синонимы обеспечивают дистантную цепную связь «обстоятельство – определение» между вторым и седьмым предложением.

На морфологическом уровне:

– ограничительная частица *генә* ‘только’ в первом предложении противопоставляется местоимению *мондый*, тем самым создается эффект огромного отличия (*кечкенә генә район* ‘очень маленький, крошечный’ – *мондый ярыш* ‘такое соревнование’);

– *мондый ярыш* ‘такое соревнование’ в зачине и *мондый зур ярыш* ‘такое большое соревнование’ в концовке в содержательном плане подчеркивают объемы данного мероприятия, а в грамматическом плане объединяют два компонента ССЦ, обеспечив анафорическую связь.

На синтаксическом уровне:

– зачин ССЦ выражен вопросительным предложением, на который дается ответ в первом компоненте медиальной части. А в концовке в виде ответа на поставленный вопрос в зачине подводится итог микроидеи. Структура, представленная в виде вопрос – ответ, грамматически связывает эти два компонента ССЦ;

– инверсия в первом и втором предложениях вместе с интонацией выделяют гермы в предложении и формируют параллельную связь между компонентами ССЦ;

– предложение с прямой речью передает слова собеседника без искажения и подтверждает достоверность информации;

– инверсия (*инде* ‘уже’ переставлен в начало предложения) и указательное местоимение *энэ* ‘вон’ в пятом предложении передают читателю атмосферу живого общения автора с собеседником.

На фонетическом уровне:

– логическое ударение и интонация в первом и втором предложениях (*ничек итеп* ‘каким образом’, *еш яңгырады* ‘часто звучал’) вместе с перестановкой членов предложений выделяет данные гермы среди остальных и образует параллельную связь.

В современных медиатекстах встречаются ССЦ и с присоединительными отношениями частей. При возникновении присоединительных отношений между компонентами ССЦ оно структурно делится на две части, где в первой части передается основная мысль, а во второй, присоединительной, части сообщается информация о данной главной

мысли. Такая информация, в основном, выражает мнение автора. И она в комплексе с первой основной частью раскрывает целостное содержание темы, предмета речи. В отличие от ССЦ со следственными отношениями, в данных построениях первая часть является стержневой и в смысловом плане, так как вторая, присоединительная, часть возникает по ходу изложения первой, она вторична по своему происхождению.

(1) – Балага исем эзләү бәби табудан да катлаулырак, – ди әни булырга әзерләнүче Миләүшә Исхакова. (2) – Тиздән улыбыз туачак. (3) Ирем Ранил белән сабыебызга гадәти булмаган, әмма гаиләбезгә якын исем кушарга телибез. (4) Улыбыз әтисенә, әнисенә, нәселенә охшап тусын иде. (5) Шуңа күрә Миран дигән исем сайладык. (6) Ул Миләүшә һәм Ранил исемнәреннән кыскартып ясалган.

(7) Миләүшә кебекләр бихисап. (8) Татарстан башкаласы ЗАГСы мәгълүматларына караганда, узган атнада Казанда 437 сабий дөньяга аваз салган. (9) Нарасыйларга Яз, Устин, Мирас, Гөляз, Диләнә дигән ят исемнәр дә кушканнар. (10) Кыскасы, Миранга иптәшләр җитәрлек. [Ватаным Татарстан, 2019, 7 июнь]. / ‘Найти имя ребенку сложнее, чем родить ребенка, – говорит готовящаяся стать мамой Миляуша Исхакова. – Скоро у нас родится сын. Мы с мужем Ранилем ребенку хотим дать необычное, но близкое к семье имя. Хотим, чтобы сын был похож на папу и маму. Поэтому выбрали имя Миран. Оно образовано сокращением имен Миляуша и Раниль.

Таких, как Миляуша, много. По данным ЗАГСа столицы Татарстана, за прошедшую неделю в Казани на свет появилось 437 малышей. Детям давали такие странные имена, как Яз, Устин, Мирас, Гуляз, Диляна. Словом, Миран не один такой.’

ССЦ состоит из десяти предложений. Зачином является первое предложение. Смысловое ядро выражено словосочетанием *исем эзләү* ‘выбор имени’.

Медиальная часть делится на два сегмента. В первый входят предложения под номерами 2–6. В формировании второго сегмента участвуют 7–9 предложения.

Присоединительная конструкция в данном примере (второй сегмент медиальной части) используется для усиления прагматического эффекта, а также для выражения авторского мнения.

Концовка – десятое предложение.

В ходе анализа ССЦ выявлены языковые особенности на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне:

- заимствованное слово *бихисап* ‘бесчисленно’ подчеркивает то, что таких людей огромное количество. Употребление наречия в превосходной степени *бик кун* ‘очень много’ (*гаять кун* ‘довольно много’) не дало бы ожидаемого эффекта. Оно с контекстуальным синонимом *житәрлек* ‘достаточно’ создает цепную связь между медиальной частью и концовкой;

- синонимы *бала* ‘ребенок’, *ул* ‘сын’, *сабий* ‘детка’, *нарасый* ‘младенец’; *туа* ‘рождается’, *аваз сала* ‘издает первый звук’; *исем сайлау* ‘выбирать имя’, *исем эзләу* ‘искать имя’ избавляют от ненужных повторов и служат для образования различных видов цепной связи между предложениями ССЦ;

- употребление персидских заимствований *бихисап* ‘бесчисленно’, *нарасый* ‘младенец’ в одном компоненте ССЦ (в первом и последнем предложениях) определяет границы компонента.

На морфологическом уровне:

- числительные употреблены для подтверждения достоверности информации и для того, чтобы расположить читателя;

- существительные в разных грамматических формах, являющиеся между собой синонимами *балага* ‘ребенку’, *улыбыз* ‘наш сын’ («дополнение

– подлежащее»); *улыбыз* ‘наш сын’, *сабыебызга* ‘нашему детищу’ («подлежащее – дополнение»); *сабыебызга* ‘нашему детищу’, *улыбыз* ‘наш сын’ («дополнение – подлежащее»), образуют цепную связь между предложениями первого компонента; *сабий* ‘детка’, *нарасыйларга* ‘младенцам’ («подлежащее – дополнение») связывают цепной связью предложения второго компонента.

На синтаксическом уровне:

– вводное слово *кыскасы* ‘словом’ подводит итог микротемы ССЦ.

В данном примере присоединительная конструкция используется для создания живого диалога с читателем, для усиления прагматического эффекта, а также для выражения авторского мнения. Присоединительная часть в комплексе с базовой частью раскрывает целостное содержание микротемы.

В современных медиатекстах имеются ССЦ и с временным отношением.

(1) *Илһам Хажиев Илһам Шакиров белән чирек гасырдан артык бергә була.* (2) *Ярдәмчесе дә, тәрбияләүчесе дә, иң якын дуслы да була ул жырчының.* (3) *Шул ук вакытта бик азлар гына бөек жырчы янында шундый кеше булганын белгәндер.* (4) *Артык күренергә дә, мактаньрга, лаф орырга да яратмый ул.* (5) *Без аның белән жырчының соңгы еллары узган Каюм Насыри урамындагы фатирында очраштык* [Шәһри Казан, 2022, 15 февр.]. / ‘Ильхам Хазиев более четверти века находился рядом с Ильхамом Шакировым. Он был и помощником и самым близким другом певца, ухаживал за ним. В то же время мало кто знал, что рядом с великим певцом был такой человек. Он не любит лишний раз показываться, хвастаться. Мы встретились с ним в квартире на улице Каюма Насыри, где прошли последние годы певца.’

ССЦ состоит из пяти предложений. Зачином выступает первое предложение. Концовкой – пятое.

Медиальная часть состоит из двух сегментов. Первый формирует второе предложение. Второй состоит из третьего и четвертого предложений. Относительное слово *шул ук вакытта* ‘в то же время’ устанавливает временное отношение между этими сегментами, обозначая одновременность происходящего.

Языковые особенности обнаружены на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне:

– контекстуальные синонимы *Илһам Шакиров* и *жырчының* ‘певца’ устанавливают контактную цепную связь «дополнение – определение» между первым и вторым предложениями;

– *жырчының* ‘певца’ и *жырчы янында* ‘рядом с певцом’ выражают цепную связь «определение – обстоятельство» между вторым и третьим предложениями; *жырчы янында* ‘рядом с певцом’ и *жырчының* ‘певца’ образуют дистантную цепную связь «обстоятельство – определение» между третьим и пятым предложениями.

На морфологическом уровне:

– глагол *була* ‘был, находился’ повторяется в форме субстантивированного инфинитива *булганын* ‘то, что был’ и образует дистантную цепную связь «сказуемое – дополнение» между первым и третьим предложениями;

– имя собственное *Илһам Хажиев* ‘Ильхам Хазиев’ и личное местоимение *ул* ‘он’ формируют контактную параллельную связь между первым и вторым предложениями; они же устанавливают дистантную параллельную связь между первым и четвертым предложениями.

На синтаксическом уровне:

– инверсия во втором и пятом предложениях определяет границы медиальной части и устанавливает параллельную связь между предложениями.

В современных медиатекстах обнаружены ССЦ также с пояснительными отношениями. Их главным синтаксическим показателем является союз *ягъни* ‘то есть’. В смысловом плане предложение с этим союзом раскрывает, поясняет содержание предыдущего компонента.

(1) – Язучы Шәриф Камал Казанга 1925 елда килә. (2) 1927 елдан башлап, бакыйлыкка күчкәнче, ул да монда гомер кичерә. (3) Музейның өске катындагы фатир Шәриф Камал яшигән чордагыча сакланган. (4) Шунда үткән заманның атаклы шәхесләре, ягъни татарның зыялылары жәыела торган була. (5) Ягъни биредә матурлык тудырырга омтылган, инкыйлабтан соң нидер үзгәртәргә теләгән кешеләр жәыелган дип әйтергә кирәк. (6) Бина шуның белән дә үзенчәлекле, – ди Луиза Янсуар [Ватаным Татарстан, 2019, 2 июль]. / ‘– Писатель Шариф Камал в Казань приехал в 1925 году. С 1927 года до своей смерти он тоже жил здесь. Квартира на верхнем этаже музея сохранилась в том виде, как и во времена Шарифа Камала. Здесь собирались известные личности того времени, то есть татарская интеллигенция. То есть можно сказать, что здесь собирались те, кто стремился творить красоту и хотел что-то изменить после революции. Данное здание этим тоже уникально», – говорит Луиза Янсуар.’

ССЦ состоит из шести предложений. Первое и второе предложения являются зачином. Шестое предложение определяет концовку. 3–5 предложения формируют медиальную часть. В пятом предложении поясняется содержание четвертого предложения.

Определены языковые особенности на лексическом, морфологическом, синтаксическом и морфемном уровнях.

На лексическом уровне:

– контекстуальные синонимы *шәхесләре* ‘личности’ и *кешеләр* ‘люди’ формируют цепную связь «подлежащее – подлежащее» между четвертым и пятым предложениями;

– контекстуальные синонимы *музейның* ‘музея’ и *бина* ‘здание’ формируют дистантную цепную связь «определение – подлежащее» между третьим и шестым предложениями.

На морфологическом уровне:

– первые два предложения связываются между собой параллельной связью. Сказуемые, выраженные глаголом изъявительного наклонения в форме настоящего времени, определяют границу зачина;

– имя собственное *Шәриф Камал* ‘Шариф Камал’ и личное местоимение *ул* ‘он’ усиливают параллельную связь между предложениями зачина;

– имена существительные *фатир* ‘квартира’ и указательное местоимение *шунда* ‘там’ образуют местоименную цепную связь между третьим и четвертым предложениями;

– числительные указывают на исторические даты;

– указательные местоимения *шунда* ‘там’, *биредә* ‘тут,’ *шунның белән* ‘тем самым’ являются средством связи между компонентами ССЦ и образуют цепную связь.

На синтаксическом уровне:

– союз *ягъни* ‘то есть’ в четвертом предложении образовал тавтологию;

– союз *ягъни* ‘то есть’ в пятом предложении является средством связи между компонентами ССЦ.

На морфемном уровне выявлены такие языковые особенности:

– производное слово *чордагыча* ‘как в то время’, образованное при помощи словообразующего аффикса *-ча*, является сложным для восприятия

читателем. Его можно было заменить на конструкцию как *чордагы кебек* ‘как в то время’;

– слова *жыела торган була* и *жыелган* ‘собирались’ связывают четвертое и пятое предложение цепной связью.

Пояснительное отношение выражено союзом *ягни* ‘то есть’. Без этой связи микротема не была бы полностью раскрыта, содержание всего построения понималось бы по-другому, как при отношении перечисления.

Рассмотрим еще один пример: (1) *Чыннан да, пенсия һәм пенсия алды яшендәге гражданнарға (хатын-кызларға – 55, ир-атларға 60 яшь тулганнан соң) ташламалар каралган.* (2) *Аны һәр төрдән бер объектка бирәләр: берьюлы бер йортка, бер фатирга яки бүлмәгә, бер гаражга һәм алты сүткән эшкә.* (3) *Ягни эгәр пенсионерның ике фатиры бар икән, ул аларның берсе буенча милеккә салым түли.* [Ватаным Татарстан, 2021, 22 нояб.]. / ‘Действительно, льготы предусмотрены для граждан пенсионного и предпенсионного возраста (женщины – 55, мужчины – 60 лет). Даются на каждый тип объекта: один дом, одна квартира или комната, один гараж и шесть соток земли. То есть, если у пенсионера две квартиры, он будет платить налог на недвижимость с одной из них.’

Данное ССЦ состоит из двух смысловых частей, объединенных одной микротемой. Союз *ягни* ‘то есть’ образует пояснительное отношение между частями ССЦ. Именно пояснительная часть ССЦ позволяет воспринять в полной мере содержание всего построения.

Итак, выявив виды синтаксических отношений между компонентами сложного синтаксического целого в современных медиатекстах, рассмотрев структурно-семантические типы ССЦ и исследовав компоненты сложных синтаксических целых на основе их структуры и семантики, можно сделать выводы о том, что в медиатекстах преимущественно используются противительные, сопоставительные, причинно-следственные, условные,

присоединительные, временные и пояснительные отношения между компонентами ССЦ.

Для примеров сложного синтаксического целого, вычлененных из медиатекстов, характерны языковые особенности на всех уровнях, но основные гермы выявлены на лексическом, морфологическом, синтаксическом и морфемном уровнях. Гермы на фонетическом уровне выявлены в единичных случаях.

Между компонентами ССЦ чаще наблюдается цепная связь.

Для передачи различных смысловых отношений употребляются союзы *һәм* 'и', *ләкин* 'но', *тик*, *бары тик* 'но, только', *эмма* 'но', *ғарчә* 'хотя', *чөнки* 'потому что', *әгәр* 'если', относительное слово *шуңа күрә* 'поэтому', вводные слова *димәк* 'значит', *дәрес* 'правда', *әйттик* 'скажем', *хәер* 'хотя, впрочем', *кыскасы* 'словом', *чыннан да* 'действительно' и др.

Несмотря на то, что были выявлены различные синтаксические отношения между компонентами ССЦ, они являются целостными грамматическими и семантическими единицами.

В ССЦ из современных медиатекстов зафиксированы как стилистические, так и не компетентно оформленные ССЦ. Это касается в основном структуры ССЦ, размещения предложений в компонентах ССЦ и выборе средств связи между предложениями.

Зачин в ССЦ из медиатекстов, как правило, совпадает с заголовком медиатекста, что объясняется сравнительно небольшим объемом данных текстов и совпадением границы отдельного ССЦ с границами самого текста.

На лексическом уровне характерны следующие особенности: употребление синонимов, антонимов, имен собственных, калькированной и заимствованной лексики, профессионализмов, терминов, лексем, относящихся к определенной области, архаизмов, образных выражений, фразеологизмов, слов в переносном значении, языковых вариантов слов, что

сближает медиатексты текстами художественной литературы. На морфологическом уровне: употребление частей речи в различных грамматических формах для связи предложений между собой (в основном цепная связь), числительных для конкретизации информации, подтверждения достоверности, предикативных слов. Для синтаксического уровня характерны такие языковые особенности: употребление вводных слов, которые служат как для связи компонентов, так и выражения различных модальных значений; предложений с прямой речью, с однородными членами, с риторическими вопросами; инверсия.

На морфемном уровне преобладают такие языковые особенности, как употребление корневых и парных слов, образованных от корней уже имеющихся в контексте данного же ССЦ.

Имеются стилистические ошибки, ненужные повторы, наблюдается неправильное употребление грамматических форм слов (падеж, принадлежность, временная форма глаголов изъявительного наклонения, синтаксические омонимы, неуместное употребление предложений того или иного типа, например неполных предложений вместо полных, аналитических сложноподчиненных предложений вместо синтетических сложноподчиненных предложений и т. д.), которых можно избежать при правильном использовании разнообразных типов ССЦ с учетом их структуры и семантических отношений между его элементами.

3.3. Структурно-семантические особенности сложного синтаксического целого в официально-деловом и научном стилях

3.3.1. Особенности ССЦ в текстах официально-делового стиля

Официально деловой стиль – это стиль официального документального общения государства с государством, государства с гражданином и граждан между собой. Каждый текст этого стиля имеет статус документа, поэтому в официально-деловом стиле используются строгие стандарты способов выражения начиная с расположения частей текста. Стандартные языковые формулы и термины не терпят синонимических замен, а также стремятся к абсолютной полноте выражения, предотвращающей инотолкование [Солганик, 2008, с. 7].

Исследованию официально-делового стиля посвящены работы таких ученых, как В.И. Борковский (1949), О.Т. Бархатова (1955), М.А. Веселова (1955), И.С. Вольская (1966, 1968), В.М. Богуславский (1968), К.А. Логинова (1975), П.В. Веселов (1982, 1993), Л.В. Рахманин (1988), О.В. Баракова (1995), Е.Н. Мягкова (1994), Т.Б. Мульганова (1997), Ш.А. Рамазанов (1954), Ф.С. Фасеев (1961, 1969), Э.М. Ахунзянов (1968), М.А. Сагитов (1971), В.Х. Хаков (1971), Ф.М. Хисамова (1981), И.М. Низамов (1981), Н.Н. Фаттахова (1985), И.А. Абдуллина (1986), Р.К. Рахимова (1991), Ф.Г. Тарханова (2004), З.В. Валиев (1997, 1999), Ф.А. Ганиев (2000), Ф.С. Сафиуллина (2000), Л.К. Байрамова (2001), А.А. Тимерханов (2002, 2005, 2006) и др.

Источниками в данном параграфе послужили следующие письменные документальные источники разных жанров: 1) выборочные нормативно-правовые акты Государственного Совета Республики Татарстан, Кабинета Министров Республики Татарстан, публиковавшиеся в газете «Ватаным

Татарстан», 2) образцы деловых бумаг на татарском языке [Валиев, 1999], отдельные образцы документов на татарском языке.

В языке выработались свои строгие правила, в соответствии с которыми определенная ситуация общения, условия, в которых происходит это общение, требуют использования соответствующих стилистических средств и «техники», представляющих собой сочетание лингвистических (лексический состав, грамматические данные) и экстралингвистических (статус делового произведения, целевая установка, композиция и др.) средств. Эти средства в совокупности образуют систему функционально-стилистических норм официально-делового стиля, которые в значительной степени обусловлены, прежде всего, его основополагающими стилевыми чертами и определяются конкретными целями и задачами языкового общения в данной функциональной разновидности. В специальной литературе нет единого мнения относительно количества выделяемых стилевых черт, их характера и степени выраженности в том или ином документном жанре. Однако наиболее характерными для официально-делового стиля большинства языковых систем, включая и татарский язык, следует признать такие черты, как официальность, стандартизованность и унифицированность, точность, нейтральный тон [Тимерханов, 2006, с.17–18].

Официально-деловой стиль среди других стилей выделяется определенной устойчивостью и замкнутостью, в меньшей степени подверженностью влиянию внешних элементов. С течением времени этот стиль, как и любой другой, подвергается отдельным изменениям. Терминология, лексический состав и устойчивый синтаксис придают ему в целом консервативный характер.

Регламентированность служебных отношений, повторяемость управленческих ситуаций, тематическая ограниченность деловой речи определили языковые особенности официально-делового стиля.

Требования, предъявляемые к текстам официально-делового стиля, и отмеченные языковые особенности разных уровней определяют структуру сложного синтаксического целого этого стиля.

Продemonстрируем сложное синтаксическое целое из официально-делового стиля:

(1) *82 статья*

(2) *1. Татарстан Республикасы Дәүләт Советы Рәисе Дәүләт Советына җитәкчелек итә һәм аның утырышларында рәислек итә, Дәүләт Советы эшен оештыра, Татарстан Республикасы дәүләт хакимиятенең башка органнары һәм җирле үзидарә органнары, дәүләт хакимиятенең федераль органнары, башка дәүләтләрнең парламентлары, җәмәгать берләшмәләре белән мөнәсәбәтләрдә Дәүләт Советы исеменнән эш йөртә, Татарстан Республикасы Конституциясендә, законнарында һәм Татарстан Республикасы Дәүләт Советы Регламентында каралган башка вәкаләтләрне тормышка ашыра.*

(3) *2. Дәүләт Советы Рәисе урынбасарлары Дәүләт Советы Рәисе тапшырган вәкаләтләр буенча аның аерым вазыйфаларын үтиләр һәм, Рәис булмаган яисә ул үз вазыйфаларын башкара алмаган очракта, аны алыштыралар.*

(4) *3. Татарстан Республикасы Дәүләт Советы Секретаре Дәүләт Советы Аппаратына җитәкчелек итә [Татарстан Республикасы Конституциясе]. / ‘Статья 82*

1. Председатель Государственного Совета Республики Татарстан возглавляет Государственный Совет и председательствует на его заседаниях, организует работу Государственного Совета, представляет Государственный Совет в отношениях с другими органами государственной власти Республики Татарстан и органами местного самоуправления, федеральными органами государственной власти, парламентами других государств, общественными

объединениями, осуществляет иные полномочия, предусмотренные Конституцией, законами Республики Татарстан и Регламентом Государственного Совета Республики Татарстан.

2. Заместители Председателя Государственного Совета выполняют по уполномочию Председателя Государственного Совета отдельные его функции и замещают Председателя в случае его отсутствия или невозможности осуществления им своих обязанностей.

3. Секретарь Государственного Совета Республики Татарстан возглавляет Аппарат Государственного Совета.'

Сложное синтаксическое целое состоит из четырех предложений. Зачином является номер статьи (82 *статья* 'статья 82'). Смысловое ядро обеспечивает словосочетание *Дәүләт Советы* 'Государственный Совет', который в ССЦ повторяется девять раз.

На лексическом уровне выявлены следующие языковые особенности:

– слово *рәисе* 'председатель' образует параллельную связь между предложениями.

На морфологическом уровне:

– из самостоятельных частей речи чаще употребляются имена существительные (61 слово из 100);

– часто употребляются сложные глаголы, которые образуют параллельную связь (*рәислек итә* 'председательствует', *эш йөртә* 'действует', *тормышка ашыра* 'воплощает в жизнь', *житәкчелек итә* 'руководит') и формируют параллельную связь между компонентами ССЦ;

– сказуемые выражены глаголами изъявительного наклонения в форме настоящего времени и обеспечивают параллельную связь между предложениями;

– в данном ССЦ наблюдается частотное употребление изафетных сочетаний, которые образуют параллельную связь.

На синтаксическом уровне:

- между вторым, третьим и четвертым предложениями установлена параллельная анафорическая связь, которая выражена одинаковой формой глагольных сказуемых, повторяющимся словосочетанием *Дәүләт Советы* ‘Государственного Совета’;
- частичный повтор предложения (*Татарстан Республикасы Дәүләт Советы* ‘Государственного Совета Республики Татарстан’) в зачине и концовке образует кольцовое ССЦ;
- третье предложение осложнено обстоятельством времени.

На морфемном уровне:

- однокоренные слова *раис* ‘председатель’, *раислек* и *итә* ‘председательствует’ образуют цепную связь посредством частичного лексического повтора;
- производные существительные, образованные от существительных присоединением аффикса *-лек*, участвуют в образовании параллельной связи.

Рассмотрим следующий пример:

(1) *Казан шәһәренең 5 нче гимназия
директорына рус теле түгәрәге җитәкчесе
Әхмәтова Алсу Вәли кызыннан
мәгълүматнамә.*

(2) *Гимназия директорының 1990 елның 15 сентябрәндә чагарылган 7 нче боекыгы буенча мин, Әхмәтова Алсу Вәли кызы, 2 нче сыйныфта рус теле түгәрәге белән җитәкчелек иттем.*

(3) *Түгәрәкнең эшендә 15 кеше катнашты. (4) Барлык түгәрәк ағзалары дәресләрдә актив катнаштылар. (5) Тик Хәлимова Фәрида, авыру сәбәпле, кайбер дәресләрне калдырды.*

(6) *Минем тарафтан 2 нче сыйныф өчен 6 дәрес, шулай ук, «Рус теле» кичәсе һәм «Әкиятләр көне» үткәрелде.*

(7) *Хәзерге вакытта рус теле атналыгына әзерлек алып барыла.*

Имза

(8) 1991 ел, 15 февраль [Вәлиев, 1999, с. 12]. /

‘Директору гимназии №5 г. Казани
руководителя кружка русского языка
Ахметовой Алсу Валиевны

докладная записка.

Согласно приказу директора гимназии от 15 сентября 1998 года я, Ахметова Алсу Валиевна, проводила занятия в кружке русского языка во 2 классе.

В его работе принимало участие 15 человек. Занятия кружка посещались всеми членами аккуратно, кроме Хакимовой Фариды, пропустившей занятия ввиду болезни.

Мною было проведено 6 занятий, а также вечер русского языка и день сказок для подшефного второго класса.

В настоящее время ведется подготовка к проведению недели русского языка.

Подпись

15 февраля 1991 г.’

ССЦ состоит из восьми предложений. Первое предложение выступает зачином. Смысловое ядро – *мәгълуматнамә* ‘докладная записка’. 2–6 предложения составляют медиальную часть. Седьмое, восьмое предложения – концовка ССЦ.

На лексическом уровне выделены следующие языковые особенности:

– 41 слово из 116 – имена существительные;

- все слова употреблены в прямом значении;
- слово *гимназия* образует цепную связь «определение – определение» между первым и вторым предложением;
- многозначное слово *түгәрәк* ‘кружок’ в данном ССЦ воспринимается лишь в одном значении. Оно формирует цепную связь между предложениями.

На морфологическом уровне:

- употребление глаголов в страдательном залоге (*уткәрелде* ‘был проведен’, *алын барыла* ‘ведется’) образует параллельную связь;
- единая временная форма глагольных сказуемых медиальной части образует параллельную связь между предложениями этого компонента;
- числительные подтверждают достоверность информации.

На синтаксическом уровне обнаружены следующие языковые особенности:

- зачин выражен номинативным предложением, что определяет его границы;
- в предложениях медиальной части все сказуемые выражены глаголами изъявительного наклонения прошедшего времени. Они образуют параллельную связь;
- в концовке употреблен глагол в форме настоящего времени, что определяет границы компонентов ССЦ;
- пояснение (*Әхмәтова Алсу Вали кызы* ‘Ахметова Алсу Валиевна’) уточняет, кем написан документ и формирует цепную связь между первым и вторым предложением;
- союз *тик* ‘лишь’ в пятом предложении устанавливает противительное отношение между предложениями.

На морфемном уровне:

– обнаружены однокоренные слова *житәкче* ‘руководитель’, *житәкчелек* ‘руководство’, которые формируют цепную связь.

Рассмотрим еще два примера ССЦ в официально-деловых документах, которые имеют одинаковую структуру.

(1) Татарстан Республикасы Президенты Указы

(2) А. Ә. Кәримовны Татарстан Республикасы Премьер-министры урынбасары – Татарстан Республикасы сәнәгать һәм сәүдә министры итеп билгеләп кую турында

(3) Кәримов Альберт Әнвәр улын Татарстан Республикасы Премьер-министры урынбасары – Татарстан Республикасы сәнәгать һәм сәүдә министры итеп билгеләп куярга.

(4) Татарстан Республикасы Президенты

Р.Н. Миңнеханов

(5) Казан, Кремль

(6) 2015 ел, 23 декабрь

№ ПУ–1244

[Ватаным Татарстан, 2015, 25 дек.] /

‘Указ Президента Республики Татарстан

*О назначении Каримова А.А. заместителем Премьер-министра
Республики Татарстан – Министром промышленности и торговли
Республики Татарстан*

Назначить Каримова Альберта Анваровича заместителем Премьер-министра Республики Татарстан – Министром промышленности и торговли Республики Татарстан.

Президент

Республики Татарстан

Р.Н. Минниханов

Казань, Кремль

23 декабря 2015 года

№ УП–1244’

(1) Татарстан Республикасы Дәүләт Советы КАРАРЫ

*(2) Алтынчы чакырылыш Татарстан Республикасы Дәүләт Советы
депутатларын сайлауны билгеләү турында*

*(3) Татарстан Республикасы Конституциясенең 75 статьясындагы 15
пункты, Татарстан Республикасы Сайлау кодексының 87 статьясындагы 1
өлеше нигезендә Татарстан Республикасы Дәүләт Советы КАРАР БИРӘ:*

*Алтынчы чакырылыш Татарстан Республикасы Дәүләт Советы
депутатларын сайлауны 2019 елның 8 сентябренә билгеләргә.*

(4) Татарстан Республикасы Дәүләт Советы рәисе Ф.Х. Мөхәммәтшин

(5) Казан шәһәре

(6) 2019 елның 5 июне

№ 2868–V ДС

[Ватаным Татарстан, 2019, 7 июнь] /

*‘Постановление Государственного Совета Республики Татарстан
Об установлении выборов депутатов Государственного Совета
Республики Татарстан шестого созыва*

В соответствии с пунктом 15 статьи 75 Конституции Республики Татарстан, частью 1 статьи 87 Избирательного кодекса Республики Татарстан Государственный Совет Республики Татарстан постановляет:

Выборы депутатов Государственного Совета Республики Татарстан шестого созыва назначить на 8 сентября 2019 года.

Председатель Государственного Совета
Республики Татарстан

Ф.Х. Мухаметшин

город Казань

5 июня 2019 года

№ 2868-V ДС'

Каждое из этих сложных синтаксических целых состоит из 6 предложений. В зачине сообщается название документа, во втором предложении сообщается суть документа, т.е. микротема. В третьем предложении каждого ССЦ почти целиком повторяется второе предложение, но с изменением формы глагола. Таким образом, образуется параллельная связь. Имя действия во втором предложении в третьем становится инфинитивом (*билгеләп* кую 'назначение', *билгеләп* куярга 'назначить'; *билгеләу* 'установление', *билгеләргә* 'установить'). Они формируют цепную связь между предложениями.

5, 6 предложения – номинативные предложения, где сообщается место и время оформления документа.

Третье предложение каждого анализируемого ССЦ имеет особую структуру. В первом оно выражено неопределенно-личным предложением, во втором – аналитическим сложноподчиненным предложением.

Итак, выявив виды синтаксических отношений между компонентами сложных синтаксических целых в официально-деловом стиле, рассмотрев

структурно-семантические типы сложных синтаксических целых и исследовав компоненты сложных синтаксических целых на основе их структуры и семантики, можно сделать выводы о том, что в сложных синтаксических целых из текстов официально-делового стиля присутствуют языковые особенности на лексическом, морфемном, морфологическом и синтаксическом уровнях и, в основном, это одинаковый набор для всех сложных синтаксических целых.

На лексическом уровне обнаружены такие языковые особенности: предельно обобщенная в семантическом отношении лексика; языковые штампы; недопустимость употребления слов в переносном значении и с эмоционально-экспрессивной окраской; синонимы и контекстуальные синонимы, повтор лексем, образующих цепные связи между предложениями и компонентами ССЦ.

На морфологическом уровне выявлено частое использование инфинитива и имени действия, по сравнению с другими глагольными формами; из спрягаемых форм чаще всего употребляются формы настоящего времени в страдательном залоге.

На синтаксическом уровне: словосочетания, обозначающие одно понятие (*башкарма комитет* 'исполнительный комитет', *алтынчы чакырылыш* 'шестой созыв', *Дәүләт Советы* 'Государственный Совет' и др.); простые предложения, осложненные однородными членами; использование сложноподчиненных предложений; глагольные сказуемые, выраженные одинаковой формой глаголов изъявительного наклонения, которые формируют параллельную связь.

На морфемном уровне присутствуют словообразовательные модели субстантивированных имен действий и инфинитива, однокоренные слова, участвующие в образовании цепных и параллельных связей.

3.3.2. Особенности ССЦ в текстах научного стиля

Исследованию функциональных стилей языка, в том числе и научного, посвятили свои труды Д.Э. Розенталь (1976), М.А. Теленкова (1976), Ю.В. Ванников (1984, 1985), М.П. Котюрова (1988), Б.Н. Головин (2002), Г.Я. Солганик (2003, 2008) В.Е. Чернявская (2006), Е.А. Реферовская (2007), В.Х. Хаков (1961, 1963), Х.Р. Курбатов (1971), С.М. Ибрагимов (1989, 2008), Ф.С. Сафиуллина (1993), И.Б. Баширова (2000) и другие ученые.

В научном стиле отдельное внимание уделяется логической последовательности изложения мысли.

Служебные средства, организующие научное изложение, выполняют общие для научного анализа, научного рассуждения функции: 1) подтверждают ранее приведенные рассуждения (*шуңа күрә, шунлыктан* ‘поэтому’, *димәк* ‘следовательно’, *шулай итеп* ‘таким образом’, *шул рәвешчә* ‘тем самым’, *нәтижәдә* ‘в результате’, *хаклы рәвештә* ‘справедливо’ и т. п.); 2) отрицают эти соображения (*шулай булуга карамастан* ‘тем не менее’, *шулай да* ‘все же’, *киресенчә* ‘наоборот’ и т. п.); 3) расширяют приведенные ранее соображения (*моннан тыш* ‘кроме того’, *үз чиратында* ‘в свою очередь’, *бу очракта* ‘в данном случае’ и т. п.); 4) ограничивают соображения, указывают на время осуществления исследования, на последовательность аргументации, вводят примеры, констатируют степень объективности информации (*әлбәттә* ‘конечно’, *күргәнебезчә* ‘как видим’, *билгеле булганча* ‘разумеется’ и т. п.). Способ изложения научного стиля является способом доказательства.

Объективность научного изложения выражается в «безличности», в отсутствии авторского «я». Точность научной речи предполагает отбор языковых средств, обладающих качеством однозначности и способностью оптимальным образом выразить сущность понятий. В первую очередь это касается лексики научного стиля, так как этот стиль очень последователен в

выборе и употреблении слова, резко сужает состав лексикона общего языка, налагая запрет не только на нелитературные пласты (жаргонизмы, диалектизмы, просторечные слова и т. п.), но и на литературные слова, если они имеют эмоциональную окраску: слово, входя в научный обиход, теряет ее, наполняясь другим содержанием. Главная особенность и ценность термина как основного показателя лексики научного стиля заключается в том, что он несет логическую информацию большого объема. Но научный стиль не исчерпывается использованием терминов метаязыка научной сферы того или иного знания – в данном случае активизируется лишь лексический языковой уровень – и имеет свои показатели на морфемном, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Проведем анализ сложного синтаксического целого из текста научного стиля.

(1) Балалар «тестлар батареясын» чишеп бетергәч, һәр сыналучы жыйган очко исәпләнә. (2) Иң мөһим процедура – баланың акыл сәләте коэффициентын билгеләү шунда гына башлана. (3) Монда унбер ярм яшьтәге балалар өчен очколар саны 120 чамасы булырга тиеш дигәннән чыгып эш итәләр. (4) 120 очко жыйган теләсә кайсы бала унбер ярм акыл яшенә ия дигән «гади» нәтижә ясала. (5) Шул нигездә акыл сәләте коэффициенты исәпләп чыгарыла:

$$\frac{\text{Баланың акыл сәләте}}{\text{коэффициенты (IQ)}} = \frac{\text{Акыл яше } x \text{ } 100}{\text{Баланың чын яше}}$$

(6) Әйттик, мисал өчен, тестлар ярдәмендә тикшерү нәтижәсендә ике бала да (берсе – ун яшь ярымда, икенчесе – ундүрттә) бер үк очколар саны (120) жыйды ди; бу очракта аларның һәркайсының акыл яше унбер ярм елны тәшкил итәр, һәм балаларның акыл яше коэффициенты түбәндәгечә исәпләп чыгарылыр иде:

$$\text{Беренче баланың IQ} = \frac{11,5 \times 100}{10,5} \approx 109,5$$

$$\text{Икенче баланың IQ} = \frac{11,5 \times 100}{14} \approx 82,1$$

[Петровский, 1982, с. 18–19]. / ‘После того, как дети решат «батарею тестов», подсчитываются очки, набранные каждым испытуемым. Только тогда начинается самая важная процедура – определение коэффициента умственных способностей ребенка. Здесь исходят из того, что для детей в возрасте от одиннадцати с половиной лет количество очков должно составлять около 120, делается «простой» вывод, что у любого ребенка, набравшего 120 очков, умственный возраст равен одиннадцати с половиной. На этой основе рассчитывается коэффициент умственных способностей:

$$\begin{array}{l} \text{Коэффициент умственных} \\ \text{способностей ребенка (IQ)} \end{array} = \frac{\text{Умственный возраст} \times 100}{\text{Реальный возраст ребенка}}$$

Так, например, проверка с помощью тестов показала, что оба ребенка (один в возрасте десяти с половиной лет, другой – четырнадцати лет) набрали одинаковое количество очков (120); в этом случае умственный возраст каждого из них составил бы одиннадцать с половиной лет, и коэффициент умственного возраста детей вычислялся бы следующим образом:

$$\text{IQ первого ребенка} = \frac{11,5 \times 100}{10,5} \approx 109,5$$

$$\text{IQ второго ребенка} = \frac{11,5 \times 100}{14} \approx 82,1.$$

Данное ССЦ состоит из шести предложений. Зачин определяется первым и вторым предложениями. Смысловое ядро – *баланың акыл сәләте коэффициенты* ‘коэффициент умственных способностей ребенка’.

Концовкой является шестое предложение.

Медиальную часть формируют третье, четвертое и пятое предложения.

Языковые особенности в данном сложном синтаксическом целом выявлены на лексическом, морфологическом, синтаксическом и морфемном уровнях.

На лексическом уровне:

– слова *балалар* ‘дети’ и *баланың* ‘ребенка’ образуют контактную цепную связь «подлежащее – определение» между первым и вторым предложениями;

– заимствованное слово *очко*, между первым и третьим предложениями формирует дистантную цепную связь «дополнение – определение», между третьим и четвертым – контактную цепную связь «определение – дополнение»;

– термин *акыл сәләте (яше) коэффициенты* ‘коэффициент умственных способностей ребенка’ устанавливает анафорическую связь между вторым и пятым предложениями; его употребление в зачине и концовке формирует кольцевое ССЦ;

– в контексте довольно много терминов, помогающих раскрыть микротему ССЦ.

На морфологическом уровне выявлено больше языковых особенностей, чем на остальных уровнях:

– выражение сказуемых глаголами изъявительного наклонения настоящего времени в страдательном залоге: *исәпләнә* ‘считается’, *башлана* ‘начинается’, *ясала* ‘делается’, *исәпләп чыгарыла* ‘рассчитывается’.

Употребление сказуемых в одной грамматической форме образует параллельную связь между предложениями;

- предикативное слово *тиеш* ‘должен’ подтверждает результат научного исследования: доказано, что дети в возрасте одиннадцати с половиной лет должны набрать 120 очков;

- числительные доказывают результаты математических исследований;

- в концовке употреблены глаголы в форме будущего времени, что определяет ее границы;

- в ССЦ больше половины слов являются существительными, большинство из которых термины, что свойственно научному тексту. Повторяющиеся термины устанавливают цепную связь между предложениями.

На синтаксическом уровне:

- концовка ССЦ выражена сложным предложением, где средством связи является глагол *жыйды ди* ‘скажем наберет’ в значении условия. Данную форму можно заменить на *жыйса* ‘если наберет’. Это предложение выделяет концовку от остальных компонентов ССЦ;

- вводные слова *эйтик* ‘скажем’, *мисал өчен* ‘к примеру’ помогают на примере доказать все сказанное;

- пояснения (*берсе – ун яшь ярымда, икенчесе – ундүрттә* ‘одному из них десять с половиной, второму – четырнадцать’, 120) конкретизируют, поясняют высказанное ранее мнение.

На морфемном уровне выявлены следующие языковые особенности:

- наличие субстантивированного имени действия (*билгеләу* ‘определение’ и причастия (*сыналучы* ‘испытываемый’)), что также является особенностью научного стиля.

Рассмотрим следующий пример:

(1) Тәржемә теориясе һәм практикасы өчен тәржемәнең төп берәмлеге яки тәржемәнең беренче элементы дигән төшенчәне билгеләү аһамиятле, чөнки кайбер мәсьалаларне дәрәс яки ялгыш хәл итү алегә төшенчәне төрлечә аңлауга бәйләнгән.

(2) Бөтен әсәрне, текстны, хәтта бер битне генә дә тоташ тәржемә итеп булмый. (3) Шунлыктан тәржемәче, гадәттә, оригинал текстын билгеле бер кисәкләргә, берәмлекләргә бүлгәли дә аларның мәгънә һәм сәнгатьлелек эчтәлеген икенче телгә шулай ук аерым берәмлекләр ярдәмендә күчәрә. (4) Әнә шул берәмлекләрне – тәржемә берәмлекләре дип, аларның иң күп кулланылганын исә тәржемәнең төп берәмлеге дип йөртәләр.

(5) Л. Бархударов фикеренчә, телдәге һәртөрле берәмлек – фонемадан алып бөтен бер текстка кадәр – тәржемә берәмлеге булып тора ала. (6) Шул ук вакытта тәржемә берәмлеге бер текст эчендә үк даими үзгәрәп тора – ул әле сүз, әле сүзтезмә, әле жәмлә була. (7) Бу фикер практикада раслана [Юсупов Р., 2014, с. 14]. / ‘Для теории и практики перевода важно определить понятие основная единица перевода или первый элемент перевода, так как правильное или неправильное решение некоторых проблем перевода, так как правильное или неправильное решение некоторых проблем зависит от разных интерпретаций данного понятия. Невозможно перевести целиком все произведение, текст, даже одну страницу. Поэтому переводчик обычно разделяет исходный текст на определенные части, единицы и переводит их смысл и художественное содержание на другой язык с помощью отдельных единиц. Эти единицы называются единицами перевода, а наиболее часто используемые единицы – основными единицами перевода.

По словам Л. Бархударова, единицей перевода может быть любая единица языка – от фонемы до целого текста. При этом единица перевода постоянно меняется внутри одного и того же текста – ею становится то слово, то словосочетание, то предложение. Эта точка зрения подтверждается на практике.’

ССЦ состоит из 7 предложений. Зачин определяется структурой первого предложения. Медиальная часть состоит из 2–4 предложений. Концовка определяется 5–7 предложениями.

Смысловое ядро выражено словосочетанием *тәржемәнең төп берәмлеге* ‘центральная единица перевода’.

На лексическом уровне можем определить следующие языковые особенности:

- все слова употреблены в прямом значении;
- в контексте много терминов, помогающих раскрыть микротему ССЦ и участвующих в формировании цепной связи между предложениями;
- лексема *тәржемә* ‘перевод’ образует контактную цепную связь «определение – сказуемое» между первым и вторым предложениями;
- наблюдается повтор некоторых терминов, как и принято в научных текстах. В первом предложении, например, слово *төшенчәне* употреблено два раза (*төшенчәне билгеләү* ‘определить понятие’, *төшенчәне аңлау* ‘понять понятие’), в четвертом предложении слово *берәмлек* ‘единица’ в различных грамматических формах встречается три раза. Оно повторяется и в других предложениях и образует цепную связь.

На морфологическом уровне выделены следующие языковые особенности:

- предикативное слово *булмый* ‘нельзя’ выражает невозможность данного действия;
- указательное местоимение *әнә шул* ‘эти’ связывает предложения цепной связью.

На синтаксическом уровне выявлены следующие языковые особенности:

– зачин выражен аналитическим сложноподчиненным предложением с придаточным причинным, где средством связи является союз *чөнки* ‘потому что’;

– относительное слово *шунлыктан* ‘поэтому’ устанавливает пояснительное отношение между предложениями медиальной части; относительное слово *шул ук вакытта* ‘при этом, в то же время’ подчеркивает, что действия происходят одновременно;

– вводные слова *гадәттә* ‘обычно’, *Л. Бархударов фикеренчә* ‘по мнению Л. Бархударова’ подтверждают привычность и источник высказанного;

– пояснение (*фонемадан алып бөтен бер текстка кадәр* ‘начиная с фонемы, заканчивая текстом’); пояснительное предложение (*ул әле сүз, әле сүзтезмә, әле жәмлә була* ‘им становится то слово, то словосочетание, то предложение’), устанавливают параллельную связь между предложениями концовки;

– односоставные неопределенно-личные предложения (второе, четвертое) подтверждают безличность научных текстов и способствуют созданию параллельной связи между этими двумя предложениями.

Разберем еще один пример:

(1) *Урта гасырларда, эпидемияларнең нык таралуы һәм сугышлар булу, үзгәрүчән климат, гигиена һәм халыкка күрсәтелә торган медицина ярдәменең бик түбән дәрәжәдә булуы сәбәпле, туучылар саны да һәм үлүчеләр саны да бик күпләп исәпләнә.* (2) *Уңдырышлы килгән елларда халык саны арткан; авырулар таралу, ачлык, сугышлар, азык-төлекнең житмәве кеше санының кимүенә китергән.*

(3) *XVIII гасырда исә Европаның күпчелек илләрендә хәл үзгәрә: бай яисә ярлы булуына карамастан, гаиләләрдә балалар саны арта (императрица Мария-Терезиянең 16 баласы булган), шул ук вакытта үлүчеләр саны кими*

башлыг, Европа халкының гомуми саны әкреләп арта һәм алга таба аның үсеше тотрыклы рәвештә саклана [Гомуми тарих, 2020, с. 11]. / ‘В Средние века, из-за эпидемий и войн, перемены климата, крайне плохой гигиены и низкого уровня развития медицины, рождаемость сопровождалась высокой смертностью. В благоприятные годы население росло; болезни, голод, войны, недостаток продовольствия приводили к его уменьшению.

В XVIII веке во многих европейских странах положение меняется: растет число детей в семьях, независимо от того, богатые они или бедные (у императрицы Марии-Терезии было 16 детей), в то же время смертность начинает снижаться, общая численность жителей Европы постепенно растет, и этот рост уже не сменяется падением.’

Сложное синтаксическое целое состоит из трех предложений. Первое предложение является зачином. Третье – концовкой. Смысловое ядро выражается словосочетаниями *урта гасырларда* ‘в средние века’, *халык саны* ‘численность населения’.

На лексическом уровне выявлены следующие языковые особенности:

- подавляющее большинство слов ССЦ – исторические термины, которые участвуют в организации цепной связи между предложениями;
- все слова ССЦ без коннотации;
- употреблено много заимствованной лексики, принимающих участие в организации цепной связи.

На морфологическом уровне:

- подавляющее количество имен существительных, по сравнению с другими частями речи, – яркое свидетельство принадлежности ССЦ к функциональному научному стилю;
- существительное *саны* ‘число’ формирует цепную связь «подлежащее – подлежащее» между предложениями ССЦ;

– имена действия *кимүенә* ‘к уменьшению’, *булуына* ‘на то, что являются’ образуют параллельную связь.

На синтаксическом уровне:

– все предложения ССЦ являются сложными и создают параллельную связь между предложениями;

– пояснительное предложение *императрица Мария-Терезиянең 16 баласы булган* ‘у императрицы Марии-Терезии было 16 детей’ выделяет концовку от остальных компонентов ССЦ.

На морфемном уровне выявлены такие языковые особенности:

– наличие субстантивированных имен действий *таралу* ‘распространение’, *авырулар* ‘болезни’, *житмәү* ‘нехватка’ и субстантивированных причастий *туучылар* ‘рожденные’, *үлүчеләр* ‘умершие’ подтверждает обусловленность предметным, а не динамическим характером научного изложения. Они образуют параллельную связь.

Рассмотрим следующий пример:

(1) *Аю баланын (бузина) безнең бабаларыбыз ындыр табаклары, амбарлар янында икмәкне кимерүчеләрдән саклау өчен үстәргәннәр.* (2) *Димәк, аю баланын корткыч бөҗәкләр генә түгел, кимерүчеләр дә өнәп бетерми.* (3) *Шуңа күрә, әгәр дә бакча әйләнә-тирәсе, ягъни периметры буенча аю баланы утыртсаң, корткыч бөҗәкләр сезнең җиләк-җимеш, яшелчәләрне читләтеп үтәчәк.* (4) *Вақытлыча аның сындырып алынган ботакларын да корткыч бөҗәкләрне куркыту өчен файдаланырга мөмкин.* (5) *Әйтик, кәбестә күбәләге очкан вақытта кәбестәгә аю баланы ботагын кисеп куйсаң, алар кәбестәне читләтеп үтәчәк.* (5) *Тәҗрибәләрдән күренгәнчә, башка бөҗәкләрне дә, мәсәлән, кишер чебенен дә шушы аю баланы белән куркытырга мөмкин.*

(7) *Шулай ук бөтнек, сарымсак һ.б. яшелчә культураларын да гөбләләрне куркыту өчен бу бөҗәк зыян китерә торган үсемлекләр янына*

утырталар [Зыятдинов, 2011, с. 73]. / ‘Бузину наши предки выращивали возле токов и амбаров для защиты хлеба от грызунов. Это означает, что бузину не любят не только вредные насекомые, но и грызуны. Следовательно, если вы посадите бузину вокруг сада, то есть по периметру, насекомые не доберутся до ваших фруктов и овощей. Временно также можно использовать ее сломанные ветки для отпугивания насекомых-вредителей. Например, если появится капустница, у капусты нужно положить ветку бузины, тогда она капусту не тронет. Как показали опыты, бузиной можно отпугивать и других насекомых, например, морковную муху.

Также мяту, чеснок и др. овощные культуры сажают к растениям, которым может нанести вред тля.’

Данное ССЦ состоит из семи предложений.

На лексическом уровне:

– подавляющее большинство слов сложного синтаксического целого – термины, что объясняется точностью, обобщенностью, однозначностью научного изложения. Они образуют цепную связь;

– характерны повторы терминов (*аю баланы* ‘бузина’, *кимерүчеләр* ‘грызуны’ и др.), которые образуют цепную связь между предложениями;

– все слова ССЦ нейтрального стиля, без коннотации.

На морфологическом уровне:

– подавляющее количество существительных (47 из 115 слов), по сравнению с количеством слов других частей речи, – яркое свидетельство принадлежности сложного синтаксического целого к функциональному научному стилю;

– использованное в ССЦ имя прилагательное входит в состав сложного наименования (термина): *корткыч бөҗәкләр* ‘насекомые-вредители’. Данный термин формирует параллельную связь между предложениями;

- наблюдается частотное употребление изафетных сочетаний, часть из которых входит в состав сложных терминов (*аю баланы* ‘бузина’, *ындыр табагы* ‘ток’, *кабестә күбаләге* ‘капустница’, *кишер чебене* ‘морковная муха’). Они образуют параллельную связь;
- сказуемое *читләтеп үтәчәк* ‘будет обходить’, расположенное в конце третьего и пятого предложений, формирует параллельную анафорическую связь между этими предложениями;
- *файдаланырга мөмкин* ‘можно использовать’ также образует анафорическую связь между четвертым и пятым предложениями;
- в сложном синтаксическом целом использован сочинительный союз *ягъни* ‘то есть’ при пояснении;
- вводные слова *димәк* ‘значит’, *әйттик* ‘скажем’, *мәсәлән* ‘например’, *тәҗрибәләрдән күренгәнчә* ‘исходя из опытов’ подтверждают ранее приведенные рассуждения;
- союзное слово *шуңа күрә* ‘поэтому’ устанавливает причинное отношение между предложениями.

На морфемном уровне:

- обращает на себя внимание большое количество сложных слов, подтверждающих стилевую принадлежность данного ССЦ;
- формы субстантивированных причастий (*кимерүчеләр* ‘грызуны’) и имен действий (*саклау* ‘защита’, *куркыту* ‘напугать’) использованы не однократно, что также подтверждает принадлежность данного сложного синтаксического целого к научному стилю.

Для того чтобы сделать результирующие выводы по формированию ССЦ книжного научного стиля проведем анализ еще одного сложного синтаксического целого:

(1) *Сөйләм иясе (С.И.) дигәндә үз аңында фикер формалаштырып, шуны хәбәр итүче шәхес күздә тотыла.* (2) *Фикер белдерүче һәркемне шулай*

атарга була бит. (3) Дәрес. (4) Монда каршылык юк. (5) Шулай да сөйләм төзелешен күз алдында ачыграк тотар өчен С.И. әңгәмәне беренче башлаучы, әңгәмәдә башлангыч сүзне әйтүче, әңгәмәне оештырып баручы, кыскасы, аның нәтижәсе өчен кызыксынган, җаваплы кеше дип килешик.

(6) Бу төшенчәгә психология, логика, журналистика, лингвистика, социолингвистика, коммуникация һ. б. фәннәрдә адресант, коммуникатор, беренче әңгәмәдәш, хәбәрне озатучы, автор, сөйләүче, беренче зат, ия, «мин» терминнары кулланыла [Низамов, 1995, с. 28]. / ‘Под носителем речи (Н.Р.) понимается личность, формирующая в своем сознании мысль и сообщающая об этом. Так можно назвать каждого, кто высказывает мнение. Правда. Здесь нет противоречий. Однако для большей наглядности построения речи согласимся с тем, что Н.Р. – это тот, кто первым начинает беседу, произносит в ней начальную речь, является организатором беседы, словом, заинтересован, ответственен за ее результат.

Для обозначения этого понятия в психологии, логике, журналистике, лингвистике, социолингвистике, коммуникации и др. науках применяются термины адресант, коммуникатор, первый собеседник, отправитель сообщения, автор, рассказчик, первое лицо, подлежащее, «я».’

Сложное синтаксическое целое состоит из 6 предложений. Первое предложение – зачин. 2–5 предложения определяют медиальную часть, а концовкой является шестое предложение.

На лексическом уровне выявлены следующие традиционные для научного стиля языковые особенности:

- употребление в большом объеме терминов, заимствований, которые формируют параллельную связь между предложениями;
- повторы терминов не являются тавтологией, так как их нельзя заменить синонимами и они участвуют в образовании цепных связей.

На морфологическом уровне:

– употребление глаголов в страдательном залоге *күздә тотыла* ‘имеется в виду’, *кулланыла* ‘применяется’, которые образуют параллельную связь.

На синтаксическом уровне:

– слово-предложение, состоящее из вводного слова *дәрес* ‘верно’, подтверждает мысль, высказанную в первом и втором предложениях.

На морфемном уровне определены следующие языковые особенности:

– субстантивированные причастия *хәбәр итүче* ‘сообщающая’, *фикер белдерүче* ‘тот, кто высказывает мнение’, *әңгәмәне башлаучы* ‘тот, кто начинает беседу’, *хәбәрне озатучы* ‘сообщающий весть’, *сөйләүче* ‘рассказчик’ и др. формируют параллельную связь между предложениями;

– однокоренные слова *башлаучы* ‘начинающий’, *башлангыч* ‘первое’ участвуют в образовании однородных определений;

– в данном ССЦ зафиксировано условное сокращение слов *Сөйләм иясе (С.И.)* ‘носитель речи (Н.Р.)’.

Таким образом, анализ структурно-семантических особенностей сложных синтаксических целых в научных текстах позволил сделать выводы о том, что для связи частей ССЦ в научных текстах применяются языковые особенности не на всех уровнях: ни одно из языковых явлений на фонетическом уровне в данных сложных синтаксических целых не зафиксировано.

На лексическом уровне выявлено употребление терминов, заимствований, калькированной лексики. Основная черта морфологического уровня – преобладание имен существительных над остальными самостоятельными частями речи, что обусловлено предметным, а не динамическим характером научного изложения; употребление глаголов в страдательном залоге.

Синтаксис научного стиля нацелен на «необходимость доказывать, аргументировать высказываемые мысли, обнаруживать причины и следствия анализируемых явлений, что ведет к преимущественному употреблению сложных предложений, а среди типов сложного предложения преобладает сложноподчиненное.

На морфемном уровне особенностью научного стиля является частотное употребление субстантивированных имен действий и причастий.

Выводы по третьей главе

В данной главе были рассмотрены особенности сложных синтаксических целых в зависимости от функционального стиля языка на материале татарских текстов.

Мы пришли к выводу о том, что для связи частей сложных синтаксических целых в художественных текстах применяются языковые средства всех уровней: фонетические, морфемные, лексические, морфологические и синтаксические. В отличие от художественных текстов, во всех остальных стилях языковые особенности на фонетическом уровне не выявлены (в медиатекстах зафиксированы единичные).

В художественных и медийных текстах лексические средства (повторение лексем, употребление антонимов, синонимов, контекстуальных антонимов и синонимов, фразеологизмов и др.) образуют цепную связь между предложениями ССЦ, участвуют в выражении синтаксических отношений между компонентами ССЦ.

Морфологические средства выполняют различные функции в семантическом и грамматическом плане: употребление личных местоимений придает тексту искренность; частое употребление глаголов придает речи динамичность; употребление одной формы определенных частей речи соединяет предложения и компоненты ССЦ параллельной связью и др.

Синтаксические средства (союзы, союзные слова; употребление одного типа предложений, однородных членов предложений, инверсия и др.) создают структурную и грамматическую целостность ССЦ и выступают средством связи между предложениями, компонентами ССЦ.

Языковые особенности на морфемном уровне (однокоренные слова, различные грамматические формы слов и др.) формируют цепную или параллельную связь между предложениями ССЦ.

Особенности на фонетическом уровне участвуют в создании синтаксических отношений между компонентами ССЦ.

В результате анализа были выявлены противительные, сопоставительные, причинно-следственные, условные, временные и присоединительные отношения между компонентами ССЦ. Проведенный анализ ССЦ показал, что чаще всего средством связи между компонентами ССЦ является цепная связь. Для передачи различных смысловых отношений употребляются союзы *һәм* 'и', *ләкин* 'но', *тик, бары тик* 'но, только', *әмма* 'но', *ғарчә* 'хотя', *чөнки* 'потому что', *әгәр* 'если', относительное слово *шуңа күрә* 'поэтому', вводные слова *димәк* 'значит', *дөрөс* 'правда', *әйттик* 'скажем', *хәер* 'хотя, впрочем', *кыскасы* 'словом', *чыннан да* 'действительно', *ник дигәндә* 'почему' и др.

Основная черта морфологического уровня для научного и официально-делового стилей – преобладание имен существительных над остальными самостоятельными частями речи, что обусловлено предметным, а не динамическим характером научного изложения; употребление глаголов в страдательном залоге.

Синтаксис научного стиля нацелен на необходимость доказывать, аргументировать высказываемые мысли, обнаруживать причины и следствия анализируемых явлений, что ведет к преимущественному употреблению сложных предложений, а среди типов сложного предложения преобладает сложноподчиненное.

На морфемном уровне особенностью научного стиля является частое употребление субстантивированных имен действий и причастий.

Особенностями сложных синтаксических целых в текстах официально-делового стиля являются: употребление предельно обобщенной в семантическом отношении лексики; обозначение лица по признаку, обусловленному каким-либо действием или отношением; использование

языковых штампов; недопустимость употребления слов в переносном значении и с эмоционально-экспрессивной окраской. Также можем утверждать факт частого использования инфинитива и имени действия, по сравнению с другими глагольными формами. Чаще употребляются простые предложения, осложненные однородными членами. В ходе анализа текстов официально-деловых документов выявлены словообразовательные модели субстантивированных имен действий и причастий; заимствованные слова из русского языка и через него и кальки, которые образуют цепную связь между предложениями и компонентами ССЦ.

Заключение

В настоящем диссертационном исследовании был проведен комплексный анализ структурно-семантических, функциональных особенностей сложного синтаксического целого как специфической синтаксической единицы. В работе рассмотрены особенности композиции разных типов сложного синтаксического целого; подробно описаны структурные типы ССЦ, роль средств связи в ССЦ и синтаксические модели соединения предложений в ССЦ; на материале татарских текстов изучены особенности сложного синтаксического целого в зависимости от функционального стиля языка.

По результатам проведенного научного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Начиная с конца XX в. ученые обращают внимание на коммуникативный и функциональный анализ текста. Сложное синтаксическое целое признается главной составляющей каждого текста. Его статус как синтаксической единицы подтверждает структурно-семантическое единство компонентов. Связь между компонентами ССЦ выражается с помощью лексических и грамматических средств.

Для обозначения синтаксической единицы, состоящей из цепи самостоятельных предложений, употреблялось несколько терминов: «сложное предложение», «прозаическая строфа», «абзац», «микротекст», «сверхфразовое единство», «сложное синтаксическое целое» и др. В последних научных работах предпочтение отдается термину «сложное синтаксическое целое», которое обусловлено единством смысла и синтаксическим оформлением.

2. ССЦ и сложное предложение хотя и имеют общие признаки, но являются принципиально разными синтаксическими единицами.

Сложное синтаксическое целое не может состоять из одного сложного предложения. Также не все предложения, которые входят в состав текста, находятся в структурно-семантической и грамматической связи с другими предложениями текста, тем самым не являются предложением ССЦ.

Границы сложного синтаксического целого и абзаца не всегда совпадают. Они часто тождественны лишь в научных текстах и деловых документах. В художественной литературе, в медиатекстах один абзац может состоять из нескольких ССЦ. И одно сложное синтаксическое целое может объединить несколько абзацев. Поэтому абзац, красная строка не являются показателями границ сложного синтаксического целого. Понятия «абзац» и «ССЦ» не могут быть тождественными, так как абзац не единица языка и не выступает как понятие синтаксиса.

Сложное синтаксическое целое, текст, микротекст не могут рассматриваться синонимами, и термин «микротекст» не может применяться по отношению к синтаксической единице, состоящей из нескольких взаимосвязанных предложений.

3. Предлагаем ввести в научный оборот определение ССЦ и следующие термины:

Гади модельле синтаксик бөтен ‘сложное синтаксическое целое простой модели’ – *бертөрле жәмләрдән генә (гади яки кушма) торган синтаксик бөтен* / ‘ССЦ, которое состоит только из одного типа предложений (простых либо сложных).’

Гади жәмләрдән төзелгән модель ‘модель, построенная на основании сочетания простых предложений’ – *тулысынча гади жәмләрдән генә торган синтаксик бөтен* / ‘ССЦ, которое полностью состоит из простых предложений.’

Кушма жәмләрдән төзелгән модель ‘модель, построенная на основании сочетания сложных предложений’ – *тулысынча кушма*

жәмләләрден генә торган синтаксик бөтен / ‘ССЦ, которое полностью состоит из сложных предложений.’

Катнаш модельле синтаксик бөтен ‘сложное синтаксическое целое смешанной модели’ – *гади һәм кушма жәмләләрден төзелгән синтаксик бөтен* / ‘ССЦ, которое образуется путем сочетания простых и сложных предложений.’

Киңәю моделле ‘расширяющаяся модель’ – *алдагы һәр жәмләнең төзелеше, аңа кадәргесе белән чагыштырганда катлаулырак булган синтаксик бөтен* / ‘ССЦ, где каждое последующее предложение имеет более сложную структуру, по сравнению с предыдущей.’

Периодлап киңәю моделле ‘периодически расширяющаяся модель’ – *киңәю моделле ике яки берничә тапкыр кабатланган синтаксик бөтен* / ‘ССЦ, где расширяющаяся модель периодически повторяется’.

Тараю моделле ‘сужающаяся модель’ – *алдагы һәр жәмләнең төзелеше, аңа кадәргесе белән чагыштырганда гадирәк булган синтаксик бөтен* / ‘ССЦ, где каждое последующее предложение имеет более простую структуру, по сравнению с предыдущей.’

Периодлап тараю моделле ‘периодически сужающаяся модель’ – *тараю моделле ике яки берничә тапкыр кабатланган синтаксик бөтен* / ‘ССЦ, где сужающаяся модель периодически повторяется.’

«Ромб» *катнаш моделле* ‘комбинированная модель «ромб»’ – *составында төрле төзелешле гади жәмләләр дә (башлам һәм бетем өлешендә), кушма жәмләләр дә (төп өлештә) булган синтаксик бөтен* / ‘ССЦ, которое содержит в своем составе и простые (в зачине и концовке), и сложные предложения (в медиальной части) различных видов.’

«Ком сәгате» *катнаш моделле* ‘комбинированная модель «песочные часы»’ – *составында төрле төзелешле гади жәмләләр дә (төп өлештә), кушма жәмләләр дә (башлам һәм бетем өлешендә) булган синтаксик бөтен* /

‘ССЦ, которое содержит в своем составе и простые (в медиальной части), и сложные предложения (в зачине и концовке) различных видов.’

Магънави узак ‘смысловое ядро’ – *синтаксик бөтеннең төп темасын тәшкил итә торган тел берәмлекләре жыйелмасы* / ‘совокупность языковых единиц, представляющих основную тему ССЦ.’

Предлагаем в татарском языке использовать термин «*янәшә бәйләнеш*» для обозначения контактной (линейной) связи и термин «*ерактан бәйләнеш*» для определения дистантной связи; термин «герм» для обозначения компонента линейной структуры сложного синтаксического целого.

4. В каждом сложном синтаксическом целом обязательно наличие зачина, медиальной части и концовки.

Зачин ССЦ тесно связан с остальными предложениями в плане содержания, фонетического, лексического, грамматического оформления. Зачин, входя в ССЦ, является синсематичным, но с особой функцией.

Концовка – показатель нижней границы ССЦ. Эти компоненты определяют модель сложного синтаксического целого. Сама модель ССЦ влияет на синтаксическую структуру зачина, медиальной части и концовки.

При комплексном анализе внешней формы сложного синтаксического целого требуется выделить количество предложений, их порядок следования, структуры зачина, концовки, медиальной части, средств связи между компонентами ССЦ, наличие предложений различного типа и структуры, местоположение предложений, имеющих различную структуру, средства связи между предложениями ССЦ. Анализ завершает схема ССЦ, образец которого предложен в Главе 2 настоящего исследования.

5. Наиболее характерными видами цепной связи являются синтаксические цепные связи между предложениями «подлежащее – дополнение», «дополнение – подлежащее», «подлежащее – подлежащее», «дополнение – дополнение», «подлежащее – обстоятельство», «определение

– определение», «определение – подлежащее», «обстоятельство – подлежащее», «обстоятельство – обстоятельство», «определение – обстоятельство», «обстоятельство – дополнение», «дополнение – обстоятельство», «обстоятельство – определение». Имеется еще один вид синтаксической связи между предложениями, в которых повторяются сказуемое, выраженное глаголом в изъявительном наклонении, либо дополнение, либо обстоятельство, либо определение, выраженные субстантивированным именем действия. Зафиксирован новый вид, противоположный описанному ранее виду связи, в котором когда субстантивированное имя, обозначающее действие в первом предложении, становится глагольным сказуемым второго.

При цепной синонимической связи соотносящиеся члены соседних предложений выражаются лексическими или контекстуальными синонимами, которые позволяют избегать повторений одного и того же слова. Такой вид связи часто встречается в художественной литературе и публицистике.

Цепная связь между предложениями сложного синтаксического целого может образоваться парой «гипероним – гипоним», которая напоминает цепную синонимическую связь. При них между предложениями могут образоваться виды синтаксических связей, аналогичные упомянутым при цепной связи посредством лексических повторов.

Антонимическая цепная связь в татарском языке наблюдается реже, чем все остальные виды цепной связи. Обычно используется в художественной литературе.

Местоименные цепные связи встречаются во всех стилях речи. Местоимения более тесно объединяют предложения, чем повтор или использование синонимической, антонимической лексики. При местоименной цепной связи зафиксирован новый вид, где одним из

соотносящихся членов предложений является обращение. Такие ССЦ имеются в текстах официальных документов (письме).

При параллельной связи либо все члены предложений, либо некоторые имеют одинаковую грамматическую форму. В повествовательных ССЦ главные члены предложений имеют одинаковые морфологические формы. Сказуемые выражаются глаголами прошедшего или настоящего времени. Повествовательные ССЦ, где сказуемые выражены формой прошедшего времени, свойственны медиатекстам.

Описательные ССЦ делятся на ССЦ с единым планом настоящего времени, с единым планом прошедшего времени, номинативные ССЦ. Динамическое описание может быть достигнуто употреблением глаголов изъявительного наклонения прошедшего результативного либо категорического времени, а также настоящего времени.

В ССЦ номинативного типа номинативные предложения чередуются с близкими им по синтаксическому строю предложениями. Номинативными могут быть как зачин, так и медиальная часть и концовка.

Номинативные ССЦ активно употребляются в художественной литературе, публицистике и официально-деловом стиле.

Анафорические ССЦ используются в художественных, научных и медиатекстах. Анафорические члены предложений могут стоять как в начале, так и в конце предложений. В поэзии наблюдаются ССЦ, в которых параллелизм предложений усиливается одинаковым лексическим выражением, т.е. синтаксический параллелизм и лексический параллелизм употребляются одновременно.

Анафорическим может выступить любой член предложения. Исходя из этого выделяются ССЦ с анафорическими подлежащими (часто встречаются в поэтических текстах), сказуемыми (художественных, научных, медиатекстах), определениями, обстоятельствами, дополнениями.

ССЦ с анафорическим местоимением *бу* ‘это’ зафиксированы в художественной литературе и в тексте договора.

В ССЦ с обобщающим зачином и серией параллельных анафорических предложений зачин с остальными компонентами ССЦ может осуществляться и цепной, и параллельной связями. Он может быть оформлен предложениями любой структуры.

Вопросительные анафорические и неанафорические ССЦ широко распространены в художественной литературе и в публицистике.

6. Средства связи, устанавливающие структурную, грамматическую связь (союзы, союзные слова, относительные слова) применяются в сложных предложениях и в ССЦ.

В татарском языке для связи компонентов, предложений ССЦ употребляются одиночные аналитические средства связи и вводные слова. Из сочинительных средств связи сочинительные союзы (одиночные) и союзные слова употребляются для связывания компонентов и предложений сложных синтаксических целых. Ранее утверждалось, что разделительные союзы не могут стать средством связи в ССЦ, наше исследование показало обратное, что объясняется развитием синтаксического строя татарского языка.

В научном стиле зафиксированы единичные ССЦ, где компоненты соотносятся союзами. Во всех остальных функциональных стилях данные ССЦ употребляются активно.

ССЦ, где средством связи между предложениями и компонентами выступают вводные слова, часто используются в научной литературе, художественных и медиатекстах.

7. Выявлено два вида ССЦ по их внешней форме и предлагаются для их обозначения следующие термины: сложное синтаксическое целое простой модели и сложное синтаксическое целое смешанной модели. Эти языковые модели довольно продуктивны и часто используются для построения

сложного синтаксического целого художественного, медийного текста, а также в научном стиле.

8. При комплексном анализе текстов различных функциональных стилей внимание акцентируется на выявление языковых особенностей: фонетических, лексических, морфологических, синтаксических, морфемных. Совокупность языковых единиц, представляющих основную тему ССЦ, предлагаем назвать смысловым ядром (*магънави узак*).

В текстах художественной литературы выявлены типы ССЦ со смысловыми отношениями частей с противительными, сопоставительными, причинно-следственными, условными, временными, пояснительными и присоединительными отношениями между предложениями.

Для связи предложений, компонентов ССЦ, вычлененных из художественной литературы, применяются языковые особенности на всех пяти уровнях.

В современных медиатекстах выявлены ССЦ со смысловыми отношениями частей: противительные, сопоставительные, причинно-следственные, условные, присоединительные, временные и пояснительные. Наиболее характерны ССЦ с сочинительной связью, где компоненты равноправны.

В различных типах сложного синтаксического целого из современных медиатекстов для связи частей применяются языковые особенности на всех уровнях, но не в каждом ССЦ имеется полный комплект. Зафиксированы единичные языковые особенности на фонетическом уровне.

В медиатекстах чаще, чем в остальных функциональных стилях, употребляются повествовательные ССЦ, парцеллированные конструкции, анафорические ССЦ.

В текстах научного и официально-делового стиля выявлены языковые особенности лишь на четырех уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом и морфемном.

В научном и официально-деловом стилях часто границы текста и ССЦ совпадают. Но это не означает, что текст и сложное синтаксическое целое – одна и та же синтаксическая единица. В данном случае текст состоит из одного сложного синтаксического целого.

Цепная связь посредством лексического повтора чаще встречается в научном и официально-деловом стилях. Это объясняется тем, что повтор слова устанавливает наиболее прочную связь между предложениями ССЦ. В деловых текстах часто выявляются номинативные ССЦ. Во многих официальных документах сообщается вид документа, время, место, выраженные номинативными предложениями. Следовательно, тексты официально-делового стиля чаще всего начинаются с ССЦ номинативного типа. В научных текстах часто употребляются анафорические ССЦ.

Результаты комплексного исследования ССЦ в аспекте единства содержания и структурного выражения, особенностей использования ССЦ в текстах различных функциональных стилей позволили доказать, что ССЦ является самостоятельной синтаксической единицей; установить принципы организации и особенности функционирования ССЦ; расширить понятийно-терминологический аппарат татарского языкознания в той его части, что связана с описанием ССЦ; разработать новую методику анализа ССЦ.

Перспективным представляется анализ полевой организации системы гермов ССЦ с выделением ядра (поля языкового напряжения) и периферии. Остается открытым и требует изучения вопрос объема гермов и их классификации. Представляется, что предложенная в диссертации методика исследования ССЦ может быть применена для изучения специфики построения татарской разговорной (в том числе и диалектной) речи.

Насущной проблемой современного татарского (и не только) языкознания является проблема формирования алгоритмов создания ССЦ для дальнейшего их использования в сфере цифровых технологий. Решение этой задачи позволит автоматизировать процессы составления, редактирования и перевода текстов различных жанров и стилей.

Список литературы

Источники:

1. Әмирхан Ф.З. Ай өстендә Зөһрә кыз [Электронный ресурс] // Электронные и аудиокниги. URL: <http://ae-books.online/roditelyam/detskie-knigi/knigi-dlya-detey/20834-book/#player> (дата обращения: 23.10.2021).
2. Әмирхан Ф.З. Сөенбикә (хикәя) // Мәйдан. – 2005. – №7. – Б. 10–13.
3. Әмирхан Ф.З. Ул үкsez бала шул [Электронный ресурс] // Безнең мирас. URL: <http://beznenmiras.ru/uksez-bala/> (дата обращения: 02.07.2020).
4. Әпсәләмов Г.С. Онытырлык түгел: хикәя // Сайланма әсәрләр: 5 томда. 5 т.: роман, повесть, хикәяләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – Б. 448–453.
5. Әхмәдиев Н.Г. Мөнирстан: роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – 319 б.
6. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. II том (М–Я). – Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. – 567 б.
7. Ватаным Татарстан. – 1993. – 3 сент.; 2013. – 21 июнь, 11 дек., 20 дек., 21 дек., 28 дек.; 2014. – 17 дек.; 2015. – 4 март, 9 дек., 16 дек., 25 дек.; 2016. – 21 дек., 23 дек., 30 дек.; 2019. – 18 гыйнвар, 22 май, 7 июнь, 25 июнь, 2 июль; 2021. – 22 ноябрь.
8. Вәлиев З.В. Эш кәгазьләре үрнәкләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 240 б.
9. Габдулла Тукайның тормыш һәм ижат хроникасы өчен материаллар: 3 китапта. 1 китап: 1886–1907 = Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая: в 3 кн. Кн. 1: 1886–1907. – Казан, 2021. – 448 б.
10. Галиев М. Бисмиллалы табын күрке // Сайланма әсәрләр. 6 томда. – Т. 6. – Казан: Идел-Пресс, 2011. – 448 б.

11. Галиев М. Әсәрләр. 6 томда. – Т. 2. – Казан: Идел-Пресс, 2011. – 400 б.
12. Галиев М. [Электронный ресурс] // URL: https://incubator.wikimedia.org/wiki/Wq/tt/Марсель_Галиев#Я (дата обращения: 13.09.2019).
13. Галимова Г. Туганлык жепләре өзелгәндә [Электронный ресурс] // Сельские нивы. URL: <https://selnivi.ru/articles/literaturnaya-stranichka/2021-12-27/tuganlyk-ep1-re-zelg-nd-2636690> (дата обращения: 27.12.2021).
14. Гомуми тарих. Яңа заман тарихы. 8 сыйныф: татар телендә гомуми белем бирү оешмалары өчен уку әсбабы / [А.Я. Юдовская һ.б.; А.А. Искәндәров ред.; русчадан Р.Р. Хәмидуллина тәрж.]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2020. – 255 б.
15. Гыйльманов Г.Х. Авылга хат [Электронный ресурс] // URL: <https://ok.ru/profile/560705710946/statuses/68689620743522> (дата обращения: 16.06.2021).
16. Гыйльманов Г.Х. Ходай бүләге: бәяннар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. – 559 б.
17. Дәрзаман Ж.Х. Жиләкле көннәр: повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 207 б.
18. Еники Ә.Н. Әсәрләр: 3 томда. 1 т.: хикәяләр, повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 671 б.
19. Жамалетдинова Ф.И. Догалы корт: повестьлар, хикәяләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 223 б.
20. Зыятдинов Ф.С. Ямь һәм тәм, яки Яшелчә бакчасы. – Казан: Яз, 2011 – 384 б.
21. Ибраһимов Г.Г. Адәмнәр // Әсәрләр: 15 томда. 3 т.: хикәя, повестьлар, роман, драма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. – Б. 129–167.

22. Ибраһимов Г.Г. Дингездә [Электронный ресурс] // АН РТ. URL: <http://www.antat.ru/ru/iyli/Ibragimov%20-%20130/Dingezde.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).
23. Ибраһимова Л. Кәккүк баласы [Электронный ресурс] // Казан утлары. – 2020. – № 11. URL: <http://kazanutlary.ru/news/hikaya/kkkk-balasy-khiku> (дата обращения: 10.06.2021).
24. Исхакый Г.Г. Әсәрләр. 15 томда. 5 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 559 б.
25. Исхакый Г.Г. Әсәрләр. 15 томда. 13 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. – 335 б.
26. Исхакый Г.Г. Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. – 671 б.
27. Казан утлары. – 2011. – № 5.
28. Камал Ш.К. Сулган гөл // Буранда: хикәяләр, повесть, роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 381 б.
29. Кем житезрәк (уен) – Wikipedia [Электронный ресурс] // URL: [https://tt.wikipedia.org/wiki/Кем_житезрәк_\(уен\)](https://tt.wikipedia.org/wiki/Кем_житезрәк_(уен)) (дата обращения: 15.11.2021).
30. Кутуй Г.Н. Сайланма әсәрләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – 275 б.
31. Кызыл таң. – 2021. – 18 июнь.
32. Мәгариф. Татар теле. – 2020. – № 2.
33. Мәдәни жомга. – 2021. – 30 дек.; 2022. – 8 гыйнв.
34. Мәйдан. – 2011. – № 9.
35. Мингалим Р.Г. Төн // Нәбиуллина Г.Ә. Гади жәмлә синтаксисы. Теория, күнегүләр, тестлар, методик күрсәтмәләр. – Казан, 2009. – 121 б.
36. Миңнуллин Р.М. Татарларым: милли шигырьләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. – 263 б.

37. Миңнуллин Р.М. Үзебез [Электронный ресурс] // Шигърият.ру – Татар шигърияте, шигырьләр, шагыйрьләр. URL: <https://shigriyat.ru/authors/robert-minnullin/uzebez> (дата обращения: 12.10.2019).
38. Миңнуллин Т.Г. Утырып уйлар уйладым. Көндәлекләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 383 б.
39. Нәбиуллина И.С. Сыңар канат. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 255 б.
40. Нәжми К.Һ. Миңлебикә кодагыйның кайгысы // Татар хикәясе антологиясе. Егерменче гасыр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – Б. 124–132.
41. Низами Р.М. Без яшибез. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – 526 б.
42. Низамов И.М. Уем тел очында... – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 287 б.
43. Петровский А.В. Психология турында популяр әңгәмәләр. Русчадан Ж.Х. Кәлимуллин тәржемәсе. – Казан: Татар. кит. нәшр. – 1982. – 200 б.
44. Рәфыйков М.Г. Урманчы малае: Повесть, хикәяләр, парчалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – 158 б.
45. Реальное время. – 2017. – 4 февр.
46. Сабитов Г.В. Тәүге соклану // Ялкын. – 2011. – № 8.
47. Такташ Һ.Х. Сайланма әсәрләр. 3 томда. 1 том: шигырьләр һәм поэмалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 495 б.
48. Татар халык ижаты: әкиятләр. 3 китап. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 360 б.
49. Татар халык ижаты: Хрестоматия. / Төзүчеләре: Ф.И. Урманчеев, К.М. Миңнуллин. – Казан: Мәгариф, 2004. – 478 б.

50. Татар-информ. – 2019. – 28 июнь, 16 нояб.; 2020. – 9 окт., 16 нояб.; 2021. – 21 сент., 30 окт., 31 окт., 15 дек.
51. Тангатаров А. Өзелде // Татар хикәяләре: XX гасыр башы. – Казан: Мәгариф, 2007. – Б. 329–331.
52. Татарские тексты популярных песен [Электронный ресурс] // URL: <https://tatarskie-pesni-tekst.ru/achma-t-r-z-ne-ikenche-variant/> (Ачма тәрәзәңне) (дата обращения: 11.07.2020).
53. Татарстан Республикасы Конституциясе [Электронный ресурс] // Татарстан Республикасы Дәүләт Советы. URL: <http://tat.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/tat> (дата обращения: 10.03.2019).
54. Тиникова А. Никтер моңсу миңа бүген... [Электронный ресурс] // Стихи. ру. URL: <https://stihi.ru/2016/08/30/2698> (дата обращения: 10.10.2021).
55. Туганайлар. – 2014. – 30 сент.
56. Тукай Г.М. «Йолдыз»дан да курка [Электронный ресурс] // Шигърият.ру – Татар шигъриятте, шигърьләр, шагъйрьләр. URL: <https://shigriyat.ru/authors/tukai/431> (дата обращения: 10.01.2019).
57. Түгәрәк уен. – 2020. – № 3.
58. Фәйзуллин Р.Г. Сайланма әсәрләр. Алты томда. 1 том: шигърьләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 495 б.
59. Фәйзуллин Р.Г. Табигать кочагында // Балачак аланы: балалар бакчасы тәрбиячеләре һәм эти-әниләр өчен хрестоматия. – Казан: РИЦ, 2011. – Б. 426.
60. Фәттаһ Н.С. Ител суы ака торур. Тарихи роман. Төзәтелгән икенче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 399 б.
61. Хәмзин А.Н. Бармагыңнан үбәр идем... – Казан: Татар. кит. нәшр. – 2017. – 254 б.
62. Хәсни Ф.Х. // Нәбиуллина Г.Ә. Гади жөмлө синтаксисы. Теория, күнегүләр, тестлар, методик күрсәтмәләр. – Казан, 2009. – 121 б.

63. Шамов А.Ш. Кыз урлау // Татар хикяесе антологиясе. Егерменче гасыр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – Б. 177–183.

64. Юзеев И.Г. Авыл яктыра // Шәкүрова М.М., Гыйниятуллина Л.М. Әдәби эсәргә лингвистик анализ ясау (татар әдәбияты һәм фольклоры мисалында). – Казан, 2018. – Б. 33.

65. Юсупов Р.А. Тәржемә һәм дәрәс сөйләм мәсьәләләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 287 б.

66. Юсупов Р.А. Туган тел һәм мәгърифәт. Родной язык и образование. – Казань: Изд-во «Слово», 2020. – 272 с.

Научная литература

Литература на русском языке:

67. Абдуллаев К.М. Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка: дис... док. филол. наук: 10.02.06. – Баку, 1984. – 357 с.

68. Абдулхаков Р.Р. Языковые особенности произведений Мусы Джаруллаха Бигиева: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2007. – 204 с.

69. Абрамов Б.А. Текст как закрытая система // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. – М., 1974. – Т.1. – с. 3–4.

70. Адамец П. Порядок слов в русском языке. – Прага, 1966. – 96 с.

71. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л.: Наука, 1988. – 239 с.

72. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – 2-е. изд.– М.: УРСС, 2004. – 104 с.

73. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука, 1994. – 153 с.

74. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1990. – 166 с.
75. Акишина А.А. Структура целого текста. – Вып. 1–2. – М.: Изд-во Высшая школа профдвижения ВЦСПС им. Н.М. Шверника, 1979. – 168 с.
76. Алдаева З.А. Способы и средства связи компонентов сложного синтаксического целого в кумыкском языке: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Махачкала, 2008. – 163 с.
77. Алексеева М.Н. Взаимосвязь реляционных структур и типов актуального членения в сверхфразовых единствах и предложениях (на материале современного английского языка): дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1985. – 192 с.
78. Алламуродова С.Д. Структурно-семантические особенности лексических средств межфразовой связи в русском и таджикском языках: на материале ССЦ научного и публицистического стилей: дис... канд. филол. наук: 10.02.20. – Душанбе, 2011. – 180 с.
79. Амирова Ж.Г. Стилистические функции различных типов ССЦ в контексте А.И. Куприна: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – Алма-Ата, 1983. – 16 с.
80. Ахметшина Л.В. Английская заимствованная лексика в современных татарских СМИ (исследование на материале татарской периодической печати конца XX – начала XXI вв.): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2009. – 20 с.
81. Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М.: МГУ, 1989. – 215 с.
82. Бабайцева В.В. Лексико-грамматические функции указательных слов в сложноподчиненных предложениях // Русский язык в школе, 1962. – № 6. – С. 3–7.

83. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 2006. – № 2. – С. 54–64.
84. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
85. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта, 2003. – 496 с.
86. Байкова Л.И. Период – синтактико-стилистическое и текстообразующее явление русского языка: дис... док. филол. наук: 10.02.01. – Краснодар, 2000. – 319 с.
87. Бакланова И.И. Коммуникативные регистры речи и их функционирование в художественном прозаическом тексте (на материале рассказов К.Г. Паустовского): дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1998. – 183 с.
88. Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1988. – 90 с.
89. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1993. – 192 с.
90. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 422–449.
91. Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 9. – М.: Прогресс, 1980. – С. 307–312.
92. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1969. – 383 с.
93. Бахтин М.М. Проблема текста: Опыт философского анализа // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 122–151.

94. Белецкая И.П. Об одном методе изучения структуры связного текста (на материале славянских языков): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.21. – М., 1966. – 33 с.
95. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М., 1978. – С. 172–207.
96. Белоусов К.И. Синергетика текста: от структуры к форме: монография. – М.: Эдиториал УРСС, 2008. – 248 с.
97. Белошапкина В.А. Сложные предложения в современном русском языке: автореф. дис... док. филол. наук: 10.02.01. – М., 1970. – 20 с.
98. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
99. Блох М.Я. Проблема синтаксической связи самостоятельных предложений // Проблемы синтаксиса, лексикологии и методики преподавания иностранных языков. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1966. – С. 7–8.
100. Богословская И.В. Научно-популярный текст: сложность понимания: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2001. – 28 с.
101. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. – Казань: Татгосиздат, Ред. научн.-технич. лит., 1953. – 220 с.
102. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: Анализ журналистских текстов. – М.: ЛКИ, 2008. – 280 с.
103. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. – М.: Наука, 1985. – 175 с.
104. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. – 312 с.

105. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – М.: Флинта, 2009. – 520 с.
106. Большой словарь иностранных слов, 2007. [Электронный ресурс] // URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-big/index.htm> (дата обращения: 20.09.2021).
107. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
108. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 116 с.
109. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
110. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). – Львов: Изд-во Львов. гос. ун-та, 1949. – 392 с.
111. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты Семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 320–355.
112. Буслаев Ф.И. Грамматика русского языка. – М., 1881. – 278 с.
113. Бутко В.Г. О типологии начал художественного текста // Синтаксис предложения и текста. – Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. пед. ин-та иностр. яз., 1989. – С. 53–60.
114. Бухбиндер В.А., Розанов Е.Д. О целостности и структуре текста // Вопросы языкознания. – 1975. – № 6. – С. 73–86.
115. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
116. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Логос, 2002. – 528 с.

117. Валиева Г.Д. Структурно-семантическое строение описательных микротекстов в современном башкирском языке: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – 2002. – 172 с.
118. Ванников Ю.В. Высказывание как синтетическая единица // Вопросы грамматики и словообразования. – М.: Наука, 1968. – С. 27–39.
119. Ванников Ю.В. К вопросу о речевом членении предложения // Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Куйбышев, 1961. – С. 44–53.
120. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль: Курс лекций. – М.: Рус. яз., 1982. – 198 с.
121. Вейхман Г.А. К вопросу о синтаксических единствах // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 105–108.
122. Веселов П.В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. 4-е изд., перераб. – М.: Маркетинг, 1993. – 78 с.
123. Веселов П.В. Как составить служебные документы. – М.: Экономика, 1982. – 64 с.
124. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка. – 1950. – Т. 2. – С. 64.
125. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
126. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Вопросы грамматического строя: сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 389–435.
127. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 2005. – 287 с.
128. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 252 с.

129. Винокур Г.О. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 280 с.
130. Винокур Г.О. Культура языка. – М., 1929. – 336 с.
131. Винокур Т.Г. Стилистика, как она есть: Избранные работы. – М.: УРСС, 2010. – 168 с.
132. Винокур Т.Г. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
133. Вовчок Д.П. Стилистика газетных жанров. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1972. – 72 с.
134. Водясова Л.П. Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке: дис... док. филол. наук: 10.02.22. – Йошкар-Ола, 2001. – 350 с.
135. Вольская И.С. Дифференциальные признаки официально-делового стиля речи на синтаксическом уровне: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1966. – 14 с.
136. Гаджиева Н.З. Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 220 с.
137. Газизова Г.Р. Лексико-семантические и стилистические особенности художественной прозы Фатиха Карими: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2002. – 22 с.
138. Гак В.Г. Теория грамматики французского языка: уч. пособие. – М.: Просвещение, 1979. – 300 с.
139. Галлямов Ф.Г. Синтаксис простого осложненного предложения в татарском языке. – К.: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 292 с.
140. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста: (Опыт обобщения) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1977. – Т. 36. – № 6. – С. 522–532.

141. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974. – Ч. 1. – С. 67–72.
142. Гальперин И.Р. Системность контекстно-вариативных форм членения текста // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. – М.: Наука, 1982. – С. 18–29.
143. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – 5-е изд., стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
144. Ганиев Ф.А. Функциональная грамматика татарского языка. – Казан, 2015. – 272 с.
145. Гарифуллин В.З. Композиционно-речевая и модально-темпоральная структура текста информационных жанров (на материале газеты «Социалистик Татарстан»): дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 1989. – 216 с.
146. Гарифуллин В.З. Лингвостилистическая система татарского газетного текста: дис... док. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 1998. – 427 с.
147. Гарифуллин В.З. Типы структурной организации журналистского текста (На материале татарских газет). – Казань: Татар. книж. изд-во, 1997. – 187 с.
148. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. – Москва: Учпедгиз, 1958. – 432 с.
149. Геймбух Е.Ю. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: МГПУ, 2003. – 23 с.
150. Геймбух Е.Ю. Лирическая прозаическая миниатюра в системе родов и жанров (лингвистический аспект). – М.: МГПУ, 2004. – 134 с.
151. Гильманова Т.М. Язык драматических произведений Мирхайдара Файзи: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – К., 2006. – 226 с.

152. Гиндин С.И. Внутренняя организация текста. Элементы теории и семантический анализ: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1973. – 24 с.
153. Гилемшин Ф.Ф., Галиуллина Г.Р. Причастие прошедшего времени в татарских текстах кысса второй половины XIX – начала XX века // *Litera*. – 2022. – № 1. – С. 19–25.
154. Глебская Т.Ф., Иванова Н.Е. Функционально-смысловые типы сложных синтаксических целых в современной публицистике (на материале «Российской газеты» за 2015 год) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – 2016. – № 7 (17). – С. 119–123.
155. Головин Б.Н. Русский язык и культура речи. – М.: Логос, 2002. – 430 с.
156. Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. – 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1989. – 195 с.
157. Гореликова М.И. Интерпретация художественного текста: Лингвистический анализ: Из русской прозы 70-90-х годов XX века. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 188 с.
158. Гореликова М.И., Магомедова Д.А. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Русский язык, 1989. – 124 с.
159. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 440 с.
160. Грунина Э.А. К вопросу о связи придаточного предложения с главным // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.3. Синтаксис*. – Москва: Изд-во АН СССР, – 1961. – С.149–164.
161. Губайдуллина Г.Ф. Языковые и стилистические особенности ранней прозы Гаяза Исхаки: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2001. – 21 с.
162. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 112 с.

163. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественных текстов. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 204 с.
164. Диброва Е.Н. Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл: избранные работы. – Т. 1. – М.: ТВТ Дивизион, 2008. – 429 с.
165. Дресслер В. Введение в лингвистику текста // Проблемы теории текста: реферативный сборник / под ред. Ф.М. Березина. – М.: АН СССР, 1978. – С. 55–73.
166. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 111–137.
167. Дроздова Т.Ю. Ключевые слова текста и их периодические признаки: дис... канд. филол. наук: 10.02.19. – Л., 1989. – 178 с.
168. Дружинина С.И. Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений современного русского языка: дис... док. филол. наук: 10.02.01. – Орел, 2010. – 470 с.
169. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. – М: ЛКИ, 2006. – 296 с.
170. Ефимова Т.В. Анализ художественного текста с применением семантической цепи // Вестник Воронежского ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №1. – С. 57–66.
171. Жинкин Н.И. Грамматика и смысл // Язык и человек. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 63–85.
172. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов. – 1956. – Вып. 78. – С. 168–171.
173. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
174. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество: Исследования по семантике, психолингвистике, поэтике. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.

175. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка: автореф. дис... док. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 1963. – 30 с.
176. Закиев М. З. Татарская грамматика. III том: Синтаксис. – Казань, 1995. – 576 с.
177. Закиев М.З., Зиннатуллина К.З., Ибрагимов С.М. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Ч.3. Сложное предложение. – Казань: КГПИ, 1977. – 99 с.
178. Закиев М.З., Сафиуллина Ф.С. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. – Казань: КГПИ, 1977. – 95 с.
179. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2001. – 177 с.
180. Зарубина Н.Д. К вопросу о лингвистических единицах текста // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 103–112.
181. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1981. – 112 с.
182. Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – Т. 39. – №1. – С. 13–21.
183. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
184. Зверева Е.А. Научная речь и модальность. – Л.: Наука, 1983. – 160 с.
185. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1991. – 312 с.
186. Ибрагимов С.М. Аналитические конструкции в татарском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 1964. – 24 с.
187. Ибрагимов Т.И., Сайхунов М.Р. Звуковой строй татарского языка: социолингвистический и прикладные аспекты. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – 142 с.

188. Иванова А.М. Сравнительно-сопоставительное исследование проблем морфосинтаксиса в чувашском языкознании: дис... док. филол. наук: 10.02.20. – Чебоксары, 2011. – 384 с.
189. Иванова А.М., Семенова Г.Н. Синтаксическая деривация в чувашском языке // Ашмаринские чтения. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 30–32.
190. Ильенко С.Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке: автореф. дис... док. филол. наук: 10.02.01. – Ленинград, 1964. – 37 с.
191. Ильенко С.Г. Русистика: избранные труды – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 674 с.
192. Исаева Л.А. Лингвистический анализ художественного текста: проблемы интерпретации скрытых смыслов. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1999. – 126 с.
193. Исаева Л.А. Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления: монография. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1996. – 310 с.
194. Искужина Ф.С. Текст и средства его организации в современном башкирском языке: На материале произведений художественной литературы: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Уфа, 2000 – 139 с.
195. Ишмуратов А.Г. Некоторые языковые и стилистические особенности периодической печати: автореф. дис... канд. филол. наук: . – К., 1956. – 15 с.
196. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста. – М.: Академический проект, 2004. – 430 с.
197. Каменская О.Л. Текст и коммуникация: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.

198. Каримова А.М. Придаточные предложения в татарском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – Казань, 1954. – 18 с.
199. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 311 с.
200. Кобзев П.В. Структура двусоставного предложения с присоединительными связями в русском литературном языке XVIII века: монография. – Могилев: МГУ, 2000. – 204 с.
201. Кожевникова К.В. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста: сборник научных трудов. – М.: Наука, 1979. – С. 49–67.
202. Кожина М.Н. О разграничении понятий «текст» и «речевой стиль» // Лингвистика текста: материалы науч. конф. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М.Тореза, 1974. – С. 138–149.
203. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 267 с.
204. Короткова А.В. Категория посессивности и ее реализация в сложном синтаксическом целом: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ставрополь, 2011. – 26 с.
205. Котюрова М.П. Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах // Текст: стереотип и творчество. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. – С. 5–30.
206. Котюрова М.П. Смысловая структура русского научного текста и ее экстралингвистические основания (функционально-стилистический аспект): дис... док. филол. наук: 10.02.01. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 488 с.
207. Кручинина И.Н. Textoобразующие функции сочинительной связи // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – М., 1984. – С. 204–210.

208. Кудрявцева Т.С. К проблеме функциональной типологии текстов (на материале учебных текстов) // Семантика текста и проблемы перевода. – М.: Изд-во Института языкознания РАН, 1984. – С. 71–78.
209. Кузнецов А.М. Коммуникативное воздействие литературно-художественного текста // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации: сборник статей. – М.: Наука, 1990. – С. 108–118.
210. Купина Н.А. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Просвещение, 1980. – 78 с.
211. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1983. – 160 с.
212. Куприянова Т.Ф. Лексико-грамматические и структурные аспекты смыслообразования текста (на материале эпопеи И.С. Шмелева «Солнце мертвых»): дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1998. – 190 с.
213. Курбатов Х.Р. Система татарской лингвистической стилистики и поэтики: дис... док. филол. наук: 10.02.06. – Казань, 1992. – 398 б.
214. Курбатов Х.Р. Татарская лингвистическая стилистика. – М.: Наука, 1978. – 218 с.
215. Куш М.В. Текст как средство коммуникативных умений. – М., 1989. – 219 с.
216. Левицкий Ю.А. Лингвистика текста: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 207 с.
217. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: КомКнига, 2005. – 368 с.
218. Левковская Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? // Филологические науки. – 1980. – № 1. – С. 75–79.

219. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Высшая школа, 2004. – 247 с.
220. Логинова К.А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1975. – 24 с.
221. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Полн. собр. соч. Т. 7. – М. – Л.: АН СССР, 1952. – С. 389–579.
222. Лосева Л.М. К изучению межфразовой связи (Абзац и сложное синтаксическое целое) // Русский язык в школе. – 1967. – № 1. – С. 89–94.
223. Лосева Л.М. Как строится текст / под ред. Г.Я. Солганика. – М.: Просвещение, 1980. – 94 с.
224. Лосева Л.М. Межфразовая связь в текстах монологической речи: основные структурные модели, типы и принципы семантической организации: дис... док. филол. наук: 10.00.00. – Одесса: Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова, 1969. – 390 с.
225. Лосева Л.М. Программа спецкурса «Межфразовая связь в современном русском языке» с комментариями и образцами анализа текстов художественных произведений (для студентов-заочников и вечерних отделений). – Черновцы, 1964. – 44 с.
226. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.
227. Лукин В.А. Лингво-семиотические свойства художественного текста, его компоненты и параметры типологического определения: дис... док. филол. наук: 10.02.01. – Орел, 2003. – 413 с.
228. Лысова О.Ю. Структурно-семантическая организация описательных фрагментов текста: дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 1998. – 200 с.

229. Мазилова А.Ю. Лингвистический анализ художественного текста. – Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та им. К.Д. Ушинского, 1988. – 85 с.

230. Макаров А.В. Содержание определительных отношений и средства их выражения в системе сложного синтаксического целого: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – Таганрог, 2007. – 22 с.

231. Максимов Л.Ю. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Время, 1975. – 145 с.

232. Малычева Н.В. Проблема дифференциации сложного синтаксического целого и сложного предложения // Русский язык: исторические судьбы и современность: 4 Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С. 432–433.

233. Малычева Н.В. Сложное синтаксическое целое с сочинительными союзами в современном русском литературном языке: дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов н/Д., 1994. – 188 с.

234. Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ: автореф. дис... док. филол. наук: 10.02.01. – Ростов н/Д., 2003. – 42 с.

235. Миннуллин Б.К. Язык татарской газеты начала XX в.: лингвистический и жанрово-стилистический аспекты: дис... док. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2021. – 540 с.

236. Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста (Импликативные аспекты коммуникации) / Г.Г. Молчанова. – Ташкент: ФАН, 1988. – 163 с.

237. Москальская О.И. Вопросы синтаксической семантики // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 45–56.

238. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 211 с.
239. Москальская О.И. Семантика текста // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С. 32–42.
240. Москальская О.И. Текст – два подхода и два понимания // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1984. – С. 154–162.
241. Мревлишвили Т.Н. О языке русских писателей. – Тбилиси. – 1972. – 289 с.
242. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1991. – 172 с.
243. Мухамадиев М.Г. Язык прозы Ш. Камала: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.00.00. – К., 1970. – 24 с.
244. Набиуллина Г.А. Вопрос изучения экспрессивных синтаксических конструкций в татарском языкознании // Фэнни Татарстан. – 2016. – № 1. – С. 22–25.
245. Набиуллина Г.А., Денмухаметова Э.Н., Мугтасимова Г.Р. Лексика и синтаксис татарских пословиц // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 160–163.
246. Набиуллина Г.А. Синтаксис сложного предложения в татарских пословицах: (по трехтомному сборнику Н. Исанбета «Татар халык мэкальлэре»): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – 2002 – 26 с.
247. Набиуллина Г.А. Экспрессивное употребление присоединительных конструкций // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии IX Международная тюркологическая конференция. – 2018. – С. 34–36.

248. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение): дис... док. филол. наук: 10.02.01. – М., 1975. – 410 с.
249. Нечаева О.А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. – Улан-Удэ, 1999. – 96 с.
250. Низамов И.М. Функционирование и развитие татарской речевой системы в массовой коммуникации: дис... док. филол. наук: 10.02.06. – К., 1996. – 436 с.
251. Николаева Т.М. Лингвистика текста: Современное состояние, синтаксис и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М., 1978. – 472 с.
252. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. – 254 с.
253. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 120 с.
254. Новиков Л.А. Лингвистическое толкование художественного текста. – М: Русский язык, 1979. – 256 с.
255. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – 2-е изд., испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
256. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1912. – С. 300–301.
257. Одинцов В.В. Стилистика текста. – 3-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
258. Оказ Л.С. Материалы спецкурса по синтаксису крымскотатарского языка. Сложное предложение: Учебное пособие – Симферополь: ТНУ, 2002. – 120 с.

259. Оказ Л.С. Сложносочиненные союзные предложения в крымскотатарском языке. (Семантика. Прагматика. Структура): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.13. – Симферополь, 2000. – 20 с.

260. Оказ Л.С. Способы выражения и функционирование подлежащего в крымскотатарском языке // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филология. – 2006. – Т.19 (58). – № 4. – С. 330–335.

261. Оказ Л.С. Структура и виды сложносочиненных предложений с союзом «ве» («и») в крымскотатарском языке // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 5. – С. 412-414.

262. Оказ Л.С. Особенности функционирования сказуемого в крымскотатарском языке // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 83. – С. 65–68.

263. Олшанский И.Г. Текст как единство элементов и отношений // Лингвистика текста. – М.: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1974. – С. 209–214.

264. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 104 с.

265. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журналистов и филологов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.

266. Папуша И.С. Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование: дис... док. филол. наук: 10.02.01. – М., 2011. – 401 с.

267. Пешкова Н.П. Лингвистические характеристики текстов как основания для их классификации (на материале научных, технических, учебных текстов): дис... канд. филол. наук: 10.02.19. – М.: Институт языкознания РАН, 1987. – 188 с.

268. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект: монография. – Уфа: Изд-во Уфимск. гос. авиац. техн. ун-та, 2002. – 261 с.
269. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. – М.: УРСС, 2010. – 192 с.
270. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: тип. В.М. Саблина, 1914. – 440 с.
271. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении А.М. Пешковский. – 2-е изд. – М.: ГИЗ, 1920. – 437 с.
272. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938. – с. 410.
273. Поспелов Н.С. О некоторых синтаксических категориях // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 76–89.
274. Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Уч. зап. МГУ. – М., 1948. – Вып. 137. – С. 41.
275. Поспелов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 252 с.
276. Поспелов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Докл. и сообщ. И-та русского языка АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – Вып. 2. – С. 43–68.
277. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – 534 с.
278. Проблемы сверхфразовых единств: межвуз. темат. сб. / отв. ред. Г.Н. Аксенова. – Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1982. – 115 с.
279. Рахимова Л.М. Исследование аналитических конструкций в грамматиках татарского языка XX века: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – 2001. – 210 с.

280. Рахимова Р.К. Общественно-политические термины в публицистике в период перестройки и развития терминологии за два десятилетия // Функционирование и развитие татарского языка в условиях перестройки. – Казань: ИЯЛИ, 1991. – С. 34–45.

281. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: Учеб. пособие для сред. спец. учеб. заведений. 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.

282. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / отв. ред. А.В. Бондарко. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 168 с.

283. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. – М.: Наука, 1983. – 215 с.

284. Рогова К.А. О филологическом анализе художественного текста // Художественный текст: Структура. Язык. Стилль. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – 211 с.

285. Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1975. – 71 с.

286. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.

287. Сагдиева Р.К. Аффиксы как средства выражения конкретизирующих отношений в татарском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – 2000. – 24 с.

288. Сагдиева Р.К. Употребление однородных косвенных дополнений в поэзии Р. Валиева // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: материалы международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 248–251.

289. Сагдиева Р.К., Хуснутдинов Д.Х. Компаративные конструкции в произведениях Г.Ибрагимова // Вестник ПГУ Филологическая серия: Павлодар: (Научный журнал) Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова. – 2017. – № 3. – С. 331–339.

290. Сагдиева Р.К. Формы деепричастия как средство выражения конкретизирующего отношения в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 10 (64). – С. 143–145.

291. Сагитов М.А. Развитие татарской терминологии // Вопросы татарского языкознания. – Казань, 1971. – С. 67–75.

292. Сайхунов М.Р. Ритмо-темпоральные характеристики татарского языка в плане автоматического синтеза речи: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – К., 2010. – 27 с.

293. Салахутдинова З.Ф. Лексико-стилистические особенности произведений татарского прозаика Вахита Имамова: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – К., 2010. – 30 с.

294. Салимов Х.Х. Просодическая система татарского языка: дис... док. филол. наук: 10.02.02. – 1999. – 362 с.

295. Сат К.А. Синтаксическая категория периода в русской филологической традиции: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2010. – 24 с.

296. Саттаров Б.К. Жанрово-стилевые и структурно-семантические особенности научного текста по лингвистике. – М.: Творчество, 1999. – 220 с.

297. Сафиуллина Ф.С. Развитие синтаксического строя татарского языка в советский период: (Простое предложение). – Казань: Изд-во КГУ, 1990. – 228 с.

298. Сафиуллина Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 253 с.

299. Сафиуллина, Ф.С. Стиль и мастерство. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 166 с.

300. Севортян Э.В. Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие их от словосочетаний в тюркских языках. // Аналитические конструкции в языках различных типов. Тезисы докладов. – Л.: АН СССР, 1963. – С. 16–18.

301. Севортян Э.В. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.3. Синтаксис. – М.: изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 122–149 с.

302. Селендили Л.С. Лексико-семантические и синтморфологические особенности конструкторов крымскотатарского предложения (формальный и прикладной аспекты): автореф. дис... док. филол. наук. – Москва, 2015. – 39 с.

303. Серкова Н.И. О некоторых вопросах функциональной перспективы предложения в терминах «сверхфразовых единств» // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3.

304. Серкова Н.И. Сверхфразовое единство как функционально-речевая единица: дис... канд. филол. наук. – М., 1968. – 274 с.

305. Серкова Н.И. Сверхфразовый уровень членения текста в основных функциональных стилях письменной речи: автореф. дис... док. филол. наук: 10.02.04. – М., 1982. – 31 с.

306. Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста: автореф. дис... док. филол. наук: 10.02.01. – М.: МГУ, 2000. – 54 с.

307. Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). – Л.: Просвещение, 1967. – 152 с.

308. Сильман Т.И. Синтаксические связи между предложениями и их значение для структуры отдельного предложения и структуры абзаца // Филологические науки. – 1966. – № 2. – с. 86-92.

309. Сквородников А.П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. – 1980. – № 5. – С. 86–91.
310. Словарь Ушакова. [Электронный ресурс] // URL: https://ushakovdictionary.ru/view_search.php (дата обращения: 05.12.2021).
311. Согомонова Л.Е. Сложное синтаксическое целое с цитацией (на материале русского и английского языков): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ростов н/Д., 2011. – 18 с.
312. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: Высш. шк., 1973. – 214 с.
313. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое): Учеб. пособие для студентов вузов по спец. «Рус. яз. и лит». 2-е изд., испр. и доп. – М: Высшая школа, 1991. – 182 с.
314. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. Сложное синтаксическое целое. – Изд. 4-е. – М: УРСС, ЛКИ, 2007. – 232 с.
315. Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 183 с.
316. Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М.: Флинта, 2003. – 256 с.
317. Солганик Г.Я. От слова к тексту. – М.: Просвещение, 1993. – 189 с.
318. Солганик Г.Я. О поэтике публицистики // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. – С. 128–134.
319. Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. – М.: Академия, 2007. – 304 с.
320. Солганик Г.Я. Русский язык. Стилистика. – М.: Дрофа, 1995. – 272 с.

321. Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2002. – 256 с.

322. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Синтаксис / авт.-сост.: Р.Р. Замалетдинов, С.С. Сафонова, Г.А. Набиуллина, О.А.Чупрякова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 190 с.

323. Тагирова Ф.И. Сложные слова в современном татарском языке: проблемы лексикографирования и орфографирования: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2004. – 32 с.

324. Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1997. – 397 с.

325. Татарско-русский словарь. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1988. – 462 с.

326. Тарханова Ф.Г. Русско-татарские терминологические эквиваленты в деловых бумагах и официальных документах: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань, 2004. – 16 с.

327. Тимерханов А.А. Внутренняя дифференциация официально-делового стиля современного татарского литературного языка // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. Вып. 5. – Казань: Фикер, 2001. – С. 51–59.

328. Тимерханов А.А. Лексико-семантическая сочетаемость в официально-деловом стиле татарского языка // Материалы итоговой научно-практической конференции ТГГИ за 2000 г. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. – С. 34–35.

329. Тимерханов А.А. Язык и стиль татарского документа. – Казань: Изд-во КГУ, 2005. – 330 с.

330. Тимерханов А.А. Язык деловых бумаг в современном татарском языке: автореф. дис... док. филол. наук: 10.02.02. – К., 2006. – 51 с.

331. Трошина Т.Н. О семантико-синтаксической целостности (когерентности) художественного текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – С. 50–61.

332. Тумашева Д.Г., Усманов М.А., Хисамова Ф.М. Об особенностях старотатарской деловой письменности // Советская тюркология. – Баку, 1977. – №3. – С. 51–66.

333. Тураева З.Я. Лингвистика текста: Текст: структура и семантика. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.

334. Турмачева Н.А. О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве: дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1973. – 153 с.

335. Тухфатуллина А.Г. Лингвистическая поэтика произведений Г. Галиева: автореф. дис... канд. филол. наук. – Казан, 2006. – 22 с.

336. Устинова Н.М. Содержание идентифицирующих отношений и средства его выражения в системе сложного синтаксического целого и текста: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов н/Д., 2011. – 25 с.

337. Фасеев Ф.С. Способы образования терминов в татарском литературном языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – Москва, 1961. – 40 с.

338. Фаттахова Н.Н. Развитие общественно-политической терминологии татарского языка: (На материале переводных произведений В.И. Ленина послеокт. периода). Учеб. пособие. – Казань: КГПИ, 1985. – 101 с.

339. Фигуровская Г.Д. Синтаксические поля и грамматические категории // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XII. Традиции и тенденции в современной грамматической науке: По материалам I Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык:

исторические судьбы и современность». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 145–154.

340. Фигуровская Г.Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозициональных предложений). – М.: Прометей, 1996. – 204 с.

341. Фигуровская Г.Д. Функциональная грамматика и синтаксические поля // Проблемы изучения и преподавания языка. Межвуз. сб. научных трудов / Изд-во Елец. гос. пед. ун-та им. И. А. Бунина. – Елец, 2001. – С.3–17.

342. Фигуровский И.А. Грамматические проблемы лингвистики текста: дис... док. филол. наук. – Л., 1979. – 340 с.

343. Фомин Э.В., Иванова А.М. Личные имена в контексте чувашской литературы: опыт лингвистического анализа // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2018. № 4 (100). – С. 105–110.

344. Хабибов Л.Г. Структурно-семантические особенности антонимов в татарском языке: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Уфа, 1984. – 251 с.

345. Хабибуллина Л.Г. Семантико-синтаксические отношения в татарском языке в свете тюркской грамматической теории: дис... док. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2021. – 304 с.

346. Хадиева Г.К. Гармония гласных в татарской разговорной речи // Вызовы и тренды мировой лингвистики: Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 16–20 ноября 2020 г.): тр. и матер.: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021 – Т. 1. – С. 417–419.

347. Хаков В.Х. Развитие татарского национального литературного языка и его стилей: автореф. дис... док. филол. наук: 10.00.00. – Алма-Ата, 1971. – 59 с.

348. Хаков В.Х. Язык и стиль публицистики в годы первой русской революции: автореф. дис... канд. филол. наук. – К, 1961. – 18 с.

349. Халикова Н.В. Образность художественной прозы: монография. – М.: МГОУ, 2003. – 160 с.
350. Хисамова Ф.М., Гилязов И.А. Татарские юридические акты XVIII века // Истоки татарского языка. – Казань, 1988. – С. 20–27.
351. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.
352. Шаехов М.Р. Структура текста современных татарских рассказов: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2012. – 176 с.
353. Шакиров Д.Ф. Языковые особенности переводных сказок (на материале переводов русских народных сказок на татарский язык): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2016. – 25 с.
354. Шакирова Г.М. Синтаксическая организация текста художественной прозы Г. Исхаки: дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2009. – 197 с.
355. Шакурова М.М. Лингвистический анализ фольклорного текста (на материале сказок и байтов) // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 216–220.
356. Шакурова М.М., Хадиева Г.К. Особенности стилистического использования глаголов в татарских народных сказках и байтах // Истоки и эволюция литератур и музыки тюркских народов: материалы международной конференции (23–24 сентября 2014 г., город Казань). – Казань: ИЯЛИ, 2014. – С. 201 – 204.
357. Щербань О.А. Содержание изъяснительных отношений и средства их выражения в системе сложного синтаксического целого: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – Таганрог, 2004. – 18 с.
358. Юсупов А.Ф. Морфологические особенности языка произведений суфийского поэта I половины XIX века Шамсетдина Заки: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2004. – 31 с.

359. Юсупов А.Ф. Язык произведений Шамсетдина Заки. Морфология. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 204 с.

Литература на татарском языке:

360. Абдуллин И.А. Камал драмаларының теле. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. – 198 б.

361. Абдуллина Р.С. Риторика һәм интонация. – Яр-Чаллы, 1999. – 400 б.

362. Абдуллина Р.С. Стилистика һәм сөйләм культурасы мәсьәләләре. – Яр-Чаллы, 1997. – 128 б.

363. Алпаров Г.Х. Татар грамматикасы // Телебезне гамәли тикшерү юлында бер тәҗрибә. – Казан: Татгосиздат, 1926. – 164 б.

364. Алпаров Г.Х. Татар телендә иярчен жөмлөләр бармы? // Сайланма хезмәтләр. – Казан: К. Якуб ис. китап фабрикасы, 1945. – 330 б.

365. Алпаров Г.Х. Шәкли нигездә татар теле грамматикасы // Сайланма хезмәтләр. – Казан: К. Якуб ис. китап фабрикасы, 1945. – 330 б.

366. Алпаров Г., Атнагулов С. Грамматика. – Казан: Татсосиздат, 1934. – 151 б.

367. Алпаров Г., Хангильдин В. Татар теле. Грамматика һәм орфография дәрәслеге. – Казан: Татгосиздат, 1936. – 88 б.

368. Бәширова И.Б. Сәнгатьле чәчмә әсәрләр теле: Татар прозасында хикәяләрү стильләренен үсеше һәм аның әсәр теленә тәәсире (Язык художественной прозы: развитие повествовательного стиля в татарской прозе). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 97 б.

369. Бәширова И.Б. Сүз белән сурәт ясау: Татар поэзиясендә сүз-сурәт (Изображение словом в татарской поэзии). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – 175 б.

370. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле. Семасиология. – Казан, 2010. – 532 б.
371. Бәширова И.Б. Хәзерге татар әдәби теле. Семасиология: Татар лексикасында системалы бәйләнеш-мөнәсәбәтләр. – Казан, 2010. – 532 б.
372. Бәширова И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: жанр стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык. – Казан, 2008. – 340 б.
373. Вәлиди Ж. Татар теленең грамматикасы. – Казан: Корылтай ширкәте, 1919. – 171 б.
374. Вәлиди Ж. Татар теленең кагыйдәләре. Имла – сарыф. – Казан: Мәгариф, 1918. – 44 б.
375. Вәлиди Ж. Татар теленең имла һәм сарыф вә нәхү кагыйдәләре. – Казан: Мәгариф, 1915. – 52 б.
376. Галиуллина Г.Р. Татар теле. Лексикология: таблицалар, схемалар, анализ үрнәкләре, күнегүләр, сүзлекчә: югары сыйныф укучылары һәм студентлары өчен. – К.: Мәгариф, 2007. – 94 б.
377. Галиуллина Г.Р. Хәзерге татар теле лексикологиясе. – Казан, 2013. – 123 б.
378. Галләмов Ф.Г. Татар синтаксисының актуаль мәсьәләләре / Ф.Г. Галләмов. – Алабуга: Казан ун-ты нәшр., 2016. – 120 б.
379. Галләмов Ф.Г. Татар телендә, стилистик чара буларак, кире кабатлаулар // Фәнни Татарстан. – 2018. – № 2. – Б. 5–11.
380. Галләмов Ф.Г. Татар телендә тезүле бәйләнештәге конструкцияләрнең төзелеше // Тюркская филология в XXI веке: проблемы и перспективы: Материалы II Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Стәрлетамак, 2017. – Б. 46–51.
381. Галләмов Ф.Г. Татар телендә эндәш сүзләрнең бәйләүче чаралары // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы,

истории и религии: Материалы IX международной тюркологической конференции. – Казан, 2018. – Б. 9–13.

382. Гарифуллин В.З. Газета текстының төзелеше. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 104 б.

383. Гарифуллин В.З. Журналист текстында дәлил. – Казан, 1996. – 22 б.

384. Гарифуллин В.З. Каләм көче (Татар журналистикасында текст төзү осталары). II китап. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2010. – 160 б.

385. Зәкиев М.З. Синтаксис һәм пунктуация. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – 148 б.

386. Зәкиев М.З. Татар грамматикасы: өч томда. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – III т. – 536 б.

387. Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис. Университет һәм пединститутларның татар теле һәм әдәбияты бүлеге студентлары өчен кулланма. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1958. – 242 б.

388. Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле (синтаксис): югары уку йорты студентлары һәм урта мәктәп укытучылары өчен кулланма). – Казан. – 1974. – 336 б.

389. Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле: (синтаксис): югары уку йорты студентлары һәм урта мәктәп укытучылары өчен. – Казан, 1966. – 288 б.

390. Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле синтаксисы һәм пунктуациясе. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 257 б.

391. Зәкиев М.З., Ибраһимов С.М. Синтаксистан методик кулланма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. – 20 б.

392. Ибраһимов Г.Г. Кыскача татар нәхүе. – Казан: Харитонов, 1913.

393. Ибраһимов Г.Г. Татар нәхүе. – Казан: Сабах ширкәте, 1919. – 52 б.

394. Ибраһимов С.М. Сандугач теле кирәк: Синтаксик стилистика: уку-укыту ярдәмлеге. – Казан: Мәгариф, 2008. – 159 б.
395. Ибраһимов С.М. Синтаксик стилистика: Студентлар өчен кулланма. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1989. – 150 б.
396. Ибраһимов С.М. Синтаксистан күнегүләр: катлаулы кушма жөмлә. – Казан, 1981. – 18 б.
397. Ибраһимов С.М. Татар теленде аналитик төзелмәләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1964. – 131 б.
398. Ибраһимов С.М., Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис: методик күрсәтмәләр. – Казан, 1992. – 43 б.
399. Камалова Д.И., Юсупов А.Ф. Поэтик текст оештыруда грамматик чаралар // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте восток-запад: материалы Международной научно-практической онлайн-конференции (Казань, 22–25 октября 2020 г. – Казан: Казан. ун-ты нәшр., 2020. – С. 143–145.
400. Корбангалиев М., Бадыгов Х. Шәкли нигездә тел сабаклары. Ч.2. – Казан: Татиздат, 1929. – 64 б.
401. Корбангалиев М., Бадыгов Х. Татар теле дәрәсләре. – Казан: Тат. матб. һәм нәшр. комбинаты нәшр., 1925. – 163 б.
402. Корбангалиев М., Бәдигый Х. Ана теле нәхүе. – Казан: Миллият, 1919. – 100 б.
403. Корбангалиев М., Хисматуллин Х., Шакирова Р. Татар теле грамматикасы. Синтаксис. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. – 158 б.
404. Корбангалиев М., Хисматуллин Х. Синтаксис. – Казан: Татгосиздат, 1951. – 191 б.
405. Курбатов Х.Р. Татар теленең синтаксис һәм стилистика мәсьәләләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1956. – 176 б.

406. Курбатов Х.Р. Хәзерге татар әдәби теленең стилистик системасы. – Казан: Татар. китап нәшрияты, 1971. – 192 б.
407. Курбатов Х.Р. Татар теленең лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы. – Казан: Мәгариф, 2002. – 199 б.
408. Мирзахитов Р.Х. Кереш сүзләр янында тыныш билгеләре. – Мәгариф. – 2010. – № 5. – Б. 27–29.
409. Мифтахов Б.М. Татар теле синтаксисының укыту методикасы. – К.: Татар. кит. нәшр., 1968. – 235 б.
410. Нәбиуллина Г.Ә. Г. Ибраһимов әсәрләрендә атау жөмлөләр // Г. Ибраһимов мирасы һәм төрки дөнъя. Г. Ибраһимовның тууына 125 ел тулуга багышланган халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. 17 апрель 2012 ел. – Казан, 2012. – Б. 231–232.
411. Низамов И.М. Татарча әдәби редакцияләү. – Казан: Казан ун-ты, 2012. – 200 б.
412. Нуриева Ф.Ш. Татар телендәге реклама текстларында сүз төркемнәренең кулланылыш үзенчәлекләре // Фәнни Татарстан № 4. – 2021. – С. 5–17.
413. Поварисов С.Ш. Әдәби әсәрләр теле. – Уфа, 1991. – 127 б.
414. Рамазанов Ш.А. Татар теле буенча очерклар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1954. – 200 б.
415. Сафиуллина Ф.С. Текст төзелеше: югары уку йортлары өчен дәреслек-кулланма. – К.: Казан университеты нәшр., 1993. – 264 б.
416. Сафиуллина Ф.С., Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле. – Казан: Мәгариф, 2002. – 407 б.
417. Сәгъдиева Р.К. Разил Вәлиев шигъриятендә тиңдәш туры тәмамлыкларның кулланылышы // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: сборник материалов

Международной научно-практической конференции (14–17 октября 2015 г.). – Казань: Отечество, 2015. – С. 487–491.

418. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Ф.М. Хисамова. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. I. – 512 б.

419. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 432 б.

420. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. I. – 352 б.

421. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 392 б.

422. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – Т. III. 1 кис.– 536 б.

423. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Т.III. – 2 кис. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – 464 б.

424. Фатихов Ә.Х. Хәзерге татар телендә мөнәсәбәтле сүзләр белән килгән иярченле кушма жөмлөләрнең үзенчәлекләре // Татар филологиясе мәсьәләләре. Гыйльми язмалар. – Уфа: БГУ, 1959. – Б. 5–18.

425. Хадиева Г.К. Хәзерге татар әдәби теле фонетикасы: уку-укыту кулланмасы. – Казан, 2012. – 124 б.

426. Хаков В.Х. Тел һәм стиль мәсьәләләре. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1961. – 160 б.

427. Хаков В.Х. Татар теле стилистикасына кереш. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1963. – 168 б.

428. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1972. – 224 б.

429. Хаков В.Х. Матур әдәбият эсәрләренең телен өйрәнү // Совет мәктәбе. – 1964. – № 6. – Б. 29.

430. Хаков В.Х. Матур әдәбият теле стиле. – Казан, 1967. – 53 б.
431. Хаков В.Х. Татар әдәби теле: Стилистика. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 304 б.
432. Хаков В.Х. Татар теле стилистикасына кереш. – Казан, 1963. – 252 б.
433. Ханбикова Ш.С. Сүз һәм аның мәгънәләре // Татар теле һәм әдәбияты. – Казан: СССР Фәннәр акад. Казан филиалы. – 1977. – Б. 50–57.
434. Ханбикова Ш.С. Сүздәге антонимик мәгънәләр // Лексика и стилистика татарского языка. – Казан: СССР Фәннәр акад. Казан филиалы, 1981. – Б. 3–6.
435. Ханбикова Ш.С., Сафиуллина Ф.С. Синонимнар сүзлеге: 25 меңгә якын синонимик берәмлек. – Казан: Хәтер, 1999. – 256 б.
436. Хангилдин В.Н. Татар телендә сүз ясалышы // Татар телен укыту мәсьәләләре буенча фәнни практик конференция материаллары. – Казан, 1953. – Б. 108–125.
437. Хангилдин В.Н. Татар теле грамматикасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – 642 б.
438. Хисамова Ф.М. XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренә тел үзенчәлекләре. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 164 б.
439. Хәснетдинов Д.Х., Сәгъдиева Р.К. Хәсән Туфан шигъриятендә тезүле бәйләнеш // И.А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика: междунар. конф: VII Бодуэновские чтения: тр. и матер.: в 2 т. – Казань, 2021. – С. 251–258.
440. Шәкүрова М.М. Тел һәм сөйләм материалы буларак текст // Международная научно-практическая конференция «Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы». 11 июня 2015. – К: РИИ, 2015. – С. 319–327.

441. Юсупов А.Ф. X. Туфан шигърияте телендә стиль әйләнмәләре // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии: IX Международная тюркологическая конференция (Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, 13–14 апреля 2018 г.). – Казан: Казан ун-ты нәшр, 2018. – С. 74–77.

442. Юсупов А.Ф. 1920–1950 нче еллар татар шигъриятендә фонетик-стилистик чаралар: төрләре һәм кулланылыш үзенчәлеге // Фәнни Татарстан. – 2019. – № 4. – Б. 34–43.

443. Юсупов А.Ф., Юсупова Н.М. XX гасыр башы татар поэзиясе телендә стилистик үзенчәлекләре (Дәрдемәнд әсәрләре мисалында) // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казан. федер. ун-т, 14–17 окт. 2018 г.): в 2 т. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2018. – Б. 290–293.

444. Юсупов А.Ф., Юсупова Н.М. XX гасырның беренче яртысы татар поэзиясендә синонимнар: кулланылыш үзенчәлеге һәм функцияләре // Вызовы и тренды мировой лингвистики: Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 16–20 ноября 2020 г.): тр. и матер.: в 2 т. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2021. – Т. 1. – С. 431–434.

Литература на иностранных языках:

445. Harweg R. Pronomina und Textkonstruktion. – Münch. – 1968.

446. Daneš Fr., Functional sentence perspective and the organization of the text // Papers on functional sentence perspective. – Praha. – 1974.

447. Beaugrande R.-A. de, Dressler W.U. Introduction to Text-Linguistics. – London; New York: Longman, 1981.

Условные сокращения

вопросительн. – вопросительное

дополн. – дополнительное

обособлен. – обособленный

обр. действ. – образа действия

обстоят. – обстоятельство

определит. – определительное

побудит. – побудительное

подлеж. – подлежащее, подлежащее

с последующ. – с последующим

с придаточн. – с придаточным

СБ – синтаксик бѳен

скажем. – сказуемое, сказуемое

сложносочин. – сложносочиненное

ССП – сложносочиненное предложение

ССЦ – сложное синтаксическое целое

СФЕ – сверхфразовое единство

условн. – условное

уступит. – уступительное